Если

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ И ФУТУРОЛОГИИ

№ 2, 1992

Издатель: газета «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

В номере:

КЛИФФОРД САЙМАК
Способ перемещения

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
Кукловоды

КАРИН АНДЕРСОН
Тартесский договор

ФИЛИПП К. ДИК
Самозванец

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ И ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Карин Андерсон. *Тартесский договор.* 3

Павел Гуревич. Цена предвидения. 5

Клиффорд Саймак. *Способ перемещения.* Роман. 9

Леонард Никишин. Мы неизбежно встретимся. Вопрос где и когда? 51

Филипп К. Дик. *Самозванец.* 55

Александр Рубцов. Тоска по Акакию Акакиевичу. 60

Роберт Шекли. *Рабы времени.* 65

Роберт Хайнлайн. *Кукловоды.* Роман. 75

Александр Асмолов. Бремя свободы. 108

Александр Корженевский. Если бы Хайнлайн стал президентом. 111

Соредакторы журнала:
Александр Шалганов,
Владимир Баканов.

Редакция:
Елена Босовская,
Владислав Задорожный,
Михаил Комаровский,
Валерий Пономарев,
Елена Сеславина.

Обложка Владимира Помочилина, Михаила Шульмана.
Макет Владимира Кулемина.
Набор Марины Абрамовой, Ольги Бутиной.
Верстка Елены Дородновой, Елены Торба.

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 209-05-36 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

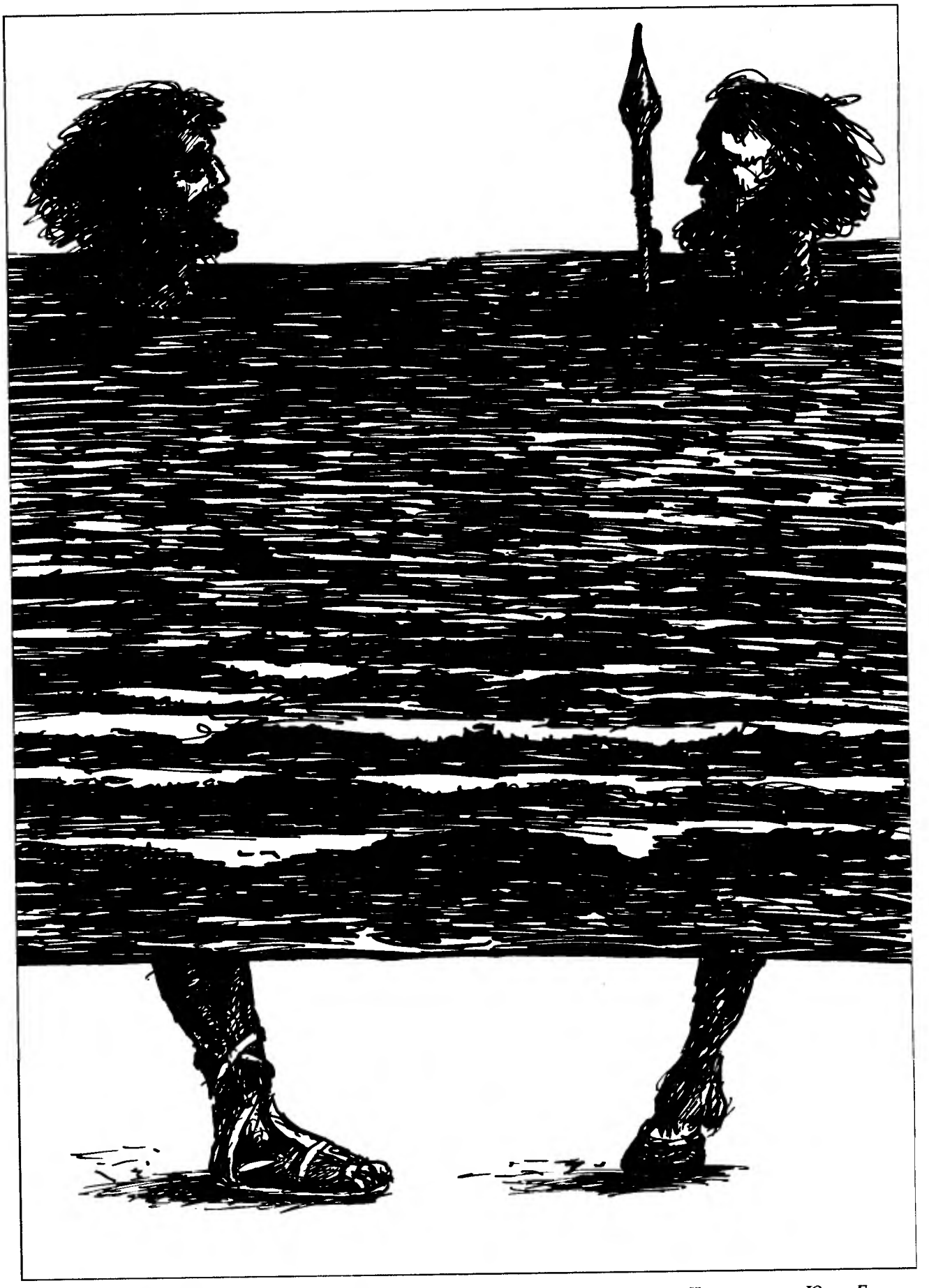


Иллюстрация Юрия Боксера

Карин Андерсон

Тартесский договор

Копыта Иратсабала посверкивали бронзовыми подковами, как и приличествует вождю, а густые пряди светло-гнедых волос удерживались на макушке золотыми шпильками. Во время утренней битвы волосы у него были заколоты деревянными шпильками – золотые плохо держались. Ради торжественного случая он облачился в плащ из шкуры тура, выкрашенной в голубой цвет соком вайды. Застежки плаща были из кованого железа.

Приблизившись к лагерю людей, Иратсабал поднял копье высоко над головой, чтобы все могли увидеть зеленые ветки, обвивающие бронзовый наконечник.

Кинфидий, стоявший перед своим шатром, смерил кентавра неприязненным взглядом, досадливо передернул плечами, расправляя складки плаща, выкрашенного морским пурпуром.

– Привет тебе,благороднейший Иратсабал! – сказал он с поклоном. – Не войдешь ли ты в мой шатер?

Кентавр неуклюже поклонился в ответ.

– С радостью, благороднейший Кинфидий, – ответил он, и человек вдруг с некоторым удивлением заметил, что кентавр выше него только на два пальца.

В шатре было темнее, чем снаружи, хотя там – большая роскошь! – горело целых три светильника.

– Не желаешь ли ты... э... присесть? Или прилечь? Располагайся, как тебе будет удобнее.

Иратсабал опустился на землю, поджав под себя ноги, а Кинфидий с облегчением сел на стул с кожаной спинкой. Он уже опасался, что переговоры придется вести стоя.

– Должен признаться, вы сегодня сражались отменно, – сказал кентавр. – Если мы с вами не поладим, то в конце концов просто истребим друг друга.

– К тому все идет, – сказал человек. – Поэтому тартесские цари, а также все общины до границ Фракии поручили мне договориться с вами, если договор вообще возможен. Ты готов представлять все ваши кланы?

– Более или менее, – Иратсабал хлестнул хвостом по повязке, отгоняя мух. – Я управляю почти всеми землями до Гойкокоа Этчеа – до Пиренских гор, как говорите вы, люди. А в другую сторону – до самого Внутреннего моря. Кроме моего, тут кочуют еще пять племен, но они нас слушаются: мы с закрытыми глазами можем задать хорошую трепку им всем, вместе взятым. Ну, скажем, акроцерании мне не подчиняются, но они меня знают, и я посоветую им согласиться, если они не хотят иметь дело сразу и с моими воинами, и с вашими. Только до этого не дойдет, я здесь для того, чтобы защищать интересы всех.

– Не забудь одного: если общинам не понравятся обещания, которые я дам от их имени, они не станут их выполнять, – сказал человек и погладил завитую каштановую бороду. До чего же мерзко пахнет кентавр! Воняет, как старая попона. Если уж не желает совершать омовений, так мог бы хоть умащивать тело благовониями!

– Прежде всего следует разобраться в причинах войны, – добавил он вслух. – А затем попытаться найти способы, которыми можно уладить спор.

– Если хочешь знать наше мнение, то оно таково, – начал кентавр. – Вы, люди, поселяетесь на одном месте и объявляете, что вся земля – ваша. А мы не понимаем, как это земля может принадлежать кому-нибудь.

– Война родилась, – сказал Кинфидий, сдерживая раздражение, – из ссоры, вспыхнувшей на свадебном пиру.

– Это было только последней каплей, – возразил Иратсабал. – И раньше происходило много мелких стычек. Помнится, я сам как-то бежал по дубраве в дождливый день, думал, как бы разжиться оленинкой, и нюхал запахи, какие бывают, только когда все кругом мокрое. Я даже не заметил, как очутился на вырубке, засаженной травой, которую вы едите. На копыта мне сразу налипла грязь, а ваши прирученные волки давай хватать меня за ноги. Еле вырвался от них – ну и прикончил парочку, но тут прибежали люди, стали бросать копья и вопить: "Убирайся!".

– Нам приходится держать собак и ставить у полей вооруженную стражу, не то посевы погибнут!

– Полегче, полегче! Я ведь просто объясняю тебе, что у этой войны причины посерьезней глупой драки, которую затеяли на свадьбе перепившиеся дураки!

Человек гневно привстал, но вовремя спохватился. Нужно положить войне конец, а не раздувать ее заново.

– Ну, как бы то ни было, а нам трудно ужиться. Люди и кентавры слишком непохожи друг на друга.

– Мы по-разному смотрим на одни и те же вещи, – согласился Иратсабал. – Стоит вам увидеть прогалину, как вы уже думаете о том, как ее распахать. А для нас это – оленье пастбище, место, где гнездятся фазаны и роют норы кролики. Там, где появляются поля, пропадает дичь.

– А почему вы не можете охотиться где-нибудь подальше от полей? – спросил Кинфидий. – Нам же надо кормить наши семьи. И нас так много, что одной охотой мы не проживем.

– А где же тогда охотиться? – пожал плечами кентавр. – Ведь мы кочуем, и всякий раз, когда мы возвращаемся на старые места, оказывается, что долин распахано больше, чем прежде, деревьев срублено больше, а поля поднялись выше по склонам. Даже в Гойкокоа Этчеа, на родине моего племени, начали появляться поля...

– Если вы выберете себе одну какую-то область, земледельцы оставят ее кентаврам, – сказал Кинфидий.

– Хоть Гойкокоа Этчеа и велика, она не может кормить нас круглый год. Нам нужно вдесятеро больше. А если ты имеешь в виду еще и скифских и иллирийских кентавров, так и в сто раз больше.

– Почему бы вам не перебраться в Сарматию и дальше к востоку? В тамошних пустынных степях никто не живет.

– Сарматия! Может быть, пахарю она и покажется пустынной, но я кое-что слышал от скифских кентавров. Туда двинулись ахейцы – настоящие великаны, и у каждого по двадцать коней, которым ничего не стоит съесть на завтрак тебя или меня. Эти ахейцы способны скакать на своих конях всю ночь и весь день сражаться. Клянусь Эйнко, я предпочту держаться от них подальше.

– Ну, уж в Африке-то никто не живет! Так поезжайте туда, – предложил человек.

– Если бы мы и могли все туда переправиться...

– У нас есть корабли. Чтобы перевезти вас всех понадобится не меньше двух лет, но...

– Если бы мы туда и переправились, нам бы там не понравилось. Неподходящее место для кентавра! Жара, сушь, дичи мало... Нет уж, спасибо! Но вы согласны отвезти нас в какое-нибудь другое место?

– Да, в любое! То есть в разумных пределах. Назови его.

– Перед тем, как разгорелась война, у меня был друг – юноша, ходивший в одно из тех плаваний, для которых вы постоянно снаряжаете корабли. Он рассказывал, что побывал в краях, где водится множество разной дичи и где даже растут священные поганки, которыми мы горячим кровь в праздник Лунных плясок... Мой приятель говорил, что место это людям мало подходит, зато кентаврам наверняка понравится. Горы с лугами по откосам, и никаких тебе равнин. Сеять этот ваш ячмень там негде. Ну, и отдайте нам эту землю!

– Погоди-ка! Уж не о последнем ли плавании Киприя ты говоришь?

– Да, мой друг плавал на его корабле.

– Нет, клянусь Матерью Хлебодательницей! Как я могу уступить вам эту землю? Нам же самим о ней пока ничего не известно. Вдруг там столько олова и янтаря, что не нужно будет больше плавать в Туле? А может, там есть жемчуг или пурпурницы? Ведь мы даже не знаем, что вам отдаем!

– Разве Киприй говорил, что видел там олово или жемчуг? Его матросы ничего об этом не знают. А мы отправимся либо туда, либо никуда – это мое последнее слово. Мне ведь стоит только кивнуть, и война снова начнется.

Человек вскочил. У него даже губы побелели от гнева.

– Ну так начинай войну! Пусть мы до сих пор не побеждали, но и поражений не терпели!

Иратсабал рывком поднялся с земли.

– В битвах вы нам не уступаете, не спорю. Но погодите! Мы умеем воевать и по-другому. Ночью мы будем вытаптывать ваши поля, днем нападать на вас из засады. Вы не посмеете подходить к лесу ближе, чем на полет стрелы. Мы будем гонять по полям ваших овец, пока они не исхудают, а на поле не останется ни единого колоса. Полны ли у вас житницы, Кинфидий? Сумеете ли вы дотянуть до следующей весны и сохранить зерно для нового посева?

Человек тяжело опустился на стул.

– Да как же я могу обещать землю, которая мне не принадлежит? Ею могут распоряжаться лишь те, кто дал Киприю корабли.

– Заплати им зерном, которое останется целым на полях. Или еще что-нибудь придумай. Если нужно, мы сами добавим оленьи и турьи шкуры, сколько понадобится.

Кинфидий поднял голову.

– Ну хорошо, Иратсабал, – сказал он устало. – Мы отдаем вам Атлантиду.

Перевела с английского Ирина ГУРОВА

Цена предвидения

Павел ГУРЕВИЧ,
доктор философских наук, главный редактор журнала "Интеллектуал"

Многие стремились распознать будущее, тем более, что цена прогноза, как, например, в рассказе Карин Андерсон, была весьма высока. Мистики разных культур рассчитывали разомкнуть узы аремени. Древниа пророки возглашали волю Бога. Искушая судьбу, смертные пытались изменить собствввнный жребий. Человеческий род издавна соприкасался с некоей тайной, которую античные греки называли роком или фатумом, христиана – предопределанием, буддисты – кармой, а марксисты – закономерностями историчаского процесса. Провозвестия,однако, довольно редко меняли сюжеты истории.

На протяжении многих столетий и тысячелетий пророчества не воспринимались всерьез. Глубинно провидческое в них оценивалось как невнятное. Библейская символика постепенно размывалась в толще веков. Забывался язык Божьих возвещений. Только на исходе нашего тысячелетия стало вдруг обнаруживаться, что иное слово вековечных предсказаний исполнено поразительной мощи и точности.

"Смотрю на землю – и вот, она разорвана и пуста, – на небеса, и нет на них света.

Смотрю на горы – и вот, они дрожат, все холмы колеблются...

Ибо так сказал Господь: вся земля будет опустошена... и восплачет о том земля, и небеса помрачатся вверху... Я определил и не раскаюсь в том и не отступлю от того..."

"Камни возопиют..."

"Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие тяготеет на ней; она упадет – и уже не встанет".

Видения библейских пророков уже перестали быть метафорой. Так считает, например, известный современный теолог Пауль Тиллих. "Основания земли потрясаются" – это становится реальностью.

Не только библейские пророки, но и величайшие мистики от Гермеса Трисмегиста до Нострадамуса обладали тончайшим даром дальновидения. Сквозь покров времени называли они имена, даты, события, исторические катаклизмы. Возвеститель европейской истории Нострадамус, вглядываясь в столетия, которые еще не взошли на горизонте человеческого рода, назвал революционные потрясения Франции, судьбу Наполеона, новую философию, которая обернулась тяжким ярмом тоталитаризма, коричневую чуму, освобождение народов от долгого деспотизма, которое мы, похоже, переживаем...

НО ЕСЛИ ФАТУМ НЕОТВРАТИМ, в чем же тогда предназначение прорицания? Устрашить, вразумить, вселить в душу покорность року... Однако все человеческое естество протестует против такой участи. Сизиф, вздымающий камень на вершину утеса, согрет надеждой, что его усилия не напрасны. Прометей, провожая взглядом орла, надеется, что его терзания кончились. Орфей тщится вызволить свою подругу из подземного царства. Нельзя ли, вообще говоря, освободиться от роковых установлений?

Нам известен персонаж из греческой мифологии, фиванский царь Эдип, который вознамерился избежать предреченной участи. Напомним: дельфийский оракул предсказал Эдипу, что тот убьет отца и женится на собственной матери. Не захотел родитель, чтобы сбылось реченное. Решили перехитрить рок и бросили мальчика на съедение диким зверям. Но получилось именно так, как возвестил оракул. Греховная связь оказалась неизбежной. Свершилось убийство...

В современной прогностике возникло даже своеобразное понятие – "эффект Эдипа". Оказывается, любое прорицание, стоит его произнести, может войти в сознание человека. И тот непроизвольно, безотчетно станет воплощать то, к чему приговорил его изреченный прогноз. Попытка уйти от рока, обернется кошмарной очевидностью. Вот она, цена прорицания...

Может быть, лучше вообще не срывать покров времени? Не проникать мыслью в грядущее? Не разглядывать жребий на светлом

челе? По словам современных французских "новых философов", именно идеи виновны во всех бедствиях человечества. Реальность невольно кроится по меркам социального прогноза. Мечта о благоденствии, которого нет, о стране, которая отсутствует, невольно катапультирует человечество в это поразительное пространство...

Социалисты-утописты едва ли не первые в европейской истории пытались подчинить реальность прекрасной умозрительной идее. Мы долго называли их социальные прогнозы наивными, несбыточными. Пытались придать им более основательный облик, убежденные в утопичности их мечтаний. Но вот парадокс – многое из того, что им грезилось, обернулось огромной историей, воплотилось один к одному. Хотя и получило название антиутопии, то есть кошмарного предсказания.

Вот Шарль Фурье. Он пытается подсказать человечеству идею идеального жизнеустройства. В работе "Новый любовный мир" философ доказывает, что и страсти человека подлежат формовке. Казалось бы, какой невероятный изгиб мысли! Можно ли обустроить глубоко интимный мир человека? Фурье берется за дело с высокомерием знатока.

Предмет любви, по его мнению, слишком запутан. Здесь столько заблуждений! Теперь нужны особые усилия, чтобы вернуть человека его собственной природе. Когда воцарится, наконец, режим гармонии (то есть будет создано лучезарное общество будущего), регулирование удовольствия вообще станет государственным делом. Пора обуздать сладострастие женщин... Мужчинам тоже надлежит поубавить свой пыл...

Нам, прошедшим через опыт антиутопии (Евгений Замятин, Джордж Оруэлл и другие), известно, что те, кто пытается навязать человечеству принудительное счастье, обязательно начинают подавлять неодолимые возгласы плоти. Стоит только, по Фурье, вывести законы многообразных притяжений, в основе которых лежит страсть, как любовные отношения людей будут "упорядочены". Именно так и случилось в тоталитарном обществе. Фурье же считал: наступит гармония любовного мира, в которой плотские страсти будут вообще отодвинуты. Зато воцарятся безгрешная любовь, эротика, рожденная трудовым энтузиазмом ("Кудрявая, что ж ты не рада..."), и бесполезное волокитство селадонов. Не правда ли, совпало все, точь в точь?..

Не пора ли, однако, взять на учет прорицателей? Не от них ли все беды человечества? Они, судя по всему, определяют маршруты истории, и ее локомотив мчится по заранее проложенным рельсам. Неужели нельзя уйти от фатума? Как преодолеть неподатливость истории?

Выход есть, и он, оказывается, предельно прост. Прогнозов должно быть много. Сонм провозвестий трудно воплотить в действительность. Реализуется только одна из многих возможностей. Это единственный шанс вернуть истории желаемую альтернативность.

Враги Спарты, как известно, окружив город, прислали зловещий приговор. "Если вы не сдадитесь, мы превратим город в прах..." Лаконичные спартанцы в своем ответе оставили только одно слово. Остальное зачеркнули. Ответ гласил – "Если..."

Именно таким выглядит пароль современной прогностики.

Множество противоречащих "сценариев", "моделей", "прогнозов" создают впечатление, будто история постоянно чревата тектоническими сдвигами. Компьютер взял на себя роль оракула. Проигрывая самые различные варианты "штурма" будущего, исследователи хотят убедить нас: историю можно пригласить в любое приключение, идиллического или авантюрного свойства. А там уж как получится...

Не обнаруживается ли здесь иная крайность? Исторический процесс нередко описывается в современной футурологии как вереница случайностей. Он оказывается подобным броунову движению. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной истомившейся жертвой самоорганизующихся прогнозов. Любое прорицание неожиданно может завладеть сознанием людей и стать для них ориентиром поведения.

Однако, несмотря на ренессанс всяческих предвидений, современные футурологи нередко попадают впросак. Но это, увы, относится не только к современным пифиям. Платон и Аристотель, размышлявшие над проблемой "идеального государства", считали рабство естественным спутником человечества. О крушении этого института они и не догадывались. "Футурологи" средних веков могли бы, вероятно, предсказать, что в будущем монахов станет неизмеримо больше. Или вот уже на подворье эпоха Просвещения: юношам рекомендуют быть законопослушными, тянуться к знанию. А иные юнцы ведут себя крайне странно. Взяли в руки кинжал, накинули на плечи плащ, повязали на шее эффектный шарф. Ну, кто мог догадаться, что именно они и возвещают начало новой эпохи – ее назовут позже Романтизмом.

Нет, право, нелегко угадать, куда в очередной раз завернет история. Сегодня тончайшая техника предвидения легко выявляет тенденции развития уже наметившихся процессов. Но она оказывается совершенно безоружной перед обозначением резких поворотов истории. Грядущее и в самом деле таится во мгле. Возможно, прав Н.А.Бердяев, который предостерегал от вторжения в таинство истории.

В конце 60-х годов в основных западных странах начались массовые молодежные выступления. Стала складываться "контркультура", которая во многих отношениях противостояла господствующему сознанию. Для футурологов, которые как раз в это время переживали свой очередной бум, все это явилось, как снег на голову... Никто не разгадал столь парадоксальный феномен.

Сравнительно недавно умерший Герман Кан был признанным лидером американской футурологии. И вот он отважился на дальний прогноз. Попытался вместе со своими коллегами показать, каким станет для западных стран конец нашего столетия. Кое-что, разумеется, удалось предвидеть. Но вот среди прочих прорицаний было отмечено, что зона рационального сознания

будет разрастаться. религия и всякая там мистика будут угасать. Однако в конце столетия неожиданно для всех прогнозистов началась новая мистическая волна. Все получилось как раз вопреки сценарию. Именно рационализму пришлось отступить...

Может быть, футурология просто паразитирует на вполне естественной потребности человека заглянуть в будущее? Нет, можно привести и примеры другого рода. Они свидетельствуют о чудном даре предвидения и об огромной пользе верного прогноза для всего человечества.

ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ, по крайней мере на протяжении двух третей нашего столетия, различные социальные процессы изучались в масштабе одной страны. Крайне редко в масштабе континента. Но никому не приходило в голову просчитать, как выглядят эти процессы через призму всего человеческого рода. Скажем, во многих странах население растет в такой пугающей прогрессии, что впору подумать о стерилизации. В других странах, напротив, озабочены угасанием целых народов. Как же выглядят эти данные в "общем и целом", иначе, говоря глобально, в масштабах всего человечества?

В конце 60-х годов в Риме был создан клуб, который включил в себя видных демографов, математиков, статистиков, социологов. Доклады Римскому клубу произвели невиданный резонанс. Неожиданно выяснилось, что сырьевые и энергетические ресурсы человечества близки к своей исчерпанности. Представление о том, что техническая цивилизация на всех порах несется по маршрутам прогресса, мгновенно разрушилось. Оказалось, что человечество стремительно несется к апокалипсису.

Своевременный прогноз помог не только избавиться от прогрессистских иллюзий. Он позволил поразмыслить об альтернативности истории. Идеал информационной цивилизации, который воодушевляет современных футурологов, возник в значительной мере благодаря набросанному сценарию: техническая цивилизация подходит к своей роковой черте.

На исходе тысячелетия футурология вступает в свой золотой век. Возможности ее не безграничны. Однако раскрепощенная мысль может весьма плодотворно послужить человечеству. Заглядывая в грядущее, мы пока еще находимся в плену знакомых сценариев. Грезится некая универсальная общепланетарная цивилизация. Но, может быть, человечество сочтет целесообразным оставить на земной поверхности оазисы ушедших веков? Футурологи толкуют о том, что в начале нового столетия традиционная цивилизация обогатит техногенную цивилизацию, чтобы в итоге возник некий чудесный сплав. Но, возможно, облик грядущего неразгадан. Оно станет совсем иным, неузнаваемым. Набирает силу идея открытости истории, ее многовариантности.

История – раскрытая книга человечества.

P. S.

"ПРЕДВИДЕТЬ ЧТО-ЛИБО ОЧЕНЬ ТРУДНО, ОСОБЕННО БУДУЩЕЕ". Этот ученый каламбур Нильса Бора не столь мудрен, сколь мудр. Все же в истории человечества гораздо больше ложных прогнозов, нежели сбывшихся.

Любопытно: чаще всего подводит футурологов стремление к научности.

Самое великое заблуждение предсказателей – предположение, что будущее можно угадать, сопоставляя механически, нетворчески прошлое и настоящее. Именно тогда они и попадают пальцем в небо.

Вот, скажем, в 1696 году Грегори Кинг писал в книге "Заметки о нынешнем состоянии Англии": "По всей вероятности, население нашей страны удвоится через 600 лет и в лето Господне 2300 достигнет 11 миллионов человек. Следующее удвоение произойдет через 12-13 тысяч лет, и в 3500-3600 году, если мир просуществует столь долго, в королевстве будет 22 миллиона жителей".

Современные футурологи настолько поумнели, что предсказаний о таком далеком времени, как 3500 год, из них клещами не вытянешь.

Томас Джефферсон в 1787 году предсказал рост американских городов и... грящуее людоедство из-за скученности в них.

Века не прибавили оптимизма насчет человеческой натуры, ибо в 1951 году виконт Темплвуд в книге "Под сенью виселицы" начертал: "Виселица в Британии стала такой неотъемлемой частью истории, что лучшие умы страны не представляют будущего без смертной казни через повешение".

Глупое предсказание способно быть источником большой беды. Весной 1750 года, после легкого землетрясения в Лондоне, было предсказано катастрофическое землетрясение, которое сотрет город с лица земли. За два дня до предсказанного срока начался великий исход из столицы. В панике и толчее на дорогах погибли десятки людей. Это тот нередкий случай, когда катастрофа произошла именно потому, что была предсказана.

Чаще всего в лужу садятся те предсказатели, которые силятся давать космического масштаба предсказания, прорицать будущее всего человечества. И тут в действие вступает принудительный оптимизм. В итоге рождаются благоглупости, вроде предсказания барона Рассела в 1905 году о том, что сто лет спустя исчезнут из обихода мясо, табак и вино. Наоборот, по отечественным прикидкам, к 2005 году они появятся даже в нашей стране.

Вышедшая в 1872 году книга Уинвуда Рида "Мучения человека" произвела такое впечатление на Артура Конан-Дойля, что он ввел упоминание о ней в рассказ о Шерлоке Холмсе. Рид свято верил в детерминизм – жесткую предопределенность всего происходящего – и потому писал:

"Когда мы с помощью науки уразумеем метод действия природных сил, то сможем стать на место природы и делать все по собственному усмотрению. Когда нам откроются законы, регулирующие сложнейшие жизненные феномены, мы обретем возможность предсказывать будущее с той же точностью, что и появление комет, орбиты и движение планет".

Он же предрек, что появление трех изобретений – двигателя на смену паровому, воздухоплавания и синтезирование пищи – сделают человека совершенным. Изобретения – вот они. А хомо сапиенс, кажется, все такой же...

Владислав Задорожный

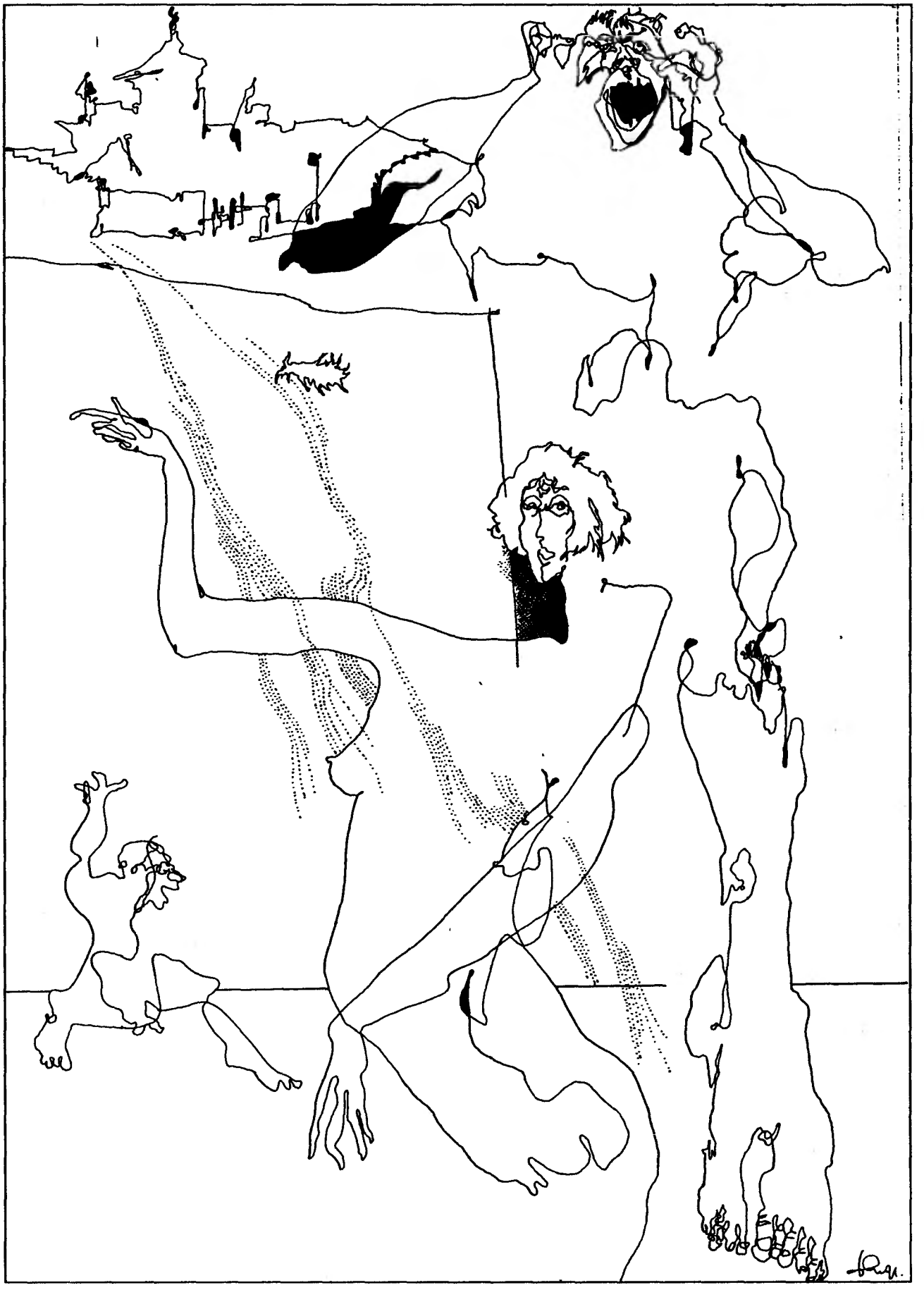


Иллюстрация Бориса Жутовского

Клиффорд САЙМАК

Способ перемещения

Все вокруг было белым-бело, и белизна казалась враждебной, а город выглядел строгим и равнодушным. Город высокомерно взирал на нас, он был погружен в свои мысли, и ему не было дела до мирской суеты и превратностей бытия.

И все же, напоминал я себе, над всем этим высятся деревья. Я вспомнил, что когда корабль в пучке наводящих лучей, пойманных нами в открытом космосе, уже спускался на посадочное поле, то именно деревья навели нас на мысль о загородном местечке. Наверное, мы опускаемся близ деревни. Может быть, говорил я себе, похожей на старую белую деревеньку в Новой Англии, которую я видел на Земле, уютно расположившуюся в долине веселого ручья среди холмов, покрытых по-осеннему пламенеющими кленами. Теперь, оглядываясь вокруг, я был признателен и немного удивлен новой встречей с похожим уголком. Тихое, мирное местечко, и конечно же, здесь живут тихие и мирные существа: их не коснулись причудливые нравы и диковинные обычаи, которых я в избытке навидался на других планетах.

Но оказалось, это ничего общего с деревней не имело. Меня обманули деревья: они "подсказали" мне сельский пейзаж. Трудно было представить, что деревья могут парить над городом, причем городом, разросшимся вверх настолько, что увидеть его самые высокие башни можно только запрокинув голову.

Город был белый, и посадочная площадка была белой, и небо таким бледно-голубым, что тоже казалось белым. Все абсолютно белое, кроме деревьев, венчающих невероятно высокий город.

Я перевел взгляд на поле и только теперь заметил другие корабли. Очень много кораблей, всевозможных размеров и форм, и все – белые и вот почему я не заметил их раньше. Белый цвет, сливаясь с белизной самого поля, служил им камуфляжем.

И ничего не происходило. Ничего не двигалось. Никто не встречал нас. Город стоял, как мертвый.

Откуда-то возник сильный порыв ветра. И тут же я обратил внимание, что вокруг совсем нет пыли. Пыли, которую мог бы развеять ветер, или бумажных обрывков, чтобы он закрутил их. Я шаркнул подошвой по земле, но движение не оставило следа. Посадочное поле было покрыто неизвестным материалом и выглядело так, словно его скоблили и чистили не больше часа тому назад.

Я услышал, как за спиной заскрипел трап. По лестнице спускалась Сара Фостер, и было заметно, что дурацкая баллистическая винтовка, висящая на ремне через плечо, причиняла ей неудобство. Оружие качалось в такт шагам, угрожая застрять между перекладинами.

Я помог ей спуститься, и как только Сара оказалась на земле, она обернулась и изумленно уставилась на город. Изучая классические линии лица мисс Фостер и копну ее вьющихся рыжих волос, я вновь подумал, что Сара по-настоящему красива. Лишь одного не доставало ее облику – той нежной слабости, которая могла бы подчеркнуть красоту.

– Я чувствую себя муравьем, – сказала мисс Фостер. – Оно просто стоит там, глядя на нас сверху вниз. А вы чувствуете взгляд?

Я покачал головой. Нет, я не чувствовал никакого взгляда.

– Каждую минуту, – сказала она, – оно может поднять лапу и раздавить нас.

– А где другие? – поинтересовался я.

– Тэкк собирает вещи, а Джордж слушает – как всегда со своим вечным умиротворенным выражением. Вы знаете, что он заявил? Что он – дома!

– О, Господи!

– Вы не любите Джорджа, – сказала Сара.

– Это не так, – заметил я. – Я не обращаю на него внимания. Меня просто раздражают наши поиски. Они бессмысленны.

– Но он привел нас сюда, – сказала она.

– Верно, – ответил я. – И надеюсь, теперь он доволен.

А вот сам я не был доволен ничем. Ни величием города, ни окружающей белизной, ни спокойствием. Ни тем, что никто не вышел навстречу нам. Ни лучом, который привел нас на эту безлюдную посадочную площадку. Ни деревьями. Деревья не могут, не имеют права расти так высоко, возвышаться над городом.

Над нами раздался топот. Это были монах Тэкк и Джордж Смит. Джордж, громко пыхтя, пятился из люка, а Тэкк, который спускался первым, помогал ему нащупать ступеньки.

Я завороженно наблюдал, как они спускаются по трапу, как монах помогает слепому, когда тому случается ошибиться. "Слепой, – твердил я себе. – Слепой, а с ним вольный монах и женщина, любительница большой охоты – ничего себе компания для погони за дикими гусями, для поиска человека, который, возможно, вовсе не человек, а нелепая легенда.

Джордж и Тэкк наконец спустились, и монах, взяв слепого за руку, повернул его лицом к городу. Лицо Смита расплылось в блаженной улыбке, и это выражение в сочетании с его вялым и безучастным обликом казалось просто неприличным.

Сара слегка тронула слепого за руку.

– Вы уверены, что это то самое место, Джордж? Вы не ошибаетесь?

Блаженство на лице слепого сменилось ступленным восторгом, наводящим страх.

– Ошибки нет, – пролепетал он; его писклявый голос снизился от волнения. – Мой друг здесь. Я слышу его. Как будто я могу протянуть руку и коснуться его.

Я прав: судя по всему, это безумие. Безумно считать, что слепой человек, слышащий голоса – нет, не голоса, а один единственный голос, – способен провести нас через тысячи световых лет, сначала к галактическому центру, а потом за его пределы, в неизведанную область, на планету, известную ему одному.

– К нам идут! – сказал монах Тэкк, показывая на город.

Я приблизил бинокль к глазам и начал настраивать его до тех пор, пока не засек движение. Сперва я увидел передвигающееся пятно, оно медленно увеличивалось, потом распалось. Лошади? Я был изумлен. К нам скакали белые лошади и к тому же необычные лошади; они двигались неустойчивым аллюром, забавно раскачиваясь.

Когда они приблизились, я смог лучше разглядеть их. Это, действительно, были лошади – изысканно стоящие уши, изогнутые шеи, раздутые ноздри и даже гривы – хоть и неподвижные, но как будто вздыбленные ветром. Только вот ноги кончались полозьями. Две пары полозьев – передняя и задняя, и когда лошади бежали, они поочередно касались ими земли.

В недоумении я передал бинокль Саре.

В детстве у меня был конь-качалка, – сказал я ей. – Похоже, это то же самое.

Восемь лошадей стремительно приблизились и остановились подле нас. Даже на месте они продолжали слабо раскачиваться вперед-назад.

Одна из лошадей начала вещать на межкосмическом жаргоне.

– Меня зовут Доббин, – сказала она, – и мы пришли, чтобы забрать вас с собой.

Пока Доббин говорил, не дрогнула ни одна частица его тела.

– Мы настаиваем на том, чтобы вы поторопились, – продолжил Доббин. – Для каждого есть оседланная лошадь, а четверо из нас помогут вам перевезти груз. Нам надо торопиться.

Все, что происходило, мне совсем не нравилось.

– Я не люблю, когда меня подгоняют, – сообщил я Доббину. – Если у вас нет времени, мы можем провести ночь на корабле и отправиться завтра утром.

– Нет! Нет! – жарко возразила лошадка. – Это невозможно. С заходом солнца возникнет Великая Опасность!

– Почему бы нам не согласиться? – вмешался Тэкк, поплотнее закутываясь в рясу.

– Капитан Росс, – решительно подхватила Сара Фостер. – Я полагаю, что нам незачем отказываться от предложения.

– Очень может быть, – рассердился я, – но я терпеть не могу, когда мной командуют нахальные роботы.

– Мы – лошади-качалки, – сказал Доббин. – Мы не роботы.

– Вас сделали люди? Я имею в виду – существа, похожие на нас?

– Я не знаю, – ответил Доббин.

– Как бы не так! – сказал я.

– Милостивая госпожа, – сказал Доббин, обращаясь к Саре, – я прошу вас, поверьте: как только зайдет солнце, вам будет угрожать Страшная Опасность. Я умоляю вас, я заклинаю вас, я настоятельно советую отправиться с нами, и как можно скорее.

– Тэкк, – обратилась Сара к монаху, – сходи за вещами. – Она воинственно повернулась ко мне. – У вас есть возражения, капитан?

– Мисс Фостер, – сказал я ей. – Корабль ваш и деньги ваши. Музыку заказываете вы.

Она взорвалась.

– Вы смеетесь надо мной. Смеялись все время. Вы так и не поверили мне!

– Я привел вас сюда, – твердо сказал я. – И выведу назад. Таков наш контракт. Я только прошу, чтобы вы не усложняли мою задачу.

На горизонте город соприкасался с солнечным диском, и самые высокие башни вгрызались в светило, откусывая от него целые ломти.

– Доббин, – спросил я, – в чем заключается опасность? Что угрожает нам?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, – ответил Доббин, – так как я и сам не понимаю, но я должен вас заверить, что...

– Ладно, хватит об этом! – ответил я ему.

Тэкк тяжело дыша пытался подсадить Смита на лошадь. Сара уже сидела верхом, важно выпрямившись.

Я мельком взглянул на посадочную площадку, обрамленную городскими постройками и потому похожую на чашу. На поле не было заметно никакого движения. Солнце медленно заходило за дома, и с запада, из-за городской стены, выплывали тени. Белые здания постепенно темнели, однако не засветилось ни одного окна.

Где же все? Где жители города? Где те, кто прибыл сюда на кораблях, которые до сих пор возвышаются над полем, подобно фантастическим надгробиям? И почему все эти корабли белые?

- Высокочтимый господин, - обратился ко мне Доббин, - не будете ли вы так любезны сесть верхом на меня? У нас мало времени.

Повеяло холодом, и я признался себе, что мне становится страшновато, хотя и не понятно почему. Возможно, меня пугал вид города, возможно, я предчувствовал, что это поле окажется ловушкой. Может быть, страх объяснялся тем, что вокруг не было ни одной живой души, кроме лошадей-качалок. Да и живые ли они?

Но мне они казались вполне живыми, так что я подошел к Доббину с лазерным ружьем наизготовку и прыгнул в седло.

- Здесь оружие бесполезно, - сказал Доббин неодобрительным тоном.

Я не ответил. Черт возьми, это мое личное дело!

Доббин тронулся, и мы направились к городу через поле. От такой езды можно было сойти с ума: хотя мы двигались размеренно, без резких толчков, но лошади под нами постоянно раскачивались. Казалось, мы перемещаемся не вперед, а только вверх и вниз.

- Капитан! - внезапно завопил Тэкк.

Я мигом обернулся.

- Корабль! - пронзительно кричал монах. - Корабль!

Рядом с кораблем появилось нечто, напоминающее насекомое с коротким толстым телом и очень длинной и толстой шеей, увенчанной крошечной головкой. Из пасти в сторону корабля вырывалась струя, и там, где она касалась обшивки, корабль становился белым, как и другие корабли-надгробия, разбросанные по полю.

Я взвыл и натянул поводья. С таким же успехом я мог бы попытаться остановить камнепад: Доббин настойчиво двигался вперед.

- Назад! - заорал я.

- Возвращение невозможно, высокочтимый сэр, - спокойно проговорил Доббин, ничуть не запыхавшись от скачки. - У нас нет времени. Нам надо спешить в город, чтобы обрести там спасение.

Я сорвал с плеча ружье. Держа оружие над головой Доббина, я направил его на дорогу впереди и нажал курок. Вспышка лазерного света, отраженного от земли, чуть не ослепила меня. Доббин встал на дыбы и закружился волчком. Когда я открыл глаза, мы уже мчались к кораблю.

- Вы погубите нас, - простонал Доббин. - Мы все погибнем!

Странно: там, куда попал лазерный заряд, не было даже отметины, хотя я ожидал увидеть дымящуюся воронку.

Между тем, то самое существо, которое превратило наш корабль в монумент, уже удалялось от нас через поле. Вытянув шею вперед, оно мчалось так быстро, словно передвигалось на колесах или гусеницах.

Мы приблизились к кораблю, и Доббин притормозил. Я не стал ждать, пока он остановится. Лошадка еще продолжала покачиваться, а я уже спрыгнул на землю и побежал к кораблю.

Каждый дюйм корабля был словно покрыт заиндевевшим стеклом. Это был уже просто макет. Уменьшенный в размерах, он смог бы сойти за сувенирный брелок.

Я коснулся обшивки. Покрытие было гладкое и твердое. Я постучал по машине прикладом, и корабль зазвенел, как колокол. Звук отозвался по всему полю и эхом возвратился от городской стены.

- Что с ним? - спросила Сара. Ее голос слегка дрожал: это был ее корабль.

- Какое-то твердое покрытие, - объяснил я. - Кажется, корабль опечатан.

Она сделала резкое движение, и вот уже винтовка сдернута, приклад прижат к плечу. Как бы нелепо ни выглядело ее оружие, но, точно скажу, она умела с ним обращаться.

Прозвучал выстрел, и лошадки в страхе попятились. Но громче, чем выстрел, прозвучал другой звук - неприятное завывание, почти вопль - молочно-белый корабль глухо загудел от удара пули. Но не осталось ни трещинки, ни пятнышка, ни отметины.

Только сейчас я понял, почему вокруг все было одинаково белым. Конечно же, белое поле, белые корабли, белый город - все было покрыто одним и тем же сверхпрочным веществом, которое невозможно разрушить.

Мы приближались к городу, и он приобретал все более четкие очертания. Теперь у домов появилась форма. Их крыши терялись высоко в небе.

Город был по-прежнему пуст. В окнах - ни огонька (конечно, если только в домах были окна). Возле зданий не заметно никакого движения. И не было привычных для городских окраин приземистых домишек: поле вплотную подступало к зданиям, устремленным в небесную высь.

Лошади во весь опор достигли города, звонко цокая полозьями - точь-в-точь табун лошадей, спаса-

СБОР ДАННЫХ

ющийся от бури – и нырнули в одну из щелей-улиц. Темнота сомкнулась вокруг нас. Дома обступали нас со всех сторон, их стены возвышались над нами и смыкались в далекой невидимой точке высоко в небе.

Одно из зданий стояло чуть в стороне, там, где расширялась улица. К его массивным дверям вел просторный пандус. Туда и направились лошадки. Они преодолели подъем и вбежали в здание.

Мы очутились в просторной комнате. На одной из стен неярко светились огромные прямоугольные экраны. И тут я заметил гнома – маленькое, горбатое, похожее на человека существо. Гном возился с каким-то диском рядом с экраном.

– Капитан, посмотрите! – закричала Сара. Она могла бы и не кричать – я видел не хуже ее. На экране неотчетливо возникла картина – некий пейзаж. Казалось, картина проступила со дна кристально чистого моря, и ее яркие краски были скрыты под толщей воды, а очертания расплывались в легкой ряби на морской поверхности.

Красная земля на экране сливалась с лиловым небом; на горизонте над редкими темно-красными холмами бушевала буря, а на переднем плане ядовито желтели цветы. Я попытался сопоставить увиденное с известными мне планетами, но картина сменилась другой. Теперь нам открылись джунгли: утопающий в зелени мир, испещренный пронзительно яркими пятнами – наверное, тропическими цветами. Но за этой пышной растительностью таилось что-то враждебное.

И тут же картина растаяла, а на месте леса оказалась желтая пустыня, освещенная луной и мерцающими звездами. Лунный свет серебром отражался в небе и, преломляясь, падал на песчаные дюны, превращая их в пенящиеся волны.

Пустыня не исчезла подобно другим картинам, наоборот, наступала на нас, словно желала поглотить.

Доббин бешено рванулся вперед. Я сделал отчаянную попытку удержаться и протянул руку к седлу, но не успел и кувырком слетел с лошади.

Удар пришелся на плечо – я проехал по песку и, наконец, остановился. Перехватило дыхание, я с трудом встал. Мы оказались в той самой пустыне, которая виднелась на светящемся экране.

Сара возилась в песке недалеко от меня. Неподалеку копошился монах Тэкк. Рядом с ним ползал на четвереньках Джордж. Он скулил, как щенок, которого ночью выпихнули за дверь на улицу.

Вокруг нас простиралась пустыня, и не было ни травинки, ни капли воды, только белый свет огромной луны да мерцание звезд, разбросанных по безоблачному небу и похожих на лампочки.

– Он исчез! – хныкал Джордж, все еще стоя на четвереньках. – Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

Друг Джорджа был не единственной потерей. Пропал город да и сама планета, на которой был город. Мы оказались совсем в другом мире.

Мне не следовало браться за это дело, – сказал я себе. Я и раньше отдавал себе в этом отчет. Я не верил в успех с самого начала. А ведь удача всегда только с тем, кто верит в нее. Если уж взялся за дело – нельзя сомневаться в успехе.

"Хотя, – вспомнил я, – у меня не было выбора". Я был обречен с того момента, когда в первый раз увидел на Земле великолепный корабль Сары Фостер.

Я возвратился на Землю тайно. Впрочем, "возвратился" – не совсем правильно. До сих пор я никогда не бывал на этой планете. Но именно на Земле я хранил деньги, и к тому же Земля была единственным местом, где я не чувствовал за собой слежки. И дело не в том, что я нарушил закон или пытался обмануть партнеров. Просто вышло так, что многие из тех, кто был когда-то связан со мной, в конце концов разорились до нитки и теперь жаждали встречи. Они непременно добились бы своего, не попади я на Землю, где действовал Закон неприкосновенности личности.

Корабль, на котором я летел, помог мне сбить преследователей с толку. Машина едва избежала участи быть похороненной на кладбище кораблей, хотя место ей было именно там. Залатанный, наспех отремонтированный корабль больше был мне не нужен. Единственное, что от него требовалось, – доставить меня на Землю. Мой корабль – груда металлолома – не оставлял энергетического следа. Конечно, это была безумная попытка, и на самом деле катер мог просто развалиться на куски. Но я уже пережил множество межпланетных гонок с преследованием, и мне было наплевать, что выйдет на этот раз.

Когда я все-таки приземлился, корабль являл самое жалкое зрелище, которое только можно представить.

Недалеко от места посадки я увидел прекраснейшую из космических машин. Изяществом она напоминала яхту, и в то же время в ней чувствовалась мощь. Конечно, я не мог знать, что у нее за "начинка". Но каждый корабль говорит сам за себя. Стоя перед ним, я чувствовал, как у меня чешутся руки сесть за пульт.

Я думаю, что желание поднять корабль в небо было столь острым потому, что я прекрасно понимал: мне больше не вернуться в космос. Мне предстоит провести остаток жизни на Земле. Как только я оставлю ее, меня сцапают.

Я остановился в гостинице при космодроме. Устроившись в номере, я спустился в бар.

Я был немного навеселе, когда в бар вошел робот и пугливо уставился на меня.

- Вы капитан Росс?

На Земле не было ни единой души, которая что-либо знала обо мне или о моем прибытии. Мои контакты здесь ограничились только общением на таможне и со служащим гостиницы.

- У меня письмо для вас, - сказал робот, протягивая послание.

Я раскрыл конверт, вытащил записку и прочел:

Гостиница "Хилтон". Капитану Майклу Россу. Буду очень обязана капитану Россу, если он сочтет возможным поужинать сегодня вместе со мной. Моя машина будет ожидать у входа в гостиницу в восемь часов. И позвольте мне, капитан, первой поприветствовать вас на Земле.

Сара Фостер.

Я сидел, уставившись на листок бумаги. Кто такая Сара Фостер, как она сумела узнать о моем прибытии спустя час после появления на Земле?

Я сидел в баре, тянул стакан за стаканом. Кажется, на пятом стакане я решил, что лучше выяснить все самому.

Сара Фостер жила в роскошном доме на вершине холма. Я предполагал, что у дверей меня встретит робот, но навстречу вышла сама хозяйка. На мисс Фостер было нарядное зеленое платье, которое подчеркивало огненный оттенок ее растрепанных волос и непослушный локон, упавший на глаза.

- Капитан Росс, - сказала Сара, протягивая руку, - как мило, что вы пришли. Вас не смутила моя невразумительная записка? Боюсь, я поступила необдуманно, но я очень хотела встретиться с вами.

Она взяла меня под руку, и мы прошли через весь зал к двери, ведущей в комнату, которая могла сойти за библиотеку - несколько полок в ней были заставлены книгами, - но больше всего походила на склад трофеев. Каждую стену украшали чучела на застекленной полке хранилось оружие, на полу лежали шкуры самых невероятных животных.

В комнате возле огромного камина сидели два человека, и, когда мы вошли, один из них поднялся - долговязая изнуренная личность с худым смуглым лицом. Он носил темно-коричневую рясу, опоясанную четками, и был обут в крепкие сандалии.

- Капитан Росс, - сказала Сара Фостер, - позвольте представить вам монаха Тэкка.

Он протянул мне свою костлявую руку.

- Вообще-то, - сказал он, - меня зовут Хьюберт Джексон, но я предпочитаю, чтобы меня называли монахом Тэкком. Во время моих странствий, капитан, я много слышал о вас.

Я пристально взглянул на него.

- Вы много путешествовали?

Надо сказать, что я уже встречал таких типов и никогда не питал к ним симпатии.

Он кивнул:

- Много и далеко, всегда в поисках истины.

- Чаще всего, - сказал я, - истину найти совсем непросто.

- А теперь, капитан, - быстро проговорила Сара, - познакомьтесь с Джорджем Смитом.

Второй незнакомец неловко поднялся на ноги и вяло протянул руку в мою сторону. Это был маленький кругленький человек неопрятной наружности с абсолютно белыми глазами.

- Вы, конечно, догадались, - начал Смит, - что я слепой. Поэтому простите меня за то, что я не встал, когда вы зашли в комнату.

Я почувствовал неловкость. Я впервые встретил человека, который словно кичился своей слепотой.

Я пожал руку, и она оказалась вялой, будто неживой.

Я занял указанное Сарой место, слепой нащупал стул, и мы вчетвером устроились вокруг камина, а со стен на нас взирали чудища, привезенные с других планет.

Сара заметила, что чучела привлекают мое внимание.

- Прошу прощения, - сказала мисс Фостер, - вы ничего не слышали обо мне, пока не получили мою записку?

- Мне очень жаль, сударыня.

- Я охотник, причем охочусь только с баллистической винтовкой, - сказала она, и мне показалось, что она гордилась этим больше, чем того заслуживает занятие. Впрочем, от ее внимания не ускользнуло, что я не оценил сообщение.

- Я использую только баллистическое оружие, - сухо разъяснила она. - То есть оружие, которое стреляет пулями. Лишь такой способ охоты является настоящим спортом: если вы промахнетесь, то окажетесь один на один с разъяренным зверем.

- Правда, - сказал я, - за вами остается право первого выстрела.

- Не обязательно, - ответила она.

Робот принес напитки, и мы с бокалами в руках почувствовали себя свободней.

- Я вижу, капитан, - сказала Сара, - что вы не одобряете меня. Хотя, наверное, и вам приходилось убивать диких животных, не так ли?

- Конечно, - сказал я, - но я ни разу не делал это ради спортивного интереса. Иногда я убивал, чтобы прокормиться. Иногда - чтобы спасти себе жизнь.

Я сделал несколько глотков из своего бокала.

- Я не испытываю судьбу, - продолжал я. - Я стрелял из лазерного оружия. Я просто сжигал этих тварей.

- Я вижу, что вы не спортсмен, капитан.

– Вы правы. Меня можно назвать космическим охотником. А теперь я вышел из игры.

В течение всего разговора я не переставал гадать, зачем эта встреча. Ведь не ради компании она пригласила меня. Я не вписывался в эту комнату, в этот шикарный дом.

Похоже, она читала мои мысли.

– Думаю, вам хотелось бы узнать, почему вы здесь.

– Сударыня, не скрою, я размышлял об этом.

– Вам знакомо имя – Лоуренс Арлен Найт?

– Слыхал. Его называли Странником. Это, кажется, старая история, она произошла задолго до моего рождения.

– И все-таки: что же вы знаете о нем?

– Да разные нелепицы. Космические байки. Герои, подобные Найту, всегда были и есть, но авторы легенд о нем оказывались в плену его образа. Может быть, все дело в звучном имени. Как, например, Джон Ячменное Зерно или Ланцелот.

– Однако он исчез.

– Начните бродяжничать, – заметил я, – и если вы будете совать нос в чужие дела, рано или поздно вам суждено исчезнуть.

– Но вы же...

– Я вовремя прекратил это занятие.

– Вы поспешили, – сказала Сара. – У меня есть для вас предложение.

– Я в отставке.

– Возможно, вы видели корабль недалеко от того места, где приземлились?

– Да, и не скрою – я восхищен. Так он ваш?

– Капитан, мне нужен кто-нибудь, кто мог бы управлять этим кораблем.

– Но почему я? Есть ведь и другие...

Она покачала головой.

– На Земле? Сколько, вы думаете, настоящих астронавтов осталось на Земле?

– Честно говоря, не так уж много.

– Ни одного! – сказала она. – По крайней мере, ни одного, кому я могла бы доверить корабль.

– Давайте начистоту, – сказал я. – Почему вы уверены, что можете доверить его мне? И вообще, что вы знаете обо мне? Откуда вам известно, что я прилетел?

Сара взглянула на меня чуть прищурившись. Наверное, она так же щурится, когда прицеливается в зверя.

– Я доверяю вам, – сказала она, – потому что вам некуда деться. В космосе вы изгой. Пока вы будете на корабле, вам гарантирована безопасность.

– Куда же мы должны отправиться?

– Об этом знает только Смит.

Я повернулся к Смиту, развалившемуся в кресле, подобно глыбе: мимо меня смотрели его незрячие белые глаза на рыхлом лице.

– Я слышу голос внутри себя, – объяснил Смит. – Где-то далеко у меня есть друг.

– Вы знаете, конечно, что Найта сопровождал робот? – сказала Сара.

Я кивнул:

– Знаю, его звали Роско.

– А вам известно, что это был робот-телепат? У меня есть техническое описание этого робота. Я получила его задолго до того, как возник мистер Смит. А еще есть письма Найта к своим друзьям. Я обладаю, быть может, единственными достоверными материалами о Найте и предмете его поиска. Все это я разыскала до появления здесь этих двух джентльменов.

– И что вы прочли в письмах?

– Я поняла, что он искал что-то.

– Я же говорил вам, они все ищут – все до одного. Некоторые верят в реальность цели. Другие заставляют себя в нее верить.

– А мне, капитан, вы верите?

– Если честно: ни единому слову.

Меня не касалось, что два авантюриста предлагают ей охотиться вслепую, но я не собирался участвовать в этом безумии. Правда, когда я вспоминал корабль, у меня начинали чесаться руки. Но нет, это невозможно! Земля – мое единственное убежище.

– Я не нравлюсь вам, – вмешался монах Тэкк. – Да и вы мне не по душе. Но замечу откровенно: я привел моего слепого друга к мисс Фостер, не думая о материальной выгоде. Я выше денег. Предмет моих поисков – истина.

Я не ответил ему. Да и зачем? Я понимал, кто предо мной.

– Я слепой, – сказал Смит, обращаясь не к нам, не к себе самому, а к кому-то постороннему. – Я могу судить о форме предметов только по подсказке рук. В моем воображении живут образы, я вижу их, но наверняка неправильно, потому что я не представляю себе, что такое цвет. Хотя мне говорили, что предметы бывают цветные. "Красное" что-то значит для вас, а для меня это бессмысленное понятие. Да, от этого мира мне досталось немногое, но я обладаю совсем другим миром. – Смит постучал пальцами по макушке. – Другой мир, – сказал он, – здесь, в моей голове. И это не воображаемый мир, это вселенная, врученная мне другим существом. Я не знаю, где обитает это существо, но я чувствую его.

- Теперь все понятно, - сказал я, обращаясь к Саре. - Он предлагает выступить в роли компаса.

- Именно так, - ответила она. - И ту же роль играл Роско, робот Найта. Об этом говорится в письмах. Найт сам немного обладал такими способностями, достаточными для того, чтобы услышать. И для него был специально изготовлен робот.

Я огляделся. На нас смотрели диковинные животные: одних я встречал сам на далеких планетах, о других только слышал, третьих не мог даже представить. Все стены были заняты чучелами. "И больше нет места для новых, - подумал я. - И, кроме того, охота и погоня за трофеями, возможно, теряет прелесть и остроту. И не только для Сары Фостер, охотницы на крупного зверя, но и для ее "коллег", в глазах которых приключения на далеких планетах придавали ей некоторый престиж. Так что ей ничего не оставалось, как только изменить объект охоты. Добыть непохожее на прежние чучело, пережить новое чудесное приключение".

Мне не нравились эти люди. Мне не нравился их план. Но это был шанс снова оказаться в космосе. Космос проникает в душу, становится частью тебя. Заполненное звездами пространство, безмолвие, ощущение того, что ты никому и ничему не принадлежишь - все это космос. Но не только. Существует что-то еще, чему нет названия. Может быть, как это ни банально, ощущение истинности бытия.

- Подумайте об оплате, - сказала Сара, - потом удвойте цифру.

- Я подумаю о вашем предложении, - сказал я.

Мне бы следовало получше подумать над ним, говорил я себе, разглядывая утопающую в лунном свете пустыню.

Джордж продолжал ныть, но теперь сквозь завывания можно было различить слова. "Что случилось, Тэкк? - стонал он. - Где мы? Что случилось с моим другом? Он исчез. Я его больше не слышу".

- Ради Бога, Тэкк, - сказал я с отвращением, - поднимите Смита, стряхните с него песок и вытрите ему нос! И объясните ему, что происходит!

- Я не могу ничего объяснить, - ответил Тэкк, - пока мне самому не растолкуют, что происходит.

- Я помогу вам сделать это, - сказал я. - Нас обвели вокруг пальца.

- Они вернутся! - простонал Джордж. - Они придут за нами. Они не оставят нас здесь!

Я огляделся. Мы упали на пологий склон дюны; по обе стороны к ночному небу вздымались песчаные холмы. На небе виднелись только луна и звезды. Не было ни облачка. А на земле не было ничего, кроме песка, - ни деревца, ни кустика, ни травинки. В воздухе ощущался легкий холодок, но я понимал, что он исчезнет, когда взойдет солнце. Было очевидно, что нам предстоит провести длинный жаркий день - и без капли воды.

- Вы думаете, мы сможем вернуться обратно? - спросила Сара.

- Я бы не рискнул утверждать это, - ответил я.

- Там была какая-то дверь, - продолжала она. - И лошадки вышвырнули нас в нее, а когда мы упали, здесь уже не было никакой двери.

- Они ждали этого момента с той минуты, как мы появились. У нас не было шансов... Сейчас наша задача - найти более подходящее место, чем это. У нас нет ни пищи, ни воды.

Я повесил ружье на плечо и начал карабкаться вверх по склону песчаного холма. Это оказалось делом нелегким. Ноги глубоко вязли в песке и я все время скользил вниз. Когда же, наконец, я почти добрался до гребня холма, то остановился отдохнуть и оглянулся назад. Мои спутники стояли возле дюны, наблюдая за мной.

Так или иначе, подумал я, но мне надо вытянуть их отсюда. Потому что они надеются на меня. Для них я был человеком, исколесившим космос и побывавшим в разных передрягах. Я был капитаном, а когда речь заходит о жизни и смерти, капитан становится тем, от кого ждут спасения. Проклятые идиоты, бедные доверчивые простаки - они и не предполагают, что я и сам не могу разобраться в происходящем, что у меня нет ни планов, ни надежды и что я растерян не меньше их. Но не дай Бог, чтобы они это почувствовали...

Я помахал им, но как ни старался сделать это весело и беспечно, у меня не получилось. Потом я вскарабкался на самую вершину дюны и увидел все ту же безжизненную пустыню. Увязая в песке, я спустился по склону дюны, взобрался на другую, и снова передо мной открылись бесплодные пески.

Они заманили нас наводящим лучом, вынудили оставить корабль, опечатали его, а потом, не дав ни минуты на размышление, вытолкнули в этот мир.

Честно говоря, я ни на что не надеялся. Но когда я почти достиг вершины следующей дюны, то разглядел на гребне соседнего холма какую-то штуковину, похожую на птичью клетку. Она наполовину утонула в песке, ее металлические прутья поблескивали в свете луны и звезд, напоминая скелет доисторического животного, которое корчилось от страха, пока смерть не прервала его мучений.

Песок под клеткой был взрыхлен, и его тонкие струйки все еще неслись по склону: должно быть клетка приземлилась не так давно. Вероятно, это корабль какой-то незнакомой мне марки, с необшитым каркасом. А если это корабль, то в нем наверняка находилось живое существо.

Я внимательное обшарил взглядом дюну и с правой стороны, далеко от клетки, заметил глубокую борозду, похожую на санный след, исчезающую в тени между двумя дюнами.

Во впадине, куда уходил след, кто-то зашевелился. Я тут же сорвал с плеча лазерное ружье и взял впадину в перекрестье прицела.

Из впадины раздался прерывистый свистящий звук. Сначала я воспринял его просто как шум, но

когда прислушался, то понял, что это было слово.

– Друг? – вопрошало слово.

– Друг! – ответил я.

– Испытываю необходимость в друзьях! – заявил свистящий голос. – Просьба приблизиться без опасений: не имею оружия.

– А я имею, – заявил я устрашающе.

– Нет нужды, – донесся голос из тени. – Слаб и беспомощен.

– Этот корабль наверху – твой?

– Корабль?

– Я имею ввиду средство передвижения. Оно твое?

– Так, друг. Пришло в негодность и стало неуправляемым.

– Я спускаюсь, – предупредил я. – Ты под прицелом. Учти, одно движение – и...

– Иди сюда, – просвистело существо. – Буду лежать без движения.

Я быстро пересек вершину дюны. Пригнувшись, стал спускаться по склону. Дуло ружья было направлено в ту затененную точку, откуда шел скрипучий голос.

Я соскользнул в ложбину и затаился, стараясь разглядеть собеседника. И, наконец, я увидел его – темное неподвижное пятно.

– Эй! – позвал я. – Теперь давай ты.

Пятно вздулось, потом приняло прежнюю форму и вновь замерло.

– Не могу!

– Ладно. Не вздумай шевелиться.

Я сделал короткую перебежку. Пятно не двигалось, даже не дрогнуло.

Теперь я мог лучше разглядеть существо, распластавшееся передо мной. Из его головы – если только это была голова – во все стороны торчали щупальца, безжизненно лежавшие на земле. Голова переходила в суживающееся к концу туловище. Я заметил, что у него были короткие ноги без ступней. Рук не было. Вероятно, с такими щупальцами уже нет нужды в руках. На нем не было ни одежды, ни снаряжения. В щупальцах я не увидел никакого оружия или инструмента.

– Что у тебя стряслось? – спросил я.

Щупальца поднялись, извиваясь подобно клубку змей. Вновь раздался свистящий голос:

– Почва не для меня. Только взрыхляю и тону в ней.

– Ну что, поднять тебя?

– Не принесет пользы. Почва вновь затянет. Друг большого роста, – просвистело существо. – Но хватит ли у него силы?

– Чтобы перенести тебя?

– Да, на твердую поверхность.

– А где же ее взять...

– Так друг не отсюда?..

– Нет, – ответил я. – Я надеялся, что, может быть, ты...

– Как ты мог подумать? – возмутилось существо.

Я приблизился и сел рядом с ним.

– А твой корабль? Может, отнести тебя к нему?

– Не поможет. Не двигается.

– А пища, вода?

Я был особенно заинтересован в воде.

– Путешествую в своей второй сущности и не испытываю ни голода, ни жажды. Защита в открытом космосе и немного тепла – вот все, в чем нуждаюсь.

Ну вот, еще один на мою голову!.. Я мог бы перенести его к моим спутникам, но что это даст?.. Однако нельзя же просто так повернуться и уйти, оставив его одного. Любое живое существо заслуживает, по крайней мере, того, чтобы кто-нибудь дал ему понять, что его жизнь все-таки что-то значит.

– Между прочим, меня зовут Майк, – сдался я.

– Майк, – проговорил он, приноравливаясь к непривычным звукам. Он просвистел это слово так, что его можно было принять за все что угодно, но только не за человеческое имя. – Нравится. Доступно для произнесения. А мое имя? Сложная основа – описание структуры моего организма. Понятно только моему народу. Пожалуйста, выбери для меня имя по вкусу. Короткое и простое, прошу.

Конечно, было смешно вообще затевать разговор об именах. Как это ни забавно, но я даже не собирался представляться. Мое имя вырвалось у меня само собой, почти инстинктивно. Назвав себя, я удивился этому. Но теперь, когда знакомство состоялось, я почувствовал себя спокойней.

– Что если я буду звать тебя Свистуном? – спросил я, но тут же прикусил язык. Конечно, это было не самое подходящее имя. Но он пошевелил похожими на змей щупальцами и несколько раз повторил слово.

– Отлично, – заявил он. – Подходяще! – И добавил: – Привет, Майк!

– Привет, Свистун!

Я зарылся ступнями в песок и наклонился, чтобы схватить Свистуна обеими руками. Мне удалось водрузить его на спину. Он оказался тяжелее, чем я ожидал, удержать его круглое туловище было непростым делом. Кое-как я все же приноровился и начал подниматься вверх по дюне. Песок рассыпался под ногами, увязавшими по щиколотку; мне приходилось бороться за каждый дюйм – подъем ока-

зался тяжелее, чем я предполагал.

Наконец, я достиг гребня дюны и, осторожно опустив Свистуна на землю, упал на песок, тяжело дыша.

- Слишком много хлопот из-за меня, - сказал Свистун.

- Нам уже недалеко.

Я перевернулся на спину и уставился на небо.

- Твоя родина где-то здесь? - спросил я.

- Нет, далеко, - ответил Свистун. И он проговорил это так, что у меня пропала охота продолжать распросы. Если ему не хотелось говорить о том, откуда он родом, то я не настаиваю. Может быть, он в бегах, или эмигрант, или изгнан. Все было возможно. Космос полон бродяг, для которых нет дороги домой.

- Майк, - внезапно позвал меня Свистун, - мы не одни.

Я резко повернулся, схватив ружье.

Над той самой дюной, куда упал корабль Свистуна, висело колесо. Большое блестящее колесо с зеленой точкой в центре, ярко сверкавшей в лунном свете. Обод колеса достигал десяти футов и был соединен с пятном в центре сотней серебряных спиц.

Колесо не двигалось. Оно парило в воздухе над дюной. Я был уверен, что оно наблюдает за нами.

- Давай вниз, - сказал я Свистуну. - Прячься!

Он пошевелил щупальцами, выражая несогласие.

- Имею оружие, можно воспользоваться.

- Ты же сказал, что безоружен!

- Враки, - весело просвистел он.

- Ты мог напасть на меня, - рассерженно сказал я.

- Нет, - ответил он. - Пришел как друг. Если бы я сказал правду, ты бы не подошел.

Я решил пропустить это мимо ушей. Пусть он схитрил, но он на моей стороне.

Кто-то позвал меня, и я резко повернул голову. На вершине соседней дюны стояла Сара, а слева от нее я увидел две торчащие над гребнем головы.

- Убирайтесь отсюда, - крикнул я Саре и Тэкку.

За спиной что-то щелкнуло, и я резко повернулся. По серебряной паутине, натянутой между ободом и центром колеса, из зеленого сгустка опускалось, сползало на нас нечто, похожее на каплю. Форма капли и особенно то, как она стекала по паутине, напоминало паука. Но это не было пауком. Паук показался бы красавцем по сравнению с тем уродом, который спускался по паутине. Вниз сползало трясущееся, безобразное существо, похожее на слизняка. У него было с дюжину рук и ног, и на одном конце капли я разглядел то, что можно было назвать лицом. Нет слов, чтобы описать то ощущение гадливости, которое вызывало лицо. Меня охватило единственное желание - оказаться как можно дальше от этого места.

Слизняк издавал звуки, от которых у нас звенело в ушах. В этих воплях слышался скрежет зубов, размалывающих кости, и чавканье шакала, жадно раздирающего разлагающуюся добычу, и озлобленное рычание. Все эти звуки раздавались одновременно, а не поочередно, или, может быть, одновременно напоминали и то, и другое, и третье, так что, думаю, что если бы мы слушали дольше, наверняка бы распознали бы и новые ноты.

Паук достиг обода колеса и, спрыгнув на дюну, замер над нами, широко расставив лапы. Он стоял, уставясь на нас, издавая вопли, которые заполнили всю пустыню от земли до неба. И за страшной какафонией, как будто закодированное в самих звуках, звучало одно-единственное слово:

- Убирайтесь! - кричало нам существо. - Убирайтесь! Убирайтесь! Убирайтесь!

Откуда-то из лунной ночи, из страны вздымающихся дюн на нас налетел ветер, или другая сила, подобная ветру, которая закрутила нас и отбросила назад. Хотя, если хорошенько подумать, ничего общего с ветром не было, ведь ни одна песчинка не шелохнулась. Но нас как будто ударили со всего размаха, толкнули, опрокинули и отшвырнули назад.

Мерзкая тварь все еще стояла на дюне и неистовствовала, а я, отшатнувшись под напором ветра, вдруг сообразил, что у меня под ногами уже не песок, а твердая поверхность.

Все произошло так, как будто бы распахнулась невидимая дверь. И в то же мгновение приступ ярости уродливого существа закончился, и воцарилась тишина.

Я быстро оглянулся вокруг и обнаружил, что мы находимся в том же месте, откуда начали свое путешествие, в той же комнате с экранами, и на каждом экране изображены непохожие друг на друга миры.

Мы вернулись, но в том не было нашей заслуги. Монстр из песчаного мира просто вышвырнул нас из своей страны.

Ночь, опустившаяся на город, уже сменилась днем. За просторным дверным проемом светило солнце, и на фоне желтого цвета я увидел возвышающиеся городские кварталы. В комнате не оказалось ни лошадей-качалок, ни гнома, по воле которого мы попали в пустыню.

Я отряхнул одежду и снял с плеча ружье. Мне нужно было кое с кем поговорить.

Мы обнаружили их этажом ниже, в большом зале. Похоже, это был склад.

Гном деловито разбирал наши вещи. Лошадки собрались в полукруг и наблюдали за происходящим. Они спокойно покачивались, и хотя их морды ничего не выражали, мне все же почудились

удовлетворенные ухмылки. Они явно были довольны собой.

Все в комнате были настолько поглощены осмотром трофеев, что никто не обратил на нас внимания, пока мы не подошли вплотную к этой компании. Увидев нас, лошадки откатились назад, а гном начал медленно распрямляться. Наверное, пока он стоял нагнувшись над нашими вещами, у него затекла спина. Все еще в полусогнутом состоянии он уставился на нас сквозь взлохмаченный чуб, падающий на глаза. Он был похож на английскую овчарку.

Мы встали плечом плечу. Мы не сказали ни слова. Мы ждали.

Гном всплеснул неуклюжими ручонками.

– Мой господин, мы собирались пойти за вами!

Я молча указал дулом ружья на наш груз, разбросанный по полу. Гном посмотрел и тут же затараторил:

– Формальность чистой воды. Таможенная проверка.

– Чтобы взять пошлину? – поинтересовался я. – И, наверное, высокую?

– Ни в коем случае, – сказал он. – Просто некоторые предметы запрещены к ввозу на нашу планету. Однако, если вы не против, речь может идти о чаевых. Ведь мы оказываем нужные услуги. Я имею в виду укрытие в случае опасности и...

Я осмотрел склад. Он был весь заполнен коробками, корзинами, какой-то другой неизвестной мне тарой. Меня окружали различные предметы, аккуратно сложенные в штабеля.

– Кажется, – заметил я, – ваши дела идут неплохо. Если бы вы спросили меня, я бы ответил, что у вас и в мыслях не было снова встретиться с нами.

– Клянусь, – гном прижал руки к груди, – мы вот-вот собирались открыть дверь. Но... увлеклись вашим замечательным багажом и потеряли счет времени.

– Почему вы отправили нас в эту пустыню? – спросила Сара.

– Чтобы защитить вас от Великой Отчетности, – доверительно объяснил гном. – Каждый раз, когда приземляется корабль, происходит... как бы это сказать... потрясение.

– Землетрясение? – спросил я. – Планета трясется?

– Не планета. Происходит потрясение чувств. Все живое гибнет. Именно поэтому мы отправили вас в другой мир – чтобы спасти от опасности.

Он лгал. Я был уверен в этом. Или лгал хотя бы в том, что собирался вызволить из пустыни. Какой смысл ему спасать нас. Он получил все, что хотел, и ничего не выигрывал от нашего возвращения.

– Послушай, приятель, – сказал я. – Я не верю ни одному твоему слову. С какой стати посадка корабля должна вызвать "потрясение"?

Он потер скрюченным пальчиком бесформенный нос.

– Этот мир закрыт для всех, – объяснил он. – Здесь никого не ждут. Когда гости наведываются, они погибают. А если им все же удается ускользнуть, корабль опечатывается так, чтобы они не смогли воспользоваться им и разнести по вселенной информацию об этой планете.

– И все же, – сказал я, – существует мощный направленный луч. Луч-приманка. Вы заманили нас сюда, потом избавились от нас и забрали все наши вещи. Вы получили все, кроме корабля. Не удивительно, что лошади требовали, чтобы мы ничего не оставляли. Они знали, что произойдет с кораблем. Очевидно, вы еще не изобрели способ распечатывания.

Он кивнул.

– Таковы порядки на закрытых планетах, сэр. Возможно, секрет можно разгадать, но пока это не удалось.

Я попал в точку. Видимо, он понял это и больше не пытался отпираться.

– Но я не могу понять, – сказал гном, – как вам удалось вернуться. Никому не удавалось возвратиться из другого мира. Если только мы сами не помогали им.

– И ты говоришь, что собирался вызволить нас?

– Да, клянусь! И вы можете забрать все свои вещи. Мы не собирались присваивать их.

– Хорошо, – сказл я. – Ты становишься благоразумнее. Но нам надо кое-что еще.

Гном напрягся.

– Что же это? – спросил он.

– Информация, – ответил я. – Она касается другого человека. Гуманоида, такого же, как мы. С ним еще был робот.

– Давно, – сказал гном. – Очень давно.

– Появлялись ли еще люди? Или он был единственным?

– Позже было еще шестеро. Они отправились за черту города, и больше я их не видел.

– Что же они искали? – спросила Сара.

Он криво усмехнулся.

– Все держат это в тайне.

– Но тот гуманоид, – не отставала Сара, – тот самый, который прибыл один в сопровождении робота...

– Да, – продолжал гном. – Был один с роботом. Он тоже ушел и не вернулся. Однако робот позже возвратился. Хотя он мне ничего не объяснил. Он не сказал ни слова.

– И робот все еще здесь? – спросила Сара.

– Частично, – сказал гном. – Мне очень жаль, но блок, который управлял им, пропал. Мозги, по-вашему. Я продал его диким лошадям. Они прилично заплатили. А корпус остался у меня.

- Зачем же им понадобился блок управления? - спросила Сара.

Гном развел руками.

- Откуда мне знать? - сказал он. - Они не терпят вопросов. Это грубые и дикие существа. У них туловище лошадей, а головы - такие же, как ваши, и руки тоже.

- Итак, - сказал я, - нам необходимы: корпус робота, карты планеты, запас воды. А также лошади-качалки, чтобы везти нас и наш груз.

- Мы не пойдем, - заявил Доббин. - Вы пришли сюда с плохими намерениями. Мы спасли вас, спрятав в другом мире, а вы подозреваете нас в предательстве. Вы негодуете, когда ваш благодетель из простого любопытства рассматривает ваш багаж. Вы помыкаете нами, вы ведете себя отвратительно, вы...

- Достаточно! - крикнул я. - Я не позволю недоделанному роботу так разговаривать со мной.

- Мы не роботы, - натянуто сказал Доббин. - Я говорил вам, снова и снова, что мы - самые обычные лошади-качалки.

Ну вот, мы опять вернулись к этой теме, к нелепому утверждению лошадок, к их странной упрямой гордости. Если бы я не был столь раздражен, я бы расхохотался.

- Осторожно! - крикнула Сара. Я резко повернул голову и увидел, что лошадки надвигаются на меня на задних полозьях, угрожающе подняв передние.

И тут вперед рванулся Свистун. Делая рывок, он вспыхнул. Возможно, я выбрал неподходящее слово, чтобы описать его состояние, но ничего другого на ум не приходит. Он выбежал вперед, стуча крохотными ногами по полу, потом задрожал, окутываясь голубоватой дымкой, напоминая забарахливший электрический прибор. Лошадки внезапно оказались в дальнем углу комнаты, устроив кучу малу. Их полозья шевелились в воздухе. Я не понял, каким образом они переместились, - просто ни с того ни с сего оказались в этом углу.

- Все будет нормально, - сказал Свистун, извиняясь. - Вреда не причинил. Испытывают некоторое неудобство, но это пройдет.

Гном медленно выбирался из-под кипы мешков, коробок и корзин. Глядя на него, я понял, что его бойцовский дух иссяк. Лошадки выглядели не лучше.

- Тэкк, - сказал я. - Мы отправляемся. Соберите наши вещи. Как только навьючим лошадок, трогаемся в путь.

Дома обступили нас. Они высились с обеих сторон. Стены поднимались до неба, и там, где они кончались (если они действительно кончались, ведь, стоя у основания дома, нельзя было сказать наверняка), виднелась только бледно-голубая полоска. Узкая улица изгибалась впереди нас. Она струилась между домами, как ручеек среди валунов.

Все было белым, даже мостовая, по которой мы шли. Скорее, это была одна сплошная плита, без конца и края и без единого шва. Мостовая убегала за горизонт, там же терялся из виду город. Было ощущение, что из города невозможно выйти: все, кто попадает сюда, оказываются его пленниками.

- Капитан, - сказала Сара, шагая рядом со мной. - Я не понимаю вас.

Я не счел нужным отвечать. Я знал, что она недовольна мною, причин с каждым днем все больше. Но что бы я сейчас ни сказал в ответ, ничего не изменится.

Я бросил взгляд через плечо и увидел, что остальные движутся позади. Лошадки везли наш багаж и фляги с водой. Смит и Тэкк ехали верхом. Шествие замыкал Свистун. Он напоминал собаку, стерегущую стадо овец, и временами даже описывал круги. Его тело сороконожки было низко посажено на две дюжины ног. Я понимал, что пока Свистун "пасет" лошадок, они не посмеют дурачить нас.

- Вы чересчур грубы, - продолжала Сара, - Вы идете напролом. Вы абсолютно неспособны к компромиссам, и иногда мне кажется, что это приведет нас к беде.

- Вы имеете в виду гнома, - сказал я.

- Можно было бы договориться с ним. Он сказал, что собирался вызволить нас из пустыни, и я склонна верить ему. Наверное, сюда прибывали другие экспедиции, и он забирал их из того мира, куда отправлял их.

- В таком случае, - сказал я, - как вы объясните его комнату, набитую различными предметами?

Некоторое время мы шли молча. Сара злилась на меня. Ей не нравились мои методы, и она все пыталась сообщить мне об этом, но ее попытки не имели успеха.

- Мне не по душе этот Свистун, - продолжала она. - Какое-то пресмыкающееся.

- Зато он нравится мне, и он спас нас в той переделке с лошадьми... Мисс Фостер, вы, несомненно, помните, какие деньги посулили мне. И теперь я пытаюсь их заработать. И я заработаю их, независимо от того, что вы говорите или делаете. Вы не обязаны любить меня. Вы не обязаны одобрять мои действия. Но я отвечаю за успех дела, потому что вы наделили меня этой ответственностью, и я и дальше буду в ответе за все, пока мы не вернемся на Землю - если нам суждено вернуться после этой нелепой затеи.

Неожиданно улица круто вильнула, и мы увидели дерево. Это было первое дерево, увиденное нами с тех пор, как мы ушли с посадочного поля.

Я остановился, и Сара вместе со мной. За нами, замедляя ход, семенили лошадки. Когда бряцанье

их полозьев стихло, я услышал тихую мелодию. Она звучала давно, только я не обращал на нее внимания, потому что она заглушалась лошадиным цоканьем. Джон Смит, слегка раскачиваясь в седле, мурлыкал что-то себе под нос.

Сара спросила: "Вы что-то хотите сказать?"

– Пока не собираюсь, – ответил я. – Но если он не замолчит, я заткну ему глотку.

– Он поет от счастья, – объяснил Тэкк. – Похоже, мы приблизились к тому существу, которое взывало к нему на протяжении многих лет, и сейчас счастье переполняет его.

Смит никак не реагировал на происходящее. Он по-прежнему напевал, словно дитя, какую-то нескладную песенку.

...Солнце клонилось к западу, когда мы наконец дошли до конца улицы. Здесь же кончался и город. Дальше лежала красно-желтая земля, край одиноких холмов, голубых горных цепей, деревьев, растущих поодаль друг от друга. Виднелась и другая растительность – невысокие кусты то тут то там, – но в глаза бросались только эти огромные деревья. Ближайшее к нам находилось на расстоянии трех миль.

В том же направлении в миле от нас стояло здание, не похожее на городские строения. Оно казалось легким – но никак не легкомысленным – и прочным. Его построили из какого-то красного материала, и хотя бы это отличало его от белизны городских домов. Здание украшали шпили, башни, высокие окна, а к трем распахнутым дверям вел высокий пандус.

– Капитан Росс, – сказала Сара, – не устроить ли нам привал? У нас был тяжелый день.

Я не стал спорить.

Мы были на полпути к красному дому, когда я услышал крики. Я оглянулся: на нас мчались лошади. Ни секунды не размышляя, я спрыгнул с тропы и, схватив Сару, потащил ее за собой. Мимо нас пронеслись лошадки: их полозья мелькали так быстро, что, казалось, сливалось в одно пятно. Смит и Тэкк отчаянно цеплялись за седла, коричневая ряса Тэкка развевалась на ветру позади него. Лошадки неслись к пандусу, ведущему в здание, и ржали так, что можно было сойти с ума.

Над моей головой раздался негромкий взрыв, в воздухе просвистели темно-красные снаряды и рикошетом отскочили от земли.

Я не понимал, что происходит. Лошадки, вероятно, знали больше меня, поэтому они так спешили к пандусу. Я рывком поднял Сару на ноги, и мы побежали за лошадками.

Справа от нас опять что-то взорвалось, по земле запрыгали темно-красные снаряды, поднимая пыль.

– Дерево! – крикнула Сара, переводя дыхание. – В нас стреляет дерево!

Я поднял голову. Множество красных плодов проносились над нами в воздухе. Без сомнения, их направляло дерево.

– Осторожней! – воскликнул я и подтолкнул Сару. Она оступилась и упала на землю, увлекая меня за собой. Вокруг нас взрывались красные плоды – бах! бах! бах! – казалось, все пространство было заполнено свистящими снарядами. Один попал мне в ребро, и мне почудилось, что меня лягнул осел.

– Вперед! – крикнул я и потянул Сару с земли. Она вырвалась и побежала впереди меня к зданию. Снаряды все взрывались и взрывались вокруг и отбивали чечетку по покрытию пандуса. Но все-таки мы поднялись к дому и ворвались внутрь.

Лошадки испуганно жались друг к другу. Свистун сновал перед ними, подобно встревоженной овчарке. Тэкк едва держался за луку седла, Смит прекратил петь, но лицо слепого по-прежнему светилось счастьем. Его вид мог привести в ужас любого.

Мимо меня шмыгнуло какое-то маленькое существо. За ним промчалось еще одно, потом еще. Крохотные бегуны удивительно напоминали крыс. Они хватали зубами плоды и мчались обратно.

В темноте позади нас послышался шорох и писк, и через секунду новые сотни крыс промчались мимо нас, задевая наши ноги, натыкаясь на них в безумной спешке.

Свистун поджал ноги и опустился на пол, раскинув щупальца.

– Собирают урожай, – предположил он. – На случай голода.

Я согласился. Похоже, Свистун прав. Темные плоды – это стручки, наполненные семенами, и дерево нашло своеобразный способ их распространения. Но не только. В нашем случае дерево использовало их как оружие. Если бы радиус попадания был меньше, а поблизости не оказалось здания, нам бы пришлось туго. Я еще чувствовал боль в боку.

Сара уселась на пол, положив винтовку на колени.

– Все нормально? – спросил я.

– Устала – и все! – ответила она. – Думаю, что нам ничего не мешает обосноваться прямо здесь.

Я осмотрелся. Тэкк спешился, но Смит сидел в седле, прямой как стрела. Он высоко поднял голову, склонив ее немного на бок, как будто прислушиваясь к чему-то. С его лица не исчезало идиотское выражение счастья.

– Тэкк, – сказал я. – Не могли бы вы и Смит разгрузить лошадей. Я пока поищу дрова.

– Я не могу заставить его спуститься, – чуть не плача сказал Тэкк. – Он попросту ничего не слышит.

– Что с ним? Он ранен?

– Не думаю, капитан. Полагаю, он, наконец, оказался там, куда стремился. Я думаю, он добрался до цели.

– Вы имеете в виду голос?

– В этом здании, – сказал Тэкк, – когда-то был храм. Во всяком случае, мне так кажется.

Извне дом действительно был похож на церковь, но было трудно разглядеть его изнутри. Солнечные лучи проникали в дверь, вход ярко освещался, но дальше была абсолютная темень.

Я снова взглянул на Смита. Он и не шевелился. Слепой продолжал прямо сидеть в седле. На его лице застыла маска безумного счастья.

Наш спутник был далеко от нас. Его мысли гуляли по вселенной.

– В этом доме обретаешь покой, – сказал Свистун. – Очень странный покой. Наводит страх. Говорю со стороны. Не знаю ничего подобного. О чем догадаюсь – сообщу.

Я позвал Тэкка, и мы сняли слепого с седла, опустили на пол и прислонили к стене возле двери. Он не сопротивлялся и никак не показал, что осознает происходящее.

Я подошел к одной из лошадок и сбросил с нее мешок. Копаясь в нем, я обнаружил карманный фонарь.

– Давай-ка, Свистун, – предложил я, – пойдем на разведку и поищем дрова. Может быть, здесь есть старая мебель или что-то в этом роде.

Вместе со Свистуном, который семенил бок о бок со мной, мы проникли вглубь здания. Дом оказался пуст. Высоко над нами пятнали стены солнечные блики – свет, должно быть, пробивался сквозь окна. Справа от нас сплошным потоком бежали маленькие крысообразные твари, сжимая в зубах семена. Я направил на них фонарь, и свет отразился в их красных свирепых глазках. Я выключил фонарик – один вид грызунов вызывал дрожь.

Свистун похлопал меня щупальцем по руке, а другим указал в угол. Я увидел огромную кучу мусора.

– Дрова? – предположил Свистун.

Похоже, это могло сойти за дрова: поломанные, деревяшки, возможно, остатки мебели, разрушенной словно в припадке ярости. Здесь же валялись и металлические детали: одни ржавые и покореженные, другие все еще сохранившие блеск. Когда-то эти куски металла представляли собой, вероятно, рабочие инструменты, но теперь все они были погнуты так, что абсолютно потеряли форму. В куче валялись обрывки одежды и странного вида деревянные чурбаны.

– Удивлен. Неживые объекты вызывают ярость! – заметил Свистун. – Таинственный случай, невозможно постичь разумом.

Я передал ему фонарь. Он обвил его щупальцем и стал светить мне. Я встал на колени и принялся выбирать из кучи дрова. Деревяшки были тяжелыми и сухими, гореть они будут хорошо. Наткнувшись на кусок дерева, обтянутый тканью, я хотел было выбросить его, однако подумал, что это сойдет за трут, и прихватил с собой.

– Помоги мне, – сказал я, обращаясь к Свистуну.

Он не ответил. Свистун застыл, как пойнтер, учуявший дичь, и его щупальца указывали прямо на потолок, – если только у этого здания был потолок.

Я поднял голову, но ничего не увидел. У меня лишь возникло ощущение, что предо мной необъятное пространство – одно сплошное пространство – от пола до башенок и шпилей. С дальнего конца огромного пространства до нас доносился шелест, становившийся громче и громче. Как будто множество птиц быстро и отчаянно бились крыльями, как будто крылатая стая разом поднялась с земли и рвется в небо. В темной мгле над нашими головами происходил великий исход, и миллионы крыльев неслись из ниоткуда в никуда. Они – эти крылатые существа – не просто кружили в пространстве: их неистовые метания имели точную цель – в течение одного мига они пересекали несколько тысяч футов пустоты, зияющей над нами, и исчезали навсегда, но на их месте появлялись другие.

Я напряг зрение, но ничего не смог разглядеть. Либо они носились слишком высоко, либо были невидимы, либо, подумал я, их не было вовсе.

Шум крыльев прекратился также неожиданно, как возник. Они улетели, и от наступившей внезапно тишины звенело в ушах.

Свистун опустил щупальца.

– Не здесь, – сказал он. – Где-то в другом месте.

Да, внутренне согласился я. Шум этих крыльев шел не из того измерения, где мы находились. Он зарождался в ином измерении, и только какое-то странное пространственно-временное эхо помогло нам услышать его. Я не мог объяснить, что натолкнуло меня на эту мысль.

– Давай вернемся, – сказал я Свистуну. – Все, должно быть, проголодались. И давно не спали. А ты, Свистун? Я не спрашивал тебя – сможешь ли ты есть нашу пищу?

– Нахожусь в своем втором образе, – ответил Свистун.

Я вспомнил: во втором образе (что бы это могло значить?) ему не требуется еда.

Мы вернулись к входу в здание. Лошади встали в круг, опустив головы. Мешки, снятые с их спин, аккуратно стояли возле стены недалеко от двери. Подле них расположился Смит, все еще расслабленный, все еще счастливый, все еще погруженный в себя, похожий на надувную куклу, прислоненную к стене. Рядом с ним подпирало стену тело Роско, безмозглого робота, которое мы отобрали у гнома. Глядеть на эту парочку было воистину жутко.

Солнце село, но крысообразные твари не уставали сновать из дома на улицу и собирать семена.

– Стрельба стихла, – сказала Сара. – Но она начнется, как только мы высунем головы.

– Не сомневаюсь, что вы уже попробовали, – сказал я.

– Сара кивнула.

– Это не опасно. Я тут же нырнула обратно. Да, дерево видит нас. Я уверена.

Я опустил дрова на пол. Тэкк уже распаковал несколько кастрюлек и сковородок и даже кофейник.

– Хорошие дрова, – сказал он. – Откуда?

– Мы набрели на мусорную кучу.

Я присел рядом и достал нож. Выбрав палку поменьше, начал обстругивать ее. Потом извлек из кучи деревяшку, обтянутую тряпкой. Я уже был готов сорвать ткань, но Тэкк знаком остановил меня.

– Подождите, капитан!

Он взял кусок дерева и повернул его к свету. И я впервые смог разглядеть, что подобрал.

– Кукла, – сказала Сара удивленно.

– Не кукла, – сказал Тэкк. Его руки внезапно задрожали.

– Не кукла, – повторил он. – Не идол. Посмотрите на ее лицо!

Лицо, как ни странно, отчетливо проступившее в сумерках, оказалось подобием человеческого. Кукла выглядела на удивление выразительно. Никогда раньше мне не приходилось видеть на лице столько печали, столько смирения. Игрушку едва можно было назвать изящной. На самом деле, черты ее лица, вырезанного из одного куска дерева, были скорее грубыми. Вся фигурка напоминала кукурузный початок. Но чувствовалось, что мастером, который вырезал кукольное личико, владела печаль – одному Богу известно, что за печаль, – но он выразил в своем творении ужас бытия. Сердце сжималось, когда я смотрел на его создание.

Тэкк медленно поднял куклу и прижал ее к груди. Он переводил взгляд с меня на Сару.

– Неужели вы не видите? – крикнул он. – Неужели вы не понимаете?

Пришла ночь. Костер высветил в темноте волшебный круг, который заставил всех нас придвинуться к огню. За спиной спокойно качались лошадки, тихо звеня полозьями. Смит безжизненно привалился к стене. Мы сделали попытку поднять его и накормить, но ничто не могло привести его в чувство. Он лежал мешком, он был с нами телом, но не разумом. Его мысли гуляли где-то далеко. Рядом с ним валялось металлическое тело робота. Поодаль сидел Тэкк. Он крепко прижимал к груди куклу, уставившись в темноту.

"Экспедиция распалась", – подумал я.

– А где Свистун? – осведомилась Сара.

– Где-то ходит, – ответил я. – Он никогда не устает. Не попробовать ли вам заснуть?

– А вы будете сидеть и сторожить?

– Я не Ланцелот, – сказал я, – если вы к этому клоните. Можете быть уверены: я растолкаю вас попозже, чтобы самому вздремнуть.

– А вы обратили внимание, – спросила Сара, – что здание построено из камня?

– Кажется, да.

– Оно не похоже на городские. Это – настоящий камень. Строители здания и строители города – не одни и те же существа. Этот дом возвели раньше.

– Неизвестно, – сказал я. – Кто может сказать, как давно существует город.

– Что мы будем делать со Смитом? – спросила Сара.

– Если он не очнется, нам скоро придется его хоронить. Сколько времени можно обходиться без еды и питья? Я не умею впихивать еду силой. Может, у вас получится?

Она сердито покачала головой.

Она разбудила меня перед рассветом.

– Джордж исчез! – крикнула она. – Минуту назад он был здесь – и вдруг исчез.

Еще окончательно не проснувшись, я встал на ноги.

Вокруг было темно. Костер догорал и едва освещал помещение. Джорджа не было. Место возле стены пустовало.

– Может быть, он проснулся, – предположил я, – и ему надо было выйти...

– Нет! – закричала она. – Вы забываете, что он слепой. Он бы попросил Тэкка, чтобы тот помог ему.

– Стоп! – сказал я. Она была на грани истерики, и я боялся, если она будет продолжать рассказ, то просто сорвется. – Ну что же, он исчез. Вы не слышали никакого шума. Он не позвал Тэкка. Мы будем его искать. Надо сохранять спокойствие. Я не собираюсь никого списывать со счета.

Я поежился от холода. Мне было плевать на Смита. Он исчез, и хорошо, если мы никогда не найдем его. Он был чертовски обременителен. Но я не переставал мерзнуть. Холод зарождался внутри меня и только потом леденил кожу; я сгорбился и напрягся.

– Мне страшно, Майк, – сказала Сара.

Я сделал несколько шагов по направлению к Тэкку.

Склонившись над монахом, я увидел, что он спит не так, как обычно спят люди. Он свернулся калачиком, как дитя в материнской утробе, плотно завернувшись в коричневую рясу. Руками он крепко сжимал свою дурацкую куклу, устроив ее между коленями и грудью. Он напоминал трехлетнего ребенка, затащившего в безопасный мир своей постели плюшевого медвежонка или зайца с оторванным ухом.

Я потряс Тэкка за костлявое плечо.

Одурманенный сном, он одной рукой тер глаза, другой крепче прижал к себе куклу.

– Смит исчез, – сообщил я. – Мы идем на поиски.

Тэкк выпрямился.

- Не думаю, что он исчез, - сказал он. - Полагаю, что его взяли с собой.

- Взяли с собой? - воскликнул я. - Кто, черт возьми? Кому он нужен?

Тэкк снисходительно посмотрел на меня. Я готов был придушить его за этот взгляд.

- Вы не понимаете, - сказал он. - Никогда не понимали. Вы ничего не ощущаете, не правда ли? Вокруг нас происходят события, а вы ничего не чувствуете. Вы чересчур грубы и материалистичны.

Я с отвращением отвернулся и, с трудом пробираясь в темноте, возвратился к огню. Вытащив палку из кучи поленьев, сгреб ею горящие головни и положил три или четыре деревяшки на угли. Языки пламени лизнули дерево.

Я сидел у костра и смотрел, как Сара и Тэкк медленно приближаются к костру. Они остановились передо мной. Первой заговорила Сара.

- Мы будем искать Джорджа?

- Стоит выслушать Тэкка. Если он о чем-то догадывается, пусть объяснит.

Непосредственно к Тэкку мы не обращались. Мы просто ждали, и, наконец, он заговорил: "Вы знаете, был голос. Голос, который принадлежал его другу. И здесь Джордж нашел его. Прямо здесь, в этом самом месте".

- И вы считаете, что этот друг забрал его?

Тэкк кивнул.

- Не знаю каким образом, - сказал он, - но надеюсь, что так и случилось. Джордж заслужил это. Наконец-то и он познал радость. Многие недолюбливали его. Многих он раздражал. Но это был человек редчайшей души.

О Боже, сказал я себе, редчайший человек! Господи, сохрани меня от всех этих редчайших нытиков!

- Вы принимаете версию? - спросила Сара.

- Трудно сказать. Что-то произошло с ним. Может быть, Тэкк прав. Смит ведь, действительно, не сумел бы уйти сам.

- А кто он - друг Джорджа? - поинтересовалась Сара.

- Не кто, - сказал я, - а что.

Я припомнил шум крыльев, возникший в высях этого темного заброшенного здания.

- В доме что-то происходит, - сказал Тэкк. - Неужели вы не чувствуете?

Из мрака донесся быстрый, ритмичный, усиливающийся стук. Сара схватила винтовку. Тэкк отчаянно прижал к себе куклу, словно талисман, способный отвести от него любую напасть.

Я первым увидел того, кто напугал нас.

- Не стреляйте! - крикнул я. - Это Свистун.

Его многочисленные ножки блестели при свете костра и стучали по полу. Когда он увидел, как мы встречаем его, то он остановился, потом медленно приблизился.

- Во всем осведомлен, - сказал он. - Узнал: один человек покинул нас - и поспешил обратно.

- Как же ты узнал, что Смит пропал?

- Все вы, - сказал Свистун, - в моем сознании. Даже когда вас не вижу. Один исчез из сознания - пришлось вернуться.

- Вы знаете, куда он делся? - спросила Сара. - Что с ним произошло?

Свистун устало помахал щупальцем.

- Это неведомо. Знаю - ушел. Бессмысленно искать.

- Хотите сказать, что он не здесь? Не в этом здании?

- Не в этом строении. Не извне. Не на этой планете. Полностью исчез.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

- Почему вы способны поверить только в то, что трогаете и видите? - спросил меня Тэкк. - Почему вы думаете, что все тайны можно раскрыть? Почему вы мыслите только физическими категориями? Неужели в вашем умишке нет места чему-то большему?

Мне захотелось стереть его в порошок, но в тот момент было глупо обращать внимание не такое дерьмо, как он.

- И все же надо идти на поиски, - сказал я.

- Мне кажется, надо попробовать, - согласилась Сара.

- Не верите моей информации? - спросил Свистун.

- Дело не в этом, - сказал я. - Вероятно, ты прав. Но все равно надо искать. Это сложно объяснить, но иначе нельзя. Понимаю, что это нелогично.

- Логики нет, - согласился Свистун. - Нелепо... но привлекательно. Иду с вами.

- Я тоже пойду, - сказала Сара.

- Ни в коем случае, - возразил я. - Кто-то должен охранять лагерь.

- А Тэкк? - спросила Сара.

- Вам следует знать, мисс Фостер, - сказал Тэкк, - что он не доверяет мне ничего и никогда. Но сам он поступает крайне глупо. Вы не найдете Джорджа, где бы вы его ни искали.

Едва мы продвинулись вглубь здания, как Свистун сообщил: "Хотел рассказать, но не стал. Казалось неважным по сравнению с печальным уходом спутника. Рассказать сейчас?"

- Я слушаю.

– Касается семян, – сказал Свистун. – Великая тайна: очень много в малом объеме.

– Ради Бога, – взмолился я, – не говори загадками.

– Сам не понимаю. Лучше покажу. Будь добр, измени направление.

Он резко свернул, и я пошел за ним. Мы увидели большую металлическую решетку в полу.

– Семена внизу, – сказал Свистун.

Я встал на четвереньки и направил луч в яму. Я склонился так низко, что прижался лицом к металлическим прутьям.

Яма оказалась огромной. Луч света не достигал стен. А под решеткой в огромную кучу были свалены семена, и их было значительно больше, чем могли собрать накануне крысовидные твари.

– Ну и что? – спросил я. – Склад провианта, не больше. Крысы приносят семена и сбрасывают их вниз.

– Ошибаешься, – не согласился Свистун. – Вечное хранилище. Пространство закрыто. Семена попадают внутрь, и нельзя взять их обратно.

– Откуда ты знаешь? Внизу темно.

– Темно для тебя. Не для меня. Умею настраивать зрение. Умею видеть во всех частях космоса. Умею видеть дно сквозь семена. Умею больше, чем просто видеть. Нет выхода. Нет даже запертого выхода. Нет возможности вынуть их. Животные собирают семена, но не для себя.

– Ладно, – сказал я, устав от этих загадок. – Давай поищем дверь.

Он повернулся и засеменил в темноту. Я поправил ружье на плече и пошел вслед за ним. Мы двигались в тишине, и малейший шорох отзывался громким шумом. Неожиданно я увидел, как сплошную тьму разорвало пятно слабого света. Впереди маячила приоткрытая дверь. Дверца была невелика. Меньше двух футов в ширину и такая низкая, что мне пришлось нагнуться. Передо мной простиралась красно-желтая местность. Дом был окружен оградой, сложенной из того же темно-красного камня, что и само здание. Довольно далеко впереди виднелись деревья, но то, которое стреляло в нас, было скрыто за домом.

Я направился налево вдоль стены дома. Дойдя до края стены, я выглянул из-за угла и увидел Дерево.

Оно заметило – или почувствовало – нас. От дерева отделились черные точки; стремительно приближаясь, они раздувались, как шары.

– Ложись! – крикнул я. – Падай!

Я отпрянул к стене и упал на Свистуна, закрывая лицо руками. Надо мной взрывались стручки. Какой-то из них ударил по углу здания. Семена проносились, издавая зудящий звук. Одно задело меня по плечу, другое ударило в ребро. Особого вреда они не причинили, только жалили как осы. Другие семена с легким завыванием рикошетом отскакивали от стены.

Все стихло, и я встал. Не успел я как следует выпрямиться, как начался новый обстрел. Я опять бросился на спину Свистуна. И в этот раз семена не задели меня серьезно, только слегка царапнули шею, и кожа в этом месте горела, как от ожога.

– Свистун, – позвал я. – Ты бегать можешь?

– Передвигаюсь очень быстро, – ответил он, – когда в меня бросают различные предметы.

– Дерево стреляет залпами. Когда закончится следующий залп, я крикну, а ты мчись к двери. Держись поближе к стене.

"Давай!" – крикнул я и, пригнувшись, выбежал из-за угла, держа руку на спусковом крючке. Семена, как буря, свирепствовали вокруг меня. Я почувствовал удар в челюсть и в голень. Меня качнуло, и я чуть не упал, но заставил себя бежать дальше. Интересно, как дела у Свистуна, подумал я, но не рискнул оглянуться.

Я поравнялся с углом здания и увидел дерево – возможно в трех милях от меня.

От дерева в мою сторону неслись черные точки, похожие на комаров. Я прицелился и нажал на курок. Ружье выстрелило и дернулось вниз. Лазерный луч блеснул яркой вспышкой и исчез, и прежде чем дерево ответило, я бросился ничком на землю.

Миллионы кулачков заколотили по моей голове и плечам – несколько стручков врезались в стену и разорвались, осыпая меня градом семян.

Дерево пошатнулось и начало опрокидываться, оно падало медленно, неохотно, как бы пытаясь выстоять. Потом оно начало набирать скорость и все быстрее валиться на землю, опускаясь с небес-

Я поднялся и провел рукой по шее. На ладони остался кровавый след.

Вокруг бушевала буря пыли и осколков. Я повернулся, чтобы направиться к двери, и не смог сдвинуться с места. Голова раскалывалась от боли.

Я падал – нет, парил – сквозь вечность и пространство. Я понимал: это падение, но я падал не просто медленно; пока я падал, земля отдалялась от меня, уходила из-под ног. В своем падении я не приближался к ней, а наоборот, оказывался все дальше и дальше. И в конце концов земля исчезла, и опустилась ночь, и я стал тонуть в непроглядной темноте.

Я лежал на земле, а надо мной было ярко-голубое небо и солнце. Возле меня стоял Свистун. Облако пыли рассеивалось над тем местом, где свалилось дерево. Неподалеку возвышалась красная каменная стена.

Я попробовал сесть и обнаружил, что эта попытка отняла у меня последние силы. Ружье лежало под

боком – ствол искорежен, а приклад разбит.

- Взял твою кровь, – весело проверещал Свистун. – А потом поместил обратно. Надеюсь, не сердишься.

- Черт возьми, – недоумевал я, – что это значит?

- Ты был наполнен смертоносной жидкостью, – объяснил он. – Смертельной для тебя. Но не смертельной для меня. Взял, пропустил через себя. Процедура общепринята.

- Господи, спаси! – воскликнул я. – Живой фильтр с щупальцами! Свистун, – прошептал я. – Кажется, я обязан тебе...

- Ничего не обязан, – ответил Свистун счастливым голосом. – Я плачу долг. Ты меня спас раньше. Но не хотел тебе говорить. Боялся, что, возможно, запрещается твоей религией. Может быть, нельзя проникать в тело. Но ты принял спокойно, и все правильно.

Идти я не мог. Тэкк пытался изображать настоящего мужчину. Они с Сарой усадили меня на лошадку, и он настоял на том, чтобы Сара ехала на второй ненагруженной лошади. Сам он собирался идти пешком. Мы спустились по пандусу, вышли на тропу и двинулись в путь. Тэкк, прижимая к груди куклу, шагал впереди, а Свистун замыкал шествие.

Лошадка Доббин нервно покачивался и в его странном ржании слышался не то гнев, не то испуг.

- Вы пожалеете об этом, – хныкал он. – Никто до сих пор не осмеливался поднять руку на дерево. Никогда еще обитатели ствола не ступали на землю.

- Малый, – сказал я. – Дерево посчитало меня мишенью. Если в меня не стреляют, то и я не стреляю в ответ.

- Вы, как я полагаю, гордитесь собой, – отчетливо проговорил Тэкк, обнажив похожие на капкан зубы.

- Я не понимаю вас, Тэкк, – устало сказал я. И это была чистая правда: я не понимал, что он хочет сказать. Я никогда не мог понять монаха и, боюсь, уже никогда не сумею.

Он мотнул головой назад, туда, где лежало поваленное дерево.

- А вы считаете, – заметил я, – что надо было позволить ему стрелять в нас?

- Отстаньте от него, Тэкк, – попросила Сара. – Что ему было делать?

- Он ни с кем не считается, – заявил Тэкк. – Ему ни до кого нет дела.

- Меньше всего он заботится о себе, – сказала Сара. – Он стал проводником вместо вас, потому что вы не смогли сыграть эту роль.

- Нельзя хозяйничать на чужой планете, – провозгласил Тэкк. – Надо подстраиваться под ее законы. Приспосабливаться к ней. Нельзя идти напролом.

Я ухватился за седло, чтобы не упасть.

Тропа извивалась по поверхности иссушенной земли, пересекая песчаные дюны и растрескавшиеся низины, карабкалась по осыпающимся склонам, возвышающимся среди нелепых изломов земли, огибала громадные валуны. Почва по-прежнему была красной или желтоватой, и только кое-где выделялись гладкие черные пятна. Далеко впереди то появлялась, то сливалась с голубизной горизонта пурпурная линия, которую без достаточной уверенности можно было принять за горную гряду.

Кое где из земли торчал низкорослый кустарник, поросший колючками. На безоблачном небе продолжало ослепительно сиять солнце, но жара по-прежнему не наступала – было просто тепло.

И по-прежнему из земли до небес поднимались деревья: каждое тянулось вверх в горделивом одиночестве, отделенное от соседних пространством в несколько миль. К деревьям мы не приближались.

Кругом не было ни одного признака живого. Лишь земля – застывшая и неподвижная. Не было даже ветра. Я цеплялся обеими руками за луку седла, чтобы удержать равновесие, и все время боролся с искушением провалиться в зияющую темноту, которая наплывала на глаза, как только я переставал сопротивляться.

Мы остановились на привал в полдень. Не помню, ели ли мы, хотя полагаю, что ели. Хорошо помню одно. Мы расположились на участке бесплодной земли под одним из склонов, и я сидел, прислонившись к земляной стене, а перед моими глазами находилась другая такая же стена с отчетливо проступающими слоями обнаженной породы. Некоторые слои были глубиной не более нескольких дюймов, другие не менее четырех-пяти футов, и каждый из них имел свой неповторимый оттенок. По мере того как я разглядывал их, я постепенно начинал осознавать смысл исторических эпох, которые каждый из них представлял. Я пытался переключиться на что-нибудь другое, так как вместе с пониманием возникало тревожное ощущение причастности к великой тайне. Я пытался сопротивляться, но не мог: оставалось лишь надеяться, что где-нибудь на этом пути я достигну конечной точки – рубежа, за которым уже нет дороги вперед, где я пойму или почувствую все, что должен понять или ощутить, подталкиваемый к этому неведомой волей.

Время стало осязаемым и реальным. Оно словно обрело материальные формы, которые я не только отчетливо различал, но стремился понять. Причем, годы и эпохи не прокручивались перед моими глазами, как в кино. Наоборот, они представали предо мной в застывшем виде. Словно хронологическая таблица вдруг ожила и окаменела. Через дрожащую зыбь временной структуры, как сквозь стекло витрины, отшлифованное неумелым ремесленником, я смутно различал планету такой, какой она была в

минувшие века, века, которые уже не были в прошлом, а перешли в настоящее. Я будто бы находился за пределами времени и был независим от него, рассматривая как сторонний наблюдатель некую форму, находившуюся в одном измерении со мной.

Еще я помню, как проснулся, и несколько секунд мне казалось, что я избавился от наваждения. Перед глазами уже не было земли. Мое лицо было обращено к небу. Надо мной нависал небосвод – подобного я никогда в жизни не видел. Какое-то время я был просто ошарашен и лежал, пытаясь разгадать открывшуюся мне тайну. Затем, словно по чьей-то подсказке, я вдруг понял, что вижу перед собой нашу галактику, раскинувшуюся на небосводе во всем своем величии. Над моей головой сиял ее центр, а вокруг него раскручивались в водовороте щупальца ответвлений и оторвавшиеся от них сегменты. Чуть выше линии горизонта сверкали крупные звезды. И тут до меня дошло, что я наблюдаю одно из немногих шаровидных звездных скоплений или космических соседей той самой звезды, вокруг которой обращалась эта планета. Это были изгои, века назад покинувшие галактику и теперь затерянные в бездне космоса.

Костер догорал всего в нескольких футах от меня, рядом, скрючившись, лежал кто-то, закутанный в одеяла. Неподалёку, слегка покачиваясь, стояли навьюченные лошадки. Тусклый свет костра отражался от их лоснящихся боков.

Кто-то сзади тронул меня за плечо. Я перевернулся. Передо мной на коленях стояла Сара.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Хорошо, – ответил я. Это действительно было так. Я чувствовал себя обновленным, голова была чиста и мысли пронзительно ясны, словно я был первым человеком, проснувшимся в первый день новорожденного мира, в первый час мироздания.

– Где мы? – спросил я.

– На расстоянии одного дня пути от города, – ответила Сара. – Тэкк решил остановиться. Он сказал что ты не в состоянии путешествовать, но я настояла, чтобы мы продолжали путь. Мне казалось, ты бы это одобрил.

– Где Свистун?

– Охраняет лошадок. Он сказал, что не нуждается в отдыхе.

Я встал и потянулся. Потянулся так, как потянулась бы собака после хорошего сна. Я чувствовал себя прекрасно. Боже, как мне было хорошо!

– Есть, чем перекусить?

Она поднялась и рассмеялась.

– Над чем ты смеешься? – спросил я.

– Ни над чем. Над тобой.

– Почему?

– Теперь ясно, что у тебя все в порядке. Я беспокоилась.

Она первой подошла к костру.

– Разведи огонь, – сказала она. – Я приготовлю что-нибудь поесть.

Пламя вспыхнуло, жадно облизывая сухое дерево.

Куча одеял рядом с костром оставалась все такой же неподвижной. Указав на нее, я спросил: "Как там дела у Тэкка? Никаких признаков избавления от дурных привычек?"

– Ты слишком жесток к нему, – сказала она. – Будь терпимее. Тэкк другой, он совсем не похож на нас с тобой... Ведь мы очень похожи друг на друга. Ты не думал об этом?

– Да. Я думал.

Она принесла кастрюлю и поставила ее на угли, присев на корточки рядом со мной.

– Мы оба выпутаемся, – сказала она. – Тэкк нет. Где-нибудь по дороге он сломается.

С удивлением я поймал себя на мысли, что думаю также. Тэкк утратил волю к жизни. С тех пор, как исчез Смит, существование – по меньшей мере, наполовину – потеряло для него смысл. Не потому ли, размышлял я, он так привязался к этой кукле? Может быть, он нуждался в ком-то, кого мог обнять, к кому мог приникнуть, а этот кто-то, в свою очередь, тоже нуждался в человеческом участии и защите?

– И еще я тебе хотела сказать, – продолжила Сара. – Это касается деревьев. Ты сам сможешь увидеть, когда рассветет. Мы расположились как раз у подножия холма, а с его вершины отлично видно окрестности, много деревьев разом: двадцать, а то и тридцать. Так вот: они не выросли сами по себе. Их посадили.

– Ты думаешь, что это сад?

– Да, – ответила она. – Каждое дерево находится на одном расстоянии от соседних. Все они посажены в шахматном порядке. Когда-то здесь был чей-то сад.

...Мы продвигались все дальше. Теперь нам стала встречаться, хотя и достаточно редко, кое-какая живность. На вершинах окрестных холмов появлялись какие-то крикливые существа, которые, завидев нас, давали стрекача, прячась в лощины и вереща на ходу от восторга. Растительность по мере смены ландшафта также изменялась. В некоторых долинах росли странные вьющиеся травы, а в гористой местности какие-то уродливые деревца жались к скалистым склонам или, скрючившись, прятались в лощинах. Их древесина была невероятно жесткой и маслянистой, и мы старались набрать побольше упавших ветвей, нагрузив наших лошадок. Это было идеальное топливо для костра.

Однажды мы пересекли то, что когда-то представляло собой мощеную дорогу, теперь выщербленную, с торчащим лишь кое-где булыжником.

Мы провели совет, решая, куда идти. Дорога могла показаться более важной, чем тропа, по которой

мы шли. Но в то же время тропа, несомненно, несла на себе следы древнего освоенного пути. Дорога же, похоже, все еще продолжала существовать только потому, что время просто не успело окончательно стереть ее с лица земли. Более того, тропа шла в северном направлении, а именно на севере, как нам дали понять, можно было найти кентавров. Дорога же пролегала с запада на восток. И еще: тропа, безусловно, была древнее дороги, каждый ее участок таил неуловимый налет далекого прошлого. Совершенно очевидно, что по ней путешествовали на протяжении тысячелетий, она была привычным маршрутом с незапамятных времен.

С некоторыми колебаниями мы, наконец, решили продолжать путь по тропе.

Ведь кто-то же все-таки обитал на планете? Но как давно? Ведь кто-то построил город, проложил дорогу и вырастил деревья. Но теперь город вымер, застыв в безмолвии и опустев, а дорога превратилась в руины. Что за всем этим кроется? – гадал я. Цивилизация существовала на этой планете много веков. А затем тот народ, который жил здесь и потратил столько сил на благоустройство, разом покинул планету, причем перед уходом принял все меры к тому, чтобы любой попавший сюда был лишен возможности вырваться обратно. Похоже, приземлись мы в любом другом месте, кроме города, наш корабль оказался бы в безопасности. Но в том-то и дело, что любой корабль, приближающийся к планете, почти наверняка был обречен приземлиться не где-нибудь, а именно в городе, как мотылек, привлекаемый огнем свечи, завлеченный в ловушку сигналом, посылаемым из города в глубины космоса.

За время путешествия постепенно сформировался и наш походный порядок. Тэкк почти все время ехал верхом. Иначе он просто не поспевал за нами. Сара и я ехали по очереди. Свистун держался в арьергарде и подгонял лошадок. Мы с Тэкком сосуществовали относительно мирно, хотя и не чувствовали никакой симпатии. Он все еще таскал с собой эту дурацкую куклу. С каждым часом он все более отдалялся от нас, как бы уходя в себя. После ужина он, как правило, уединялся, ни с кем не разговаривал и никого, похоже, не замечал.

Однажды, к концу дня мы достигли местности, столь сильно изрезанной оврагами и ложбинами, что далеко не сразу удалось разобраться, куда же нас занесло. Обрадовавшись сравнительно ровному участку, мы сделали привал, хотя у нас в запасе еще оставалось часа два светлого времени.

Мы развьючили лошадок и сложили тюки в кучу. Лошадки мирно пошли пастись. Мы не боялись, что они сбегут. Свистун всегда пригонял их обратно. На протяжении всего пути он выполнял роль пастуха при табуне, и лошадки, как нам казалось, чувствовали себя с ним в безопасности.

Сара разжигала костер, а мы с Тэкком пошли набрать дров.

Мы уже возвращались назад, каждый с доброй вязанкой сушняка, когда вдруг услышали испуганное ржание лошадок и частый дробный звук их полозьев. Мы уронили хворост и бросились со всех ног к костру. Лошадки неслись через лагерь, сметая все на своем пути, растоптали костер и разнесли в стороны кастрюли и горшки. Сара едва успела увернуться от полозьев. Миновав лагерь, они ринулись по тропе в ту сторону, откуда мы только что пришли.

За лошадками гнался Свистун. Он буквально стелился по земле, двигаясь каким-то невероятным способом, но догнать их все-таки не смог. Внезапно он резко затормозил и разразился страшными проклятиями. Упираясь в землю своими короткими ногами, он кипел от ярости. С ним происходило то же, что случилось в городе, когда лошадки неожиданно набросились на нас. Свистуна окутала голубая дымка, и все вокруг заплясало, заходило ходуном, а бегущие лошадки поднялись над тропой, продолжая махать ползьями. Но стоило им коснуться земли, как лошадки вновь помчались вперед. Свистун "вскипел" еще раз, и теперь лошадки исчезли, снесенные, сметенные, смятые той неведомой силой, которую таил в себе Свистун.

Ругаясь, как сумасшедший, я побежал вверх по склону, но когда добрался до вершины, лошадки уже были далеко, и я понял, что их уже не остановить. Они неслись к городу, не чуя под собой ног.

Мы уныло сидели вокруг костра в сгущающихся сумерках.

– Кости, – сказал Свистун. – Скелеты на земле.

– Ты в этом уверен? – спросил я. – Может быть, это что-нибудь другое? Неужели лошадки так испугались каких-то костей?

– Единственное, что там было, – это скелеты, – ответил Свистун. – Больше ничего не было.

– Наверное, это был скелет какого-то существа, которое даже после смерти внушает страх, – предположила Сара.

Костер вновь ярко вспыхнул, как только занялось очередное полено маслянистого дерева, а налетевший порыв ветра подхватил огонь.

Когда рассвело, мы нашли кости в полумиле от входа в ущелье. Здесь оно делало крутой поворот влево, и вот сразу же за поворотом широкой, как будто скошенной как колосья полосой перед нами предстала груда костей, перегородившая ущелье от стены до стены. Многие были фут или даже больше в диаметре, а скалящийся череп, который словно следил за нами, мог принадлежать существу размером со слона.

Сразу же за нагромождением костей ущелье резко обрывалось. Земляные валы, из которых, как

изюм из пирога, выпирали валуны, полукругом замыкали ущелье.

Ущелье само по себе внушало отчаяние: голая земля, столь бесплодная, что не подходило даже понятие "пустыня". Можно было сказать, что в природе нет ничего более пустынного и бесплодного, но и это казалось недостаточным: пейзаж вызывал состояние такой опустошенности, что хотелось скорее покинуть и забыть это место. Кровавая драма, разыгравшаяся здесь сотни лет назад, навеки поселило в ущелье дух проклятия и ужаса, способного смертельно испугать любое живое существо.

И вдруг из самых глубин окружавшего нас страха до нас донесся голос.

- Благороднейшие дамы и господа, - пропел он неожиданно громко и бодро, - или те уважаемые создания, каковыми вам довелось родиться, взываю к милосердию, прошу вас, вызволите меня из того неловкого и унизительного положения, в котором я, к своему несчастью, некогда оказался.

Найди я вдруг миллион долларов, и то вряд ли поразился бы больше. Этот голос буквально пригвоздил меня к месту, так я был ошарашен.

Я преодолел пространство между скелетами и валунами, из которых, казалось, исходил голос. Валуны были довольно крупные, больше человеческого роста, и только когда я взобрался на вершину гряды, то увидел, наконец, обладателя певучего голоса.

Им оказалась лошадка. В тени камней ее шкура отливала молочной белизной. Она лежала на спине с задранными вверх полозьями, прижатая к валуну, на котором стоял я, другим камнем меньшего размера. Сдавленная двумя огромными глыбами, бедняжка находилась в совершенно безвыходном положении.

- Благодарю Вас, благороднейший, - пропел конек. - Вы не испугались. Увидеть Вас я не в состоянии, но, полагаясь на свой опыт, сделал заключение, что Вы принадлежите к человеческой расе. Люди - лучшие из разумных существ, они преисполнены сострадания не в меньшей степени, чем доблести.

В знак признательности мне осталось только покачать его полозья.

Зажатый среди камней конек был не единственным заслуживающим внимания объектом за баррикадой валунов. Из пыли на меня скалился человеческий череп, кругом были разбросаны кости и куски проржавевшего металла.

- Как давно это случилось? - спросил я. Конечно это был дурацкий вопрос, существовали гораздо более важные вещи, о которых мне следовало бы спросить.

- Досточтимый сэр, - ответил конек. - Я потерял всякое представление о времени. Минуты тянутся как годы, а годы как столетия, и мне кажется, что с того мгновения, когда я последний раз стоял на своих полозьях, минула вечность. Любой, окажись он на моем месте, да еще вниз головой, утратил бы счет времени. Здесь были другие из моих собратьев, но все они разбежались. А остальные погибли. Так что из всей нашей экспедиции остался я один.

Заметив, что мои попутчики тоже взбираются на груду камней, я помахал им рукой.

- Здесь лошадка, - крикнул я, - а также по крайней мере один человеческий череп и кости.

Впрочем, о том, что послужило причиной гибели людей, я пока не задумывался. Сейчас я был рад: ведь конек сможет переносить воду, дрова не хуже сбежавших от нас лошадей.

Втроем (Свистун стоял в стороне и поддерживал нас одобряющими возгласами) мы с трудом откатили меньший из валунов, которым был зажат конек. После этого мы перевернули это бестолковое существо и поставили его на полозья. Конек торжественно уставился на нас тем единственным взглядом, который, по моим наблюдениям, только и был доступен для роботов его породы.

- Меня зовут Пэйнт, - сказал он, - хотя когда-то меня называли Старина Пэйнт. Все мы были изобретены и изготовлены в одно и то же время.

- То есть ты был не один? - спросила Сара.

- Нас было десять, - ответил Пэйнт. - Девять других убеждали, а единственной причиной того, что я остался здесь, явились трагические обстоятельства в виде огромного камня. Нас изобрели на далекой планете, название которой мне неведомо, а затем доставили сюда. На этой тропе мы подверглись нападению стаи хищников, а последствия - перед Вашими глазами.

- Те, кто привез вас сюда... те, кто изготовил вас, - спросила Сара, - они были такими же, как мы?

- Такими же, как Вы, - ответил Пэйнт.

- Зачем они сюда прилетели? - спросила Сара. - Что они искали?

- Еще одного такого же, как вы, - сказал Пэйнт. - Исчезнувшего давно и оставившего много рассказов.

Мы решили следовать дальше по тропе. Сам факт того, что другие люди, Бог знает, как давно, шли по этой же тропе - вероятно, имея перед собой ту же цель - был для Сары достаточным аргументом, чтобы мы продолжали путь.

Мы сидели у костра и пытались спланировать дальнейшие действия. Теперь мы могли погрузить на Пэйнта недвижимый остов робота Роско, а также все оставшиеся запасы воды и продуктов, которые он был в силах потянуть. Тэкк и я несли бы тяжелые тюки, а Сара, единственная из нас имевшая оружие, взяла бы более легкий груз, с тем расчетом, чтобы в случае опасности успеть освободиться от ноши и быть наготове для стрельбы. Свистун не способен был ничего нести, зато из него вышел прекрасный дозорный и разведчик.

День уже давно закончился, но мы погрузили поклажу и двинулись в путь. Никто из нас не хотел ос-

таваться в ущелье хотя бы на минуту дольше, чем это было необходимо.

На второй день Свистун наткнулся на кентавров.

Утром он ушел вперед, а незадолго до полудня я увидел, как он, стремительно перекатываясь с боку на бок, спускался по склону нам навстречу. Обрадовавшись возникшему предлогу сделать привал, я бросил на землю тюк с поклажей и стоял, выжидая, когда он подойдет. То же сделала и Сара, только Тэкк, остановившись одновременно с нами, не снял своего рюкзака. Он застыл, сгорбившись под весом давившего на него груза и уткнувшись глазами в землю.

Свистун скатился по склону и встал перед нами.

- Впереди лошадки, - прогудел он. - Около ста. Но без полозьев и лица у них похожи на ваши.

- Кентавры, - догадалась Сара.

- Играют, - задыхаясь, пропыхтел Свистун. - В низине между горами. Гоняют палками какой-то шар.

- Кентавры играют в поло, - восторженно воскликнула Сара. - Что может быть более естественным!

Она грациозно подняла руку, чтобы поправить упавший на глаза локон, а я, следя за ее движением, вновь уловил знакомый облик той чудесной девушки, которая встретила меня в холле старого дома на Земле - той прежней Сары, какой она была, пока ее красота не потускнела от усталости и разочарований.

Я поднял свой рюкзак и продел руки в лямки.

- Веди нас, Свистун, - сказал я.

- Неужели ты думаешь, - спросила Сара, - что кентавры сохранили блок управления. Они наверняка потеряли или сломали его.

- Вот у них и узнаем, - ответил я.

Не знаю, почему мы повели себя именно так, поскольку никто не отдавал подобного приказа, но все дружно залегли и подобрались к вершине холма ползком, осторожно заглянув за гребень.

Перед нами простиралась ровная песчаная равнина с чахлой растительностью, а за ней - обширная желтовато-красная пустыня, где возвышались редкие невысокие скалы.

Свистун ошибся в подсчетах. Кентавров было гораздо больше, чем сотня. Основную массу составляли зрители, стоявшие по сторонам четырехугольного "игрового поля" - ровного участка земли с кучками белых камней, служивших, видимо, для обозначения ворот. По полю бешено носилась дюжина кентавров, которые, зажав в руках длинные жердины, яростно боролись за мяч, гоняя его из края в край. С большой натяжкой это можно было рассматривать как грубую и весьма приблизительную версию благородного состязания, которое принято называть игрой в поло.

Между тем, игра закончилась. Игроки ускакали за пределы поля, а толпа начала расходиться.

Вскоре кентавры кружились по равнине, без видимой цели, так, как обычно дефилируют толпы беззаботных людей, вышедших в воскресный день в парк на прогулку.

- Что нам теперь делать? - спросила Сара. - Просто спуститься к ним?

И тут в первый раз за долгое время Тэкк вышел из транса.

- Спуститься, но не всем сразу, - сказал он. - Только одному из нас.

- И я полагаю, что этот один - ты, - заметил я с издевкой.

- Конечно, я, - ответил Тэкк. - Если кому-то суждено погибнуть, то я - первый кандидат. Давайте размышлять логически, - продолжал Тэкк в своей противной надменной манере, которая так и звала меня задать ему хорошую взбучку. - Из всех нас я самый последний претендент на то, чтобы быть убитым. Самый скромный на вид, безобидный, без всяких признаков агрессивности. Более того, я похож на человека, у которого не все дома. Я ношу коричневую сутану, а на ногах у меня не тяжелые ботинки, а сандалии...

- Эти ребята внизу, - сказал я ему, - не имеют ни малейшего представления о таких вещах, как сутана и сандалии. И их не интересует, мудрец ты или чокнутый. Если они решат кого-нибудь прибить, то не станут особенно раздумывать...

- Но откуда ты знаешь? - вмешалась Сара. - Может, они вполне дружелюбные существа.

- Они, что, кажутся тебе дружелюбными?!

- По внешнему виду судить преждевременно. А Тэкк, по-моему, обладает одним достоинством: может быть, им ничего не известно о сутанах и сандалиях, но почувствовать простую душу они, наверное, могут. Во всяком случае, они сразу увидят, что Тэкк совершенно не опасен.

Все время, пока она говорила, я думал о том, что, излагая свои доводы, Сара заботилась совсем о другом человеке, который, по ее мнению, не должен был оказаться на месте Тэкка.

- Господи, да я - единственный, кто на это способен, - устало сказал я. - Так что давайте прекратим болтовню, и я пойду к ним. Из Тэкка они просто сделают мокрое место.

- Можно подумать, что тебе эта участь не грозит, - язвительно заметила Сара.

- Но, по крайней мере, я знаю, как обращаться...

- Капитан, - прервал меня Тэкк, - почему бы Вам не прислушаться к голосу здравого смысла? Если уж Вы претендуете на роль супермена, то постарайтесь понять две простые вещи. Во-первых, я говорил, что думал. Они не бросятся на меня со своими дубинами уже только потому, что я сделан не из вашего теста. Расправа со мной не принесет им такого удовольствия, как с вами. Какая может быть радость в том, чтобы отдубасить слабого и жалкого? А если я постараюсь, то я буду выглядеть втройне

слабым и жалким. И второе – вы нужны всем нам больше, чем я. Если что-то случится со мной, большой разницы не будет, а уж коли вы спуститесь вниз и позволите расправиться с собой, то вся наша экспедиция в тот же миг закончится.

Я с удивлением уставился на него, ошеломленный тем, что у Тэкка хватило духу такое сказать.

- Но весь фокус в том, что нужно не просто спуститься, чтобы поговорить с ними, – все еще протестовал я. – Ведь придется еще и торговаться из-за мозга Роско. Ты можешь все испортить.

Мы лежали, припав к земле и глядя друг на друга.

- Бросим монету, – прорычал я. – Никто не против, чтобы решить вопрос жребием?

- У монеты только две стороны, – сказала Сара.

- Этого достаточно, – заметил я. – Ты участвовать в этом не будешь. Либо Тэкк, либо я.

- Никакого жребия, – сказал Тэкк. – Пойду я!

Сара посмотрела на меня.

- Мне кажется, мы должны его отпустить, – сказала она. – Он сам так хочет. Сам. Он справится.

- А торговаться? – спросил я.

- Нам нужен блок управления робота, – заявил Тэкк. – Мы отдадим за него все, что они попросят.

Я сдался.

Пусть идет и попробует что-нибудь сделать. Если ему повезет, может быть, мы бросим дурацкую охоту за тенью Лоуренса Арлена Найта и попытаемся решить, как нам выбраться с этой планеты. Признаться, у меня было самое туманное представление о том, как это можно будет провернуть.

Я подошел в Пэйнту и освободил его от поклажи.

- Ну что ж, валяй, – сказал я Тэкку.

Он залез в седло, посмотрел на меня сверху вниз и протянул руку. Я протянул свою: в пожатии его длинных худых пальцев было больше силы, чем я ожидал.

- Удачи, – сказал я ему.

Пэйнт галопом перевалил через вершину холма и понесся вниз по тропе. Мы высунули головы за вершину и следили за ними.

Я пожелал Тэкку удачи и был искренен. Видит Бог, бедняге поистине должно здорово повезти, чтобы он смог выбраться из этой переделки.

Сверху Тэкк выглядел маленьким и жалким и смешно подпрыгивал в седле. Поднятый капюшон закрывал его лицо, а края сутаны, как боевой плащ, развевались за спиной.

Кто-то из кентавров заметил всадника и издал предостерегающий крик. Все повернулись в сторону Тэкка, круговое движение прекратилось.

Ну вот, началось, с волнением подумал я, глядя на происходящее с замирающим сердцем. Пэйнт, покачиваясь, рысил вперед. Тэкк болтался на нем, как кукла, небрежно завернутая в коричневую пеленку. Почти как его любимая кукла, подумал я...

Пэйнт остановился в футах пятидесяти от кентавров и замер в ожидании. Тэкк сидел в седле – чурбан чурбаном. Он даже не поднял руку в приветственном жесте. Он ничего не сделал: просто напросто подъехал к ним, сидя на Старине Пэйнте, как мешок.

Я оглянулся. Сара смотрела на равнину в бинокль.

- Он говорит с ними? – спросил я.

- Не могу определить, – ответила она. – Его лицо закрыто капюшоном.

Неплохое начало, сказал я про себя. Если они не убили его сразу, то какая-то надежда есть.

Два кентавра рысцой двинулись к нему навстречу, маневрируя таким образом, чтобы оказаться по разные стороны от Тэка.

- Смотри, – сказала Сара, передавая мне бинокль.

Через окуляры я тоже не мог хорошо рассмотреть Тэкка: его голову полностью закрывал поднятый капюшон. Зато лица двух кентавров можно было разглядеть достаточно четко. Это были жесткие, волевые лица, скорее даже жестокие. Вопреки моим ожиданиям в них было много человеческого. Похоже, они внимательно слушали Тэкка, и время от времени то один, то другой, казалось, бросал в ответ короткие фразы. Затем они вдруг засмеялись. Они смеялись во весь голос – можно сказать, оглушительно ржали. Это был полный презрения язвительный смех. И смех этот был подхвачен всем стадом.

- Я не понимаю, что происходит, – сказала Сара.

- Преподобный Тэкк, – ответил я, отнимая от глаз бинокль, – опять опростоволосился.

Один из кентавров развернулся и прокричал что-то в толпу. Какое-то мгновение оба кентавра и Тэкк стояли в ожидании, затем из толпы выехал еще один кентавр и зарысил к ним, держа в руках блестевшие на солнце предметы.

- Что это у него? – спросил я Сару, которой отдал бинокль.

- Кажется... щит, – ответила она. И еще какой-то ремень... А, теперь вижу: это ремень и меч. Они передают все это Тэкку.

Пэйнт развернулся и припустил назад. Солнечный свет играл на поверхности щита и на лезвии меча, которые Тэкк держал перед собой. А на плато кентавры вновь оскорбительно заржали. Раскаты смеха наплывали на нас волна за волной, и, словно подхваченный ими, Пэйнт летел по равнине с невероятной скоростью. Он мчался, как перепуганный кролик.

- Зачем? – взвыл я, – зачем этот безмозглый болван захотел идти?! Я ведь говорил, что ничего из этого не выйдет!.. Нашел время рисоваться!

Сара отрицательно покачала головой.

- Нет, это не поза. Пойми ты, он иной, чем мы. Он видит вещи по-другому. Его как будто что-то направляет. Что-то нематериальное, не подчиняющееся физическому измерению – не страх, не тщеславие, не зависть. Какая-то мистическая сила. Я это чувствую. Ты всегда считал его религиозным фанатиком, вот, мол, еще один из той компании странствующих мошенников, которые привыкли маскировать свои интересы религиозной одержимостью. Но я уверяю тебя, что это не так. Я знаю его гораздо лучше, чем ты...

Пэйнт, ныряя, добрался до вершины и застыл, намертво зафиксировав свои полозья. Тэкк, свесившись с седла, выпустил из рук щит и меч, которые со звоном упали на земли. Сам он остался сидеть, тупо глядя на нас, словно парализованный.

- Ну, что же с мозговым блоком? – спросила Сара. – Он у них?

Тэкк кивнул.

- Они продадут его?

- Они не будут менять его, – просипел он. – И не продадут. Они предлагают драться.

- Драться за него? – спросил я. – На мечах?!

- Так они мне сказали. Я объяснил им, что пришел с миром. А они заявили мне, что мир – это трусость. Они захотели, чтобы я дрался с ними сразу же. Но я сказал, что должен уйти и помолиться, и тогда они подняли меня на смех, но все же разрешили уехать.

Он соскользнул с Пэйнта и грохнулся на землю, как мешок с опилками.

- Я не могу драться, – завизжал он. – Я никогда не дрался. До сего дня я вообще никогда не держал оружия в руках. Я не могу убивать, не хочу убивать. Они сказали, что все будет честно. Я один против одного из них, но...

- Но ты не можешь драться, – перебил я.

- Конечно, он не может драться, – огрызнулась Сара. – Он совершенно не знает, как это делается.

- Хватит распускать сопли, – зарычал я на Тэкка. – Поднимайся и скидывай свою рясу.

- Ты? – задыхаясь, произнесла Сара.

- А кто еще, черт побери? – сказал я. – Он поехал и заварил кашу. А теперь моя очередь ее расхлебывать. Или тебе уже не нужен этот блок?

- Но ты же ведь никогда не дрался на мечах, не так ли?

- Конечно, никогда.

Я сбросил рубашку и начал развязывать шнурки на ботинках.

- Сандалии тоже снимай, – буркнул я. – Я должен выглядеть как ты.

- Они заметят разницу, – сказала Сара. – Ты совсем не похож на Тэкка.

- Если я накину капюшон на голову и прикрою им лицо, они ничего не заметят. Они не помнят, как он выглядел. А даже если помнят, то им все равно. Они собрались драться против сосунка и уверены в себе. Для них это – забава.

- Давай все бросим, – предложила Сара. – Следует признать свое поражение и вернуться назад по тропе...

- Они отправятся в погоню, – ответил я. – Нам не уйти далеко... Снимай же с него рясу!

Сара сделала движение в сторону Тэкка, и тут он неожиданно ожил. Он быстро расстегнул ремень и, сорвав с себя рясу, бросил ее мне. Я надел ее и, закутавшись, натянул на голову капюшон.

- Ты ведь никогда не держал в руках меча, – продолжала уговаривать Сара. – А против тебя они выставят своего лучшего бойца.

- У меня есть одно преимущество, – возразил я. – Их лучший боец убежден, что его соперник – слабак и неумеха. Он ждет не боя, а спектакля. Если мне удастся к нему прибилизиться...

- Майк...

- Сандалии, – требовательно сказал я.

Тэкк швырнул их в мою сторону, и я обулся.

Подняв меч, я с опаской рассмотрел его. Это было тяжелое неудобное оружие, тронутое кое-где ржавчиной и не особенно острое. Я взял щит, закрепил его у себя на руке и взобрался на Пэйнта. Тот, развернувшись, побежал вниз с холма. Кентавры оставались на прежнем месте. В момент моего появления стадо разразилось оскорбительным ржанием.

Один из кентавров ринулся к нам. У него был точно такой же щит, а ремень, на котором висел меч, был перекинут через плечо.

- Ты возвратился, – сказал он. – А мы думали, что ты уже не вернешься.

- Я и сейчас пришел с мирными намерениями, – сказал я. – Неужели нет другого способа договориться?

- Мир – это трусость, – ответил он.

- Вы настаиваете? – спросил я.

- Да, – ответил он, – другого честного способа нет.

Он явно издевался надо мной.

- Если мы заговорили о чести, – продолжал я, – могу ли я быть уверенным, что после того, как убью тебя, действительно получу шар?

- Ты оскорбляешь меня, – холодно заявил кентавр. – И ты оскорбляешь мое племя.

- В таком случае, – предложил я, – приступим к делу.

- Нужно соблюдать правила, – сказал он. – Каждый из нас должен отъехать назад и встать лицом друг к другу. Ты видишь вымпел на шесте?

Я кивнул. Кто-то в толпе кентавров держал в руках шест с привязанным к его концу обрывком замызганной тряпки.

- Когда вымпел опустят, – объяснил он, – начнется бой.

Я снова кивнул пришпорил Пэнта пятками, понуждая его развернуться. Я отъехал на несколько шагов и повернул Пэйнта мордой в сторону своего противника. Кентавр тоже развернулся. Теперь мы стояли друг против друга, как рыцари перед поединком. Шест с грязной тряпкой был все еще поднят вверх. Кентавр обнажил свой меч, я последовал его примеру.

- Ну, что, Пэйнт, старая кляча, – сказал я. – Здорово мы влипли!

- Высокочтимый сэр, – ответил мне Пэйнт. – В этой драматической ситуации я постараюсь сделать все от меня зависящее.

Шест с тряпкой опустился. Мы ринулись вперед одновременно. Пэйнт на своих полозьях набрал полную скорость уже после двух скачков, а кентавр с грохотом надвигался на нас, вырывая копытами из земли большие куски дерна. Свой меч он держал острием вверх, а щитом прикрывал голову. Как только мы сблизились, кентавр издал душераздирающий боевой клич – уже одного этого было достаточно, чтобы кровь застыла в моих жилах.

Мой мозг разом откинул все беспорядочно роившиеся в нем идеи и замыслы и превратился в волевую и бесстрастную вычислительную машину. Мой разум воплощал теперь беспощадную жестокость: именно то состояние, без которого нельзя было в этот момент обойтись. Я должен был сразу же прикончить его или погибнуть. Удастся ли мне справиться с кентавром, зависело только от удачи, так как у меня не было ни навыков обращения с мечом, ни времени, чтобы ими овладеть.

Я видел, как он обрушивает на меня свой меч хорошо отработанным, размашистым ударом. Его глаза, почти утопавшие в густой бороде, были полузакрыты, в них застыло выражение одновременно самоуверенности и сосредоточенности.

Он считал меня игрушкой в своих руках. Он знал, что у меня нет ни единого шанса.

Его меч обрушился на край моего щита с такой силой, что моя левая рука тут же онемела. Отраженный клинок просвистел у моего плеча. И вдруг сразу же после удара кентавр как-то судорожно дернулся, отступая и заваливаясь назад. Его взгляд остекленел, а рука, державшая щит, оказалась в стороне, и лезвие моего меча со всего размаха опустилось прямо на его голову и вошло в его череп, разрубая его на две части до самой шеи.

Но я отчетливо помнил: в то самое мгновение, когда мой клинок еще не коснулся головы кентавра, его взгляд вдруг начал терять ясность, а рука, державшая щит, оказалась в стороне, и тут я увидел черное отверстие точно между его глазами, как раз посередине лба. Но уже в следующий миг мой меч прошел через него, словно это отверстие было специально нанесено чьей-то невидимой рукой, чтобы служить меткой для моего удара.

Игра в поло блоком управления робота не прошла даром – корпус был испещрен зазубринами и вмятинами.

Я передал мозговой блок Саре.

- На, держи. Будем надеяться, что ради этого стоило рискнуть жизнью.

После моих слов она чуть не задохнулась от негодования.

- Никакого риска не было, – закричала она. – Я стреляю так, что пуля попадает именно в то место, куда я целюсь. Или я промахнулась?

- Нет, ты сработала отлично, – пробурчал я, все еще переводя дух после схватки. – Но стоило взять на два фута в сторону...

- Это исключено, – вскипела она. – Я прицелилась точно.

Я слез с Пэйнта и сбросил с себя рясу. Тэкк лежал скрючившись у ствола уродливого низкорослого дерева. Я швырнул ему рясу.

Свистун спустился к нам со склона.

- Превосходно сработано, Майк, – протрубил он. – Покончить с ним всего лишь одним ударом, имея оружие, которым раньше никогда не пользовался...

- Уж кто превосходно сработал, так это – мисс Фостер, – сказал я. – Это она подстрелила птичку для меня.

- Не важно, чья заслуга, – заметил Свистун. – Главное – дело сделано, а играющие лошадки эвакуируются.

- Ты имеешь в виду, что они уходят?

- Строятся для марша.

Я взобрался на вершину холма и увидел, что кентавры действительно образовали неровную колонну и направились на запад. Их уход принес мне величайшее облегчение. Несмотря на все их благородство (а оно было доказано хотя бы тем, что они отдали "приз"), я чувствовал себя крайне неуютно.

Обернувшись, я заметил, что Тэкк и Сара положили тело Роско на землю и открывают его череп, чтобы поместить в него блок управления.

Через минуту Роско зашевелился. Поднявшись с земли, он завертел головой из стороны в сторону, поочередно рассматривая каждого из нас. Его руки двигались очень осторожно, словно он не доверял им.

Наконец, робот медленно заговорил, постепенно повышая голос.

- Иногда, - промолвил он, - никогда, всегда, навсегда, завсегда.

Он замолчал и оглядел нас, как будто старался убедиться, что мы его понимаем. Когда ему стало очевидно, что до нас ничего не дошло, он снова продекламировал, на этот раз торжественно и размеренно, полагая, что уж сейчас-то ему удастся добиться понимания: "Шапка, тряпка, лапка, тяпка, лепка, репка, кепка".

- Абсолютный пень, - воскликнул я.

- День, - откликнулся Роско.

- Он рифмует, - догадалась Сара. - Все, на что он теперь способен, - это служить словарем рифм. Неужели он ничего не помнит?

Я криво улыбнулся:

- Почему бы тебе не узнать у него самого?

- Роско, - спросила она, - ты помнишь хоть что-нибудь?

- Позабудь, - отозвался он, - не вернуть, завернуть, как-нибудь, долгий путь.

- О, нет же, нет! - воскликнула Сара. - Ты помнишь своего хозяина?

- Каина, - без всякого намека на издевку, просто и естественно ответил Роско.

- Роско, - решительно произнес я. - Мы ищем Лоуренса Арлена Найта. Тебе ясно?..

- Грязно, - сказал Роско, - гласно, опасно...

- Да будь ты неладен, трепач проклятый! - завопил я. - Мы его ищем. Укажи хотя бы направление, где его искать, куда нам надо смотреть.

- Реветь, - проговорил Роско, - медведь, корпеть.

Но несмотря на то, что робот болтал рифмованную белиберду, он повернулся и, вытянув руку, указал пальцем направление. Его рука застыла как дорожный знак, указывающий путь на север дальше по тропе.

Итак, мы отправились по тропе на север. Пустыня и каменистые холмы остались позади, и теперь мы изо дня в день упорно поднимались на высокое плато, открывающее путь к неуклонно уходящим вверх горам. Они упирались в небо огромными величественными кряжами, которые по-прежнему тонули в голубоватой дымке.

Вся наша поклажа была надежно закреплена на крепкой спине Роско. Я шел со щитом, пристегнутым к плечам, и мечом, висящим на поясе. Конечно, это было оружие, недостойное взрослого человека, но все же щит и меч придавали мне некое воинственное чувство собственной значимости, которое, наверное, испытывали наши древние предки от одного лишь обладания боевыми доспехами.

Теперь наше путешествие, казалось, начинало приобретать смысл. Хотя иногда я все же сомневался, действительно ли Роско знал, куда идти.

Растительность стала более разнообразной. Вдоль тропы росли трава и цветы, оригинальные кустарники, а временами встречались рощи красивых деревьев, приютившиеся на берегах водоемов. И, разумеется, в отдалении все также уходили ввысь подпирающие небо колонны деревьев-гигантов. Воздух становился прохладным, и если раньше ветра практически не было, то теперь он дул почти постоянно, налетая колючими пронизывающими порывами. В траве обитали похожие на грызунов зверюшки, которые, сидя вдоль тропы, сопровождали нас свистом, временами попадались небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из этих животных, и, после того как мы его разделали, все по очереди тянули жребий, кому есть первый кусок а так как самое длинное перо досталось мне, то я и выступил в роли подопытного. Я съел несколько кусков поджаренного мяса и долго сидел, ожидая результата. Поскольку ничего со мной не случилось, остальные тоже принялись за трапезу. Таким образом мы нашли источник пополнения наших припасов.

Нагорье, по которому мы шли, было просто сказочным, над ним словно витал дух неразгаданной тайны, и временами мне казалось, что я путешествую во сне. Причем, восторженное чувство нереальности вызывало не столько само нагорье, сколько вся неразгаданная планета. Завораживающая сила ее чар пронизывала все поры моего существа - и я, как влюбленный юноша, постоянно думал о ней. Мною постоянно владели размышления о тех, кто населял планету: почему они покинули ее; кто посадил, а потом забросил гигантский сад; кто возвел опустевший белый город. Нежась в тепле костра, отгонявшем ночную прохладу, я разглядывал Свистуна, не переставая удивляться, как между нами, такими непохожими, могло возникнуть связавшее нас чувство братства.

Меня смущал Тэкк. Он шел словно сам по себе, как случайный попутчик, на время приставший к нашей компании. Монах почти все время молчал, изредка нашептывая что-то своей кукле, а после ужина садился в одиночестве подальше от костра. Его лицо еще более утончилось, а тело, казалось, совершенно истаяло в складках сутаны. Мы просто перестали замечать его. Иногда я натыкался на него взглядом и никак не мог сообразить - кто же это такой.

Мы по-прежнему двигались по обширному плато, и Пэйнт все также молчаливо покачивался на ходу. Только изредка тишину нарушал стук камня, вылетевшего из под его полозьев. Свистун бежал впереди, на расстоянии одного перехода от нас, выполняя роль дозорного. Закутанный с головой Тэкк сопровождал нас, как привидение. Роско твердым шагом маршировал по тропе, бормоча под нос бесконечную поэму из рифмованных слов, абсолютно лишенную всякого смысла: жизнерадостный безумец, беспечно бредущий по враждебной и незнакомой земле. Да и я, со щитом за спиной и мечом, путающимся в ногах, должно быть, представлял собой фигуру не менее нелепую, чем любой из них.

Одна лишь Сара, возможно, выглядела не так странно, как мы, но и она преобразилась, словно в ней опять запылал прежний огонь искательницы приключений, казалось бы, уже померкший в монотонности долгого перехода.

И вот пришел день, когда исчез Тэкк.

Только после полудня мы заметили, что его нет, но как ни старались, не могли вспомнить, был ли он с нами во время привала. Утром он поднялся вместе с нами, но это было единственное, в чем мы были уверены.

Мы пошли назад. Мы искали его, мы кричали, но так и не дождались ответа. Только когда сгустились сумерки, мы прекратили поиски и разожгли костер.

Было горько, конечно, сознавать, что никто из нас так и не смог вспомнить, когда же мы его последний раз видели, но я, откровенно говоря, не исключал, обдумывая случившееся, что он вовсе не отстал от нас, сознательно или случайно, а попросту испарился – как Джордж в ту ночь, когда дерево напало на нас.

Возможно, убеждал я себя, причиной того, что мы перестали замечать присутствие Тэкка, была его прогрессирующая неприметность. День за днем он все более замыкался в себе, отдалялся от нас, пока не дошел до того, что бродил между нами, как привидение. Эта его незаметность, а также колдовское очарование голубой земли, где время уже не имело привычного значения и смысла, где реальность сливалась со сновидением – все это и служило причиной его бесследного исчезновения.

- Нет смысла продолжать поиски, – сказала Сара. – Если бы он был здесь, мы бы уже давно нашли его. Если бы он нас слышал, он бы откликнулся.

- Ты думаешь, его уже просто не существует? – спросил я, подумав, что это достаточно замысловатая формулировка вопроса, жив он или нет.

Она кивнула в ответ.

- Он нашел то, что искал. Также, как и Джордж.

- А эта его кукла? – спросил я.

- Символ, – ответила Сара. – Точка концентрации. Что-то вроде хрустального шара, глядя в который можно потеряться. Мадонна некой древней и могущественной религии. Талисман... Тэкк был настроен в унисон с чем-то вне нашего времени и пространства. С агрессивным типом характера – да, теперь я могу это признать, – агрессивный тип и очень своеобразный. Не от мира сего.

- Когда-то ты говорила мне, что он не выдержит, – вспомнил я. – Что где-то по пути он должен сломаться.

- Да, я помню. Я полагала, что он слаб, но я ошибалась.

Стоя в молчании, я недоумевал, куда же все-таки он мог деться. Да и исчез ли он? Или его неприметность достигла такой степени, что он просто растворился. Был ли он все еще с нами, невидимый и неосязаемый, споткнувшийся на границе реального и потустороннего миров? Был ли он все еще здесь, взывая к нам и дергая нас за рукава, чтобы подать нам сигнал о своем присутствии, а мы неспособны были услышать его и ощутить его прикосновения?

- Вас осталось двое, – сказал Свистун, – но вас сопровождают надежные спутники. Мы трое – с вами.

Я совсем забыл о Свистуне, Пэйнте и Роско, ведь мне казалось, что осталось только двое из четверых, дерзко вышедших за пределы галактики, чтобы найти на ее задворках нечто, о чем мы не знали ни тогда, ни сейчас.

- Свистун, – спросил я, – ты почувствовал, что Джордж покидает нас. Ты ощутил, когда он ушел. А сейчас...

- Не слышал, как уходит Тэкк, – ответил Свистун. – Ушел уже давно, несколько дней назад. Растворился так легко, что не возникло ощущения потери. Просто его становилось все меньше и меньше.

Конечно, в этом все и заключалось. Его действительно оставалось все меньше и меньше. Интересно было бы узнать, находился ли он когда-нибудь с нами.

В свете костра я заметил слезы на щеках Сары. Я осторожно положил руку ей на плечо. Почувствовав прикосновение, она повернулась ко мне и оказалась в моих объятиях – это получилось совершенно неожиданно. Сара, зарыдав, уткнулась лицом в мое плечо, а я крепко прижал ее к себе.

Недалеко от костра стоял Роско, бесстрастный и неподвижный. Сквозь всхлипывания Сары я услышал его приглушенное бомотание: "Вещь, лещ, клещ..."

Мы достигли цели на второе утро после исчезновения Тэкка – мы пришли на это место и поняли, что находимся именно там, куда и хотели попасть. Наступило мгновение, о котором мы мечтали все эти бесконечные дни по пути сюда. Честно говоря, мы не испытали большого восторга, когда, поднявшись на вершину небольшого холма, увидели в конце открывшейся перед нами болотистой низины образованные двумя огромными скалами ворота, куда уходила тропа. Но мы сразу почувствовали, что за воротами – цель нашего путешествия.

Перед нами вздымались в небеса горы. Горы, которые мы впервые наблюдали еще из города, когда они казались пурпурной лентой, протянутой на севере вдоль линии горизонта. Они все еще сохраняли багряную окраску, сейчас впитавшую игру света и тени голубоватых сумерек, окутавших землю. Все слишком явно подсказывало нам, что мы у цели: горы, ворота, наконец, наши чувства.

Но эта очевидность рождала у меня странное ощущение какого-то несоответствия, хотя, постарайся

я его объяснить, мне вряд ли бы это удалось.

- Свистун, – позвал я, но не услышал отклика. Он стоял позади меня также неподвижно и безмолвно, как и все остальные.

- Ну, что, пойдем, – сказала Сара, и мы двинулись вниз по тропе по направлению к величественной каменной арке, открывавшей дорогу в горы.

Приблизившись к воротам, составленным из нагроможденных друг на друга каменных плит, мы обнаружили табличку. Металлическая табличка была укреплена на одной из каменных стен, а рядом привинчено еще несколько, по-видимому, на других языках. На одной из табличек ужасными каракулями был нацарапан текст на космическом жаргоне:

"Все биологические создания, добро пожаловать. Механические, синтетические формы и их разновидности любого вида не имеют права доступа. Также запрещено проносить все типы инструментов и оружия, в том числе самые примитивные".

- Я не в обиде, – прокомментировал объявление Пэйнт. – Составлю компанию этому железному стихотворцу и буду прилежно охранять ваши ружье, меч и щит. Только возвращайтесь, пожалуйста. После того, как я нес вас на своей спине, меня бросает в дрожь от одной мысли лишиться общества биологических существ. Поверьте, близость подлинной протоплазмы дает непередаваемое ощущение комфорта.

- Мне все это не нравится, – заявил я.

- Не знаю, что ты намерен делать, – сказала Сара, – а я предпочитаю сделать так, как они требуют. Не для того я искала его, чтобы отступить в конце пути.

- Кто говорил об отступлении? – раздраженно спросил я.

Сара прислонила винтовку к стене, растегнула пояс, на котором висел подсумок с боеприпасами, и бросила его рядом с винтовкой.

- Пойдем, Свистун, – сказала она.

- Би-и-и! – подала сигнал табличка. – Многоногий? – зажглось на ней. – Он настоящее биологическое существо?

Свистун фыркнул от негодования.

- А ты что, считаешь меня незаконнорожденным?

- Би-и-и-п!

И снова надпись:

- Но тебя здесь больше одного!

- Меня – трое, – с достоинством прогудел Свистун. – Сейчас в своем втором образе. Превосходящий мое первое я, но еще недостаточный для перехода в третью степень.

- Би-и-и-п, – прозвенела табличка, изменив содержание надписи: - Прошу прощения, сэр, милости просим!

Сара пошла первой, и я не стал возражать. В конце концов, она затеяла этот спектакль и заплатила за музыку. Свистун семенил за ней мелкими шажками, а я замыкал процессию.

Мы спускались вниз по тропе, все более погружаясь в густую тень, которую отбрасывали возвышавшиеся по сторонам каменные стены. Так мы оказались на дне ущелья шириной не более трех футов. Затем ущелье и проходящая по нему тропа сделали неожиданный поворот, и на нас хлынул поток ослепительного света.

Мы вынырнули из ущелья и вступили в Землю Обетованную.

Это было место, перенесенное из Древней Греции, о которой я когда-то читал в школе. Наш учитель пытался привить нам любовь к истории и культуре планеты, ставшей колыбелью человечества. И хотя ни Земля сама по себе, ни обстоятельства возмужания и развития Человечества не вызывали во мне особых эмоций, я, помню, был поражен классической красотой и гармонией греческой философии. В то время она захватила меня именно как оставленное нам богатейшее наследие, которое может быть предметом гордости любой расы. Правда, затем я забыл о своих переживаниях, связанных с изучением античности, и не вспоминал о них многие годы. Но сейчас я увидел пейзаж, который в точности воскрешал картины, рисуемые в моем воображении много лет назад, когда я читал о Древней Элладе в учебнике.

Тропа теперь проходила по узкой, окруженной скалами долине, по дну которой бежала быстрая горная река. Она сверкала и переливалась золотом на солнце. Тропа вела вниз, иногда приближаясь к реке, иногда карабкаясь по серпантину на уступы скал, подходивших вплотную к потоку. И повсюду на этих обрывистых скалистых склонах, нависающих карнизами над долиной, сияли белоснежным мрамором (или другим материалом, казавшимся нам снизу мрамором) стены небольших дворцов, построенных по безупречным классическим канонам греческой архитектуры.

Даже солнце в этой долине казалось мне не просто солнцем, а солнцем той Греции, которая некогда жила в моих мечтах. Исчезла голубизна, затопившая плоскогорье, по которому мы поднимались к горам, исчезло пурпурное одеяние горных кряжей. Здесь, в долине, господствовал чистый и яркий солнечный свет, слепящая белизна, заливавшая сухую суровую землю.

Никто из нас не промолвил ни слова после того, как мы вышли из ущелья на этот древнегреческий солнцепек. Нам просто нечего было сказать.

Солнечный свет обрушивался на нас сверху, разбиваясь вдребезги о камни, дробясь и переливаясь в

речной воде. Кроме шепота и бормотания горного потока ничто не нарушало тишины. Ничто не вторгалось в покой долины.

И тут мы увидели табличку с надписью крупными печатными латинскими буквами:

ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ

Конечно же, все, что происходило с нами, было каким-то безумием. Безумием было пересечь всю галактику только ради того, чтобы найти одного человека, – и действительно найти его. Безумием было дойти до истоков легенды. Но табличка с именем Лоуренса Арлена Найта была реальностью.

И теперь, когда я в растерянности стоял перед ней, мне оставалось тешить себя последней надеждой, что это – не жилище, а гробница, не дворец, а мавзолей.

- Сара, – позвал я, но она уже карабкалась вверх по тропинке, рыдая от счастья и облегчения, наконец-то дав волю чувствам после долгих недель поиска.

На крыльце этого сияющего белоснежного здания появился человек – старый, но все еще крепкий, с седой бородой, прямой спиной и уверенной походкой. Он был одет в белую тогу, и это не вызывало удивления. В подобной обстановке скорее любая другая одежда показалась бы неуместной.

- Сара! – закричал я.

Мы со Свистуном едва поспевали за ней. Она не слышала. Она просто не обращала на нас внимания.

И тут старик заговорил.

- Пришельцы! – провозгласил он, простирая вперед руку. – Мои соплеменники! Мог ли я мечтать, что мои глаза вновь увидят сородичей!

Сара протянула ему руки, и старик сжал их в своих ладонях. Они стояли и смотрели друг другу в глаза.

- Как же это было давно, – сказал старик. – Очень давно. Путь по тропе долог и труден, и никто не знает о нем. А вы, как вам удалось узнать?

- Сэр, – воскликнула Сара, задыхаясь после восхождения, – ведь вы, это вы – Лоуренс Арлен Найт?

- Да, конечно, – ответил старик. – Это я. А кого вы ожидали встретить?

- Ожидали встретить? – переспросила она. – Конечно же, вас. Но мы могли только надеяться.

- А эти добрые люди с вами?

- Капитан Майкл Росс, – представила меня Сара. – И Свистун, наш верный друг, которого мы встретили по пути сюда.

Найт поклонился Свистуну.

- Ваш покорный слуга, сэр, – сказал он.

Затем он протянул руку мне, сжав мою ладонь. Его рукопожатие было теплым и крепким.

- Капитан Росс, – сказал он, – добро пожаловать. Здесь есть место для вас, для всех вас. И для этой молодой леди, простите, я не знаю вашего имени.

- Сара Фостер, – подсказала Сара.

- Только подумать, – сказал он, – что я уже больше не буду одинок. Боже мой, как это удивительно: снова слышать звук человеческой речи, видеть лица людей. Как я без этого скучал! Здесь есть много других существ, сильных характером и с чудесной душой, но ни одно из них не может заменить общение с подобными себе.

- Как давно вы здесь? – спросил я, стараясь прикинуть, сколько же лет легенде об этом челвоеке.

- Когда человек проживает каждый день полностью и до конца, – ответил он, – и заканчивает его с мыслью о дне грядущем, считать время бессмысленно. Каждый день, каждая минута становятся частью вечности. Я размышлял об этом и теперь не уверен, существует ли реально такое явление, как время. Время в обыденном понимании – это абстрактная категория, грубый измерительный прибор, форма, изобретенная некоторыми видами цивилизаций, причем, отнюдь не всеми. Время в глобальном смысле теряется в беспредельной вечности, и нет нужды доискиваться до начала или конца, так как ни того, ни другого просто никогда не существовало. Разумеется, я спешу добавить, что можно отслаивать вечность...

Он продолжал и продолжал говорить, а я, стоя на ступенях под колоннами мраморного портика, озирал лежащую внизу долину и думал, свихнулся ли он от длительного одиночества, или он действительно был уверен в справедливости того, в чем пытался нас убедить. Правда, в этом чудесном месте, залитом ослепительным солнечным светом, запросто могло родиться представление о постоянстве и неизменности.

- Но я, впрочем, перескакиваю с одного на другое, – продолжал рассуждать старик. – Конечно, неразумно пытаться выложить все сразу. Прошу прощения за то, что держу вас на пороге. Будьте любезны, проходите.

Мы прошли через открытую дверь и оказались в тихом помещении. Здесь не было окон, но откуда то сверху, из отверстий в крыше струился мягкий солнечный свет; сделанные с бесподобным мастерством стулья и диван, письменный стол, элегантный чайный сервиз на маленьком столике в углу - все это удачно дополняло световой эффект.

- Пожалуйста, – пригласил он, – садитесь. Надеюсь, вы сможете уделить мне немного времени. (Ну вот, подумал я, а он еще говорил, что самого понятия времени не существует.) – Господи, – поправил он себя, – как глупо с моей стороны говорить об этом: конечно же, у вас есть время. Вы держите в своих ладонях все время вселенной. Если вы пришли сюда, то вам уже некуда больше торопиться, просто нет места, где бы вам еще захотелось побывать. Попав сюда, никто уже не пожелает уйти.

Все это звучало слишком уж елейно и гладко и до ужаса напоминало хорошо разыгранный спек-

такль, хотя все по-прежнему выглядело вполне правдоподобно: будто старый живущий в одиночестве человек вдруг дал волю давно распиравшим его словам, когда к нему домой нежданно нагрянули желанные гости. Но подспудно, где-то в глубине моего сознания зашевелилось тревожное ощущение искуственности всего происходящего, причем недоверие вызывал не только старик, но и сама окружавшая нас обстановка.

- Здесь, разумеется, хватит места и вам, – продолжал говорить старик. – Здесь всегда найдутся уголки, ждущие своих хозяев. Мало кому удается добраться сюда, но если уж добрался, то тебе всегда находится место. Через день-два я покажу вам окрестности, и мы заглянем к жителям долины. Это будут сугубо официальные представления, так как мы здесь привыкли строго соблюдать формальности. Но зато после этого уже не будет нужды совершать повторные визиты. Хотя некоторые из здешних обитателей, несомненно, понравятся вам и вы станете время от времени их навещать. Тут собралась элита – общество избранных, приглашенных со многих планет галактики...

- Что же представляет собой это место? – перебила его Сара. – Как вы узнали о нем?

- Что такое это место? – переспросил старик, приглушенно вздохнув. – Я никогда не размышлял над этим. Никогда не задумывался. Ни у кого не спрашивал.

- Вы хотите сказать, – спросил я, – что жили здесь все это время и никогда не задумывались, где находитесь?

Он посмотрел на меня с ужасом, словно я совершил неслыханное святотатство.

- Какой смысл в том, чтобы спрашивать об этом? – воскликнул он. – Какая нужда в пустых размышлениях? Неужели что-то изменится от того, будет это место иметь название или нет?

- Простите нас, – вмешалась Сара. – Мы здесь новички и не хотели вас обидеть.

Бесспорно, она поступила правильно, извинившись, но я, признаться, действительно хотел вывести его из равновесия и таким образом попытаться добиться объяснений.

- Вы говорили, что дни здесь полны смысла, – спросил я. – А чем же вы их конкретно заполняете? Как проводите время?

- Майк! – возмущенно воскликнула Сара.

- Я пишу, – с достоинством ответил Лоуренс Арлен Найт. - Каждый здесь делает то, что ему хочется. У него нет других мотивов, кроме желания получить удовольствие от того, что он занимается любимым делом. Он не испытывает материальной нужды, не зависит от общественного мнения. Он не работает за вознаграждение или ради славы. Здесь чувствуешь всю суетность и ничтожность этих побуждений, здесь верен только самому себе.

- И поэтому вы пишете?

- Да, пишу, – ответил Найт.

- О чем же?

- О том, о чем мне хочется писать. Я излагаю мысли, которые приходят мне в голову. Я стараюсь выразить их как можно более точно. Я шлифую их. Ищу точные слова и фразы. Я пытаюсь передавать посредством слова накопленный мною жизненный опыт. Стремлюсь понять, что я такое и почему я такой, какой есть.

- Это то, ради чего вы живете? – спросил я.

Он указал на деревянную шкатулку, стоящую на столике.

- Все, что мне необходимо – здесь, – ответил Найт. – Пусть это только начало. Намеченная мною работа займет много времени, но я от нее никогда не устаю. Нужно сделать вдесятеро больше, чтобы завершить ее, если это вообще возможно. Хотя об этом глупо говорить, так как в моем распоряжении неограниченное время. Некоторые из здешних обитателей увлекаются живописью, другие сочиняют музыку, третьи ее исполняют. Некоторые занимаются вещами, о которых я раньше не имел никакого представления. Один из моих соседей...

- Майк, – свистящим шепотом позвал меня Свистун.

- Тихо, – прервала его Сара.

- Ведь это трудно, – продолжал говорить Найт, – очень трудно понять, что здесь время неподвижно, и, если бы не смена дня и ночи, которая порождает обманчивую иллюзию его течения, было бы легко убедиться, что времени просто не существует.

Свистун громко прогудел: "Майк!"

Сара поднялась, одновременно с ней встал я, и пока я поднимался, все на глазах переменилось – и комната, и человек. Теперь я находился в лачуге с прогнившей крышей и грязным полом. Кругом стояли расшатанные стулья, а стол без одной ножки был прислонен одним краем к стене. На нем стоял деревянный ящик и лежала пачка бумаги.

- Это выше человеческого восприятия, – вещал Найт. – Это – за пределами человеческого воображения. Иногда мне кажется, что в древние времена кому-то каким-то непонятным образом удалось увидеть это место, уловить его суть, и тогда он назвал его Раем Небесным...

Найт был очень стар. Он был невыносимо старым и дряхлым, настоящий ходячий труп. Кожа обтягивала его скулы, обнажая желтые гнилые зубы. Через огромную прореху в его задубевшей от грязи одежде просвечивали ребра необычайно худого, как у изголодавшейся лошади, тела. Его руки были похожи на клешни. У него была нерасчесанная грязная и забрызганная слюной борода, а запавшие глаза источали рассеянный свет. Это были наполовину мертвые глаза, но все же не настолько старые, чтобы принадлежать такому древнему и иссохшему телу.

- Сара, – закричал я.

Но она стояла, словно завороженная, жадно внимая словам Найта, впитывая в себя все, что врала нам эта скрючившаяся в кресле дряхлая развалина.

Я сделал все быстро, почти автоматически. Я ударил ее кулаком в подбородок сильно и безжалостно, и тут же поймал ее, не дав ей осесть на пол. Перекинув ее бесчувственное тело через плечо, я заметил, что Найт тщетно пытается встать с кресла, и даже при этом его губы не переставали двигаться, а речь продолжала безостановочно литься.

- Что случилось, мой друг? – спросил он. – Разве я допустил какую-нибудь бестактность, обидев вас? Иногда бывает так непросто понять чужие вкусы и угодить другому человеку. Достаточно одного неловкого поступка, одного неосторожного слова...

Я повернулся, чтобы уйти, и тут заметил деревянный ящик на столе и, не задумываясь, схватил его.

Свистун с мольбой уговаривал меня: "Майк, не задерживайся, пожалуйста, обойдись без церемоний. Уходим как можно быстрее".

И мы ушли, не задерживаясь.

Мы пробежали весь путь назад без оглядки. Я оглянулся лишь однажды, когда мы уже дошли до края долины и готовы были нырнуть в теснину зажатого между отвесными скалами каньона, ведущего к воротам.

Сара пришла в себя и неистово колотила меня, но я крепко держал ее, прижимая одной рукой к плечу. В другой руке я тащил деревянный ящик, который схватил со стола Найта.

Мы выскочили из каньона. Роско и Пэйнт стояли на том же месте, где мы их оставили.

Я сбросил Сару на землю, не особенно церемонясь (признаться, ее тумаки мне уже порядком надоели). Она шлепнулась на мягкое место и так и осталась сидеть с красным от ярости лицом и горящими от гнева глазами. Ее рот раскрывался, как у выброшенной на берег рыбы, но негодование настолько переполняло ее, что с губ слетало лишь одно слово: "ты – ты – ты..." Вероятно, впервые в ее благополучной и безбедной жизни Саре пришлось испытать такое унижение.

Я стоял, глядя на нее сверху вниз, стараясь восстановить дыхание после сумасшедшей гонки по долине и каньону.

- Ты ударил меня! – выкрикнула Сара.

- Черт тебя подери, кто бы спорил! – прокричал я в ответ. – Ты же ведь ни черта не видела. Ты бы стала возмущаться, и мне ничего не оставалось делать, как отключить тебя.

Она поднялась на ноги и набросилась на меня с кулаками.

- Мы нашли Лоуренса Арлена Найта, – вопила Сара. – Мы нашли чудесное сказочное место. После всех наших мытарств мы наконец нашли то, что хотели, и вот...

И тут в разговор вмешался Свистун.

- Благородная леди, – сказал он. – Во всем случившемся виноват только я. Уловил реальность органами чувств своего третьего я и настроил Майка увидеть это. Не хватило сил на двоих. Пришлось выбирать. Настроил только Майка...

Теперь наступила очередь расплачиваться Свистуну.

- Ах ты, паршивая тварь! – заорала Сара и ударила беднягу ногой. Удар пришелся по бочкообразному туловищу и перевернул Свистуна вверх тормашками. Он лежал на спине, беспомощно перебирая крошечными конечностями, которые работали, как поршни двигателя, и отчаянно пытался вернуться в нормальное положение.

Сара уже стояла на коленях подле него.

- Свистунчик, бедненький, – причитала она. – Прости меня, пожалуйста. Я очень огорчена, честное слово. Мне очень стыдно, поверь мне.

Она поставила его на ноги и, повернув лицо к мне, сказала: "Майк! Боже мой, Майк! Что же с нами такое происходит?"

- Наваждение, – произнес я. – Я думаю, что это – единственно верное определение всего, что случилось.

- Добрейшая леди, – прогудел Свистун. – Не испытываю ни малейшей обиды, вполне понимаю, что рефлекс вашей ноги был закономерным.

- Все, что мы видели, было лишь иллюзией, – сказал я Саре. – Не было никаких мраморных дворцов – одни лишь грязные лачуги. И речка вовсе не была такой чистой и стремительной, как нам казалось, – просто замусоренная застойная лужа. И потом еще ужасный запах: от этой грязной помойной канавы так несло, что у меня перехватило дыхание. А Лоуренс Арлен Найт, если это действительно был он, оказался ходячим трупом, неизвестно только, какая черная магия удерживает его в этой жизни.

- Здесь нам места нет, – прогудел Свистун.

- Мы оказались нарушителями границы, вторглись в запретную зону, – сказал я. – Теперь для нас закрыта дорога в космос, так как никто не должен узнать о существовании этой планеты. Мы оказались в западне, гигантской мышеловке. Когда мы приблизились к планете, нас заманили сигналом маяка. Мы увязались в погоню за легендой и оказались ее пленниками, угодив еще в одну ловушку – мышеловку в мышеловке.

- Но ведь Лоуренс Арлен Найт тем и занимался, что искал мифы в галактике.

- И тем же занялись мы, – заметил я. – То же делали те, чьи кости мы видели рассыпанными по ущелью. Некоторые хищные насекомые используют определенные запахи и ароматы для приманки

добычи. И эти запахи способны распространяться очень далеко. Случается, что их заносит ветром на невероятно большие расстояния в самые укромные уголки. В нашем случае легенды и мифы заменяют запахи и ароматы...

- Но ведь этот человек в долине, - возмутилась Сара, - был так счастлив и доволен, полон жизни и творческих планов. Каждый его день проходил полноценно. Будь это Найт или кто-либо другой, но он достиг того, к чему стремился.

- Как ты думаешь, что проще, - спросил я, - задержать живое существо там, где ты хочешь, или сделать его счастливым там, куда оно попадет?

- Ты уверен в этом? - спросила Сара. - Ты действительно убежден, что видел именно то, о чем рассказал мне? Может быть, Свистун обвел тебя вокруг пальца.

- Вовсе и не думал никого обманывать, - с обидой прогудел Свистун. - Помог Майку увидеть все, как есть.

- Но, в конце концов, не все ли равно! - воскликнула она. - Ведь он счастлив. У него есть цель. Если жизнь наполнена смыслом и никакое время не может лишить ее этого смысла, потому что здесь нет самого времени...

- Ты хочешь сказать, что мы должны остаться?

Она кивнула.

- Он сказал, что здесь найдется место и для нас. Мы могли бы поселиться в долине. Мы могли бы...

- Сара, - оборвал я ее, - неужели ты действительно этого хочешь? Поселиться в стране воображаемого, поддельного счастья?

Она попыталась было что-то сказать... но промолчала.

- Черт возьми, ведь ты понимаешь, что все это чепуха! - сказал я. - На Земле ты имела прекрасный дом с самыми экзотическими охотничьими трофеями - целую коллекцию шкур и чучел. Славу великой амазонки галактики. Покорительницы самых зловещих чудовищ. На Земле ты была знаменита, вокруг тебя существовал романтический ореол. Но постепенно он стал меркнуть. Людям наскучили твои подвиги, их больше не интересовали твои приключения. И тогда, чтобы восстановить поблекший образ, ты решила сыграть в иную игру...

Она стремительно подошла ко мне, и ее рука, изящно изогнувшись, резко хлестнула меня по щеке.

Я улыбнулся.

- Ну вот, теперь мы квиты, - сказал я.

Мы повернули назад и пошли по той же тропе, которая привела нас в долину, пошли назад по огромному, отливающему голубизной нагорью, ограниченному стеной вздымающихся, но теперь уже за нашими спинами гор.

Я предполагал, что Сара будет противиться возвращению, не поверив моему рассказу. Да и почему она должна была верить? Единственной гарантией было мое честное слово, и оставалось только гадать, насколько оно для нее весомо. Ведь она не видела того, что открылось мне. И для нее долина продолжала оставаться изумительным райским уголком, наполненным музыкой сбегающего с гор бурного потока и залитым ослепительно ярким солнечным светом. И если она решится возвратиться в долину, все это предстанет перед ее глазами в прежнем волшебном обличье.

У нас не было никакого плана. Наш поход не имел конкретной цели. Разумеется, стремление достигнуть пустыни, которую мы пересекли на пути сюда, не могло считаться целью. Равно не привлекала нас и перспектива снова очутиться в белом городе.

В эту ночь, сидя вокруг костра, мы попытались определить наши перспективы.

Похоже, у нас не было надежды пробраться в корабль, запечатанный на космодроме в центре города. По крайней мере, две дюжины других кораблей находились в подобном состоянии, и за те годы, что они стояли на космодроме, прилетевшие на них существа, несомненно, прилагали все силы, чтобы проникнуть в них, но было ясно, что сделать это никому не удалось.

И потом, что же случилось с разумными существами, прилетевшими в этих кораблях? Мы уже знали, что произошло с людьми, чьи кости мы обнаружили в ущелье. Можно было предположить, что и кентавры являются деградировавшими потомками пришельцев с другой планеты, прибывших сюда столетия назад. Эта планета была достаточно велика, ее пригодная для проживания площадь значительно превышала земную, так что места для расселения целых орд заблудившихся путешественников вполне хватало.

- Кстати, - заметила Сара, - некоторые из пришельцев могли поселиться в долине. Ведь Найту же удалось там обосноваться.

Я кивнул, соглашаясь. Это была последняя ловушка. Если пришелец не погибал в городе, если оставался жив по пути к долине, он становился ее пленником. Однажды очутившись в ней, он уже не хотел ее покидать. Это была идеальная западня. Хотя совсем не обязательно, что все пришедшие в долину существа стремились попасть в нее по той же причине, что и Лоуренс Арлен Найт, и искали то же самое, что он или мы.

- Ты действительно убежден, - спросила Сара, - что видел то, о чем рассказывал мне?

- Честное слово, я уж не знаю, что мне нужно сделать, чтобы заставить тебя поверить, - ответил я. - Неужели ты полагаешь, что я все это придумал? Придумал специально, чтобы испортить тебе жизнь? Или ты считаешь, что я не способен чувствовать себя счастливым? Конечно, такой отпетый скептик и

дегенерат, как я, чересчур толстокож для истинной радости...

- Да, конечно, - перебила меня Сара, - у тебя не было причин врать мне. Но почему все это видел ты один?

- Свистун тебе уже все объяснил, - устало сказал я. - Он мог заставить прозреть только одного из нас. И он остановил выбор на мне...

- Одна из частей моего существования принадлежит Майку, - сказал Свистун. - Одалживали друг другу свои жизни. Есть незримая связь. Его разум всегда со мной. Мы - почти одно целое.

- Одно, - торжественно забубнил Роско, - давно, равно, темно...

- Прекрати! - отозвался Пейнт. - Что за бессмыслица!!

- Мысль с лица, - невозмутимо ответил Роско.

- Самый умный из нас, - прогудел Свистун, - пытается нас чему-то научить.

- У него просто переплелись все извилины в мозгу, - сказал я, - вот и вся разгадка. Эти кентавры...

- Нет, Майк, - возразил Свистун, - он пытается найти с нами взаимопонимание.

Я повернулся и пристально посмотрел на Роско. Он стоял гордо и прямо, пламя костра замысловато отражалось на зеркальных гранях его металлического корпуса. Я припомнил, что еще в пустыне, когда мы упорно пытались от него чего-нибудь добиться и задавали бесчисленные вопросы, он указал нам правильный путь. Неужели он действительно что-то соображал? Найди он способ сформулировать свою мысль...

- Ты не можешь помочь? - обратился я к Свистуну. - Заглянуть в его металлическую душу и выведать, что он хочет сказать?

- Это выше моих сил, - вздохнул Свистун.

- Неужели до тебя не доходит, - раздраженно сказала мне Сара, - что все наши попытки найти выход из этого тупика обречены на провал? Мы не можем возвратиться на Землю. Мы останемся на этой планете навсегда.

- Есть одно средство, - заявил я.

- Я знаю, что ты имеешь в виду, - сказала Сара. - Другие миры. Вроде мира сплошных песчаных дюн и барханов. И ты думаешь, что таких миров сотни...

- И не исключено, что один из них нам подойдет.

Она покачала головой.

- Ты недооцениваешь существ, построивших город и посадивших деревья. Они знали, что делали. Каждый из этих миров будет таким же изолированным, как здешний. Все они были задуманы с определенной целью...

- Тебе никогда не приходило в голову, - ответил я, - что один из этих миров - родина тех парней, что построили город?

- Нет, не приходило, - сказала она. - Но что это меняет? Они просто раздавят тебя, как букашку.

- Тогда что же нам делать?

- Я могу возвратиться в долину, - сказала Сара. - Ведь я не видела того, что открылось тебе. Могу и не увидеть.

- Прекрасно! - воскликнул я. - Там ты будешь жить так, как мечтала.

- А собственно, какая разница? - заметила Сара. - Чем иллюзорная реальность лучше реальной иллюзии? Как, например, ты можешь доказать реальность происходящего с нами?

Конечно, на ее каверзный вопрос был такой же каверзный ответ. Еще никем не был придуман способ, чтобы доказать реальность самой реальности. Лоуренс Арлен Найт добровольно принял вымышленную жизнь, смирился с нереальностью долины, конструируя в своем воображении идеальное бытие и приближая его к реальности в меру своих сил и способностей. Но Найту было легко пойти на это, также, вероятно, как и другим обитателям долины, близким ему по складу ума, поскольку всем им было решительно все равно, в реальном или вымышленном мире они живут.

Я размышлял, какие фантастические побуждения, должно быть, приписал нам Найт, чтобы объяснить себе причины нашего стремительного бегства. Естественно, он старался придать нашему поступку такой смысл, который ни на йоту не возмутил бы его спокойствия, не внес бы ни малейшего диссонанса в гармонию его вымышленной жизни.

- Ну, ладно, Бог с тобой, - промолвил я, смирившись с бесполезностью своих доводов. - Но я не смогу вернуться.

Мы сидели молча у костра, высказав все, что думали, исчерпав все аргументы. Ее нельзя было переспорить. Оставалось надеяться, что утром здравый смысл возьмет верх, и мы найдем общий язык.

- Майк, - внезапно позвала она.

- Да, что такое?

- Если бы мы остались на Земле, наверное, у нас все вышло бы хорошо. Мы очень подходим друг другу. Мы смогли бы поладить.

Я жестко посмотрел на нее. На ее лице играли блики огня, и его выражение показалось мне неожиданно мягким.

- Забудь о том, что сказала, - грубо отрубил я. - Я установил для себя правило: никогда не заводить шашни с нанимателем.

Я ожидал, что она вскипит, но этого не произошло. Она проглотила мои слова, не моргнув глазом.

- Ты же ведь понимаешь, что я имела в виду совсем другое, - сказала она. - Ты знаешь, о чем я говорила. Все испортила эта проклятая экспедиция. Мы слишком много узнали друг о друге, слишком

многое, чтобы не возненавидеть. Ты уж прости меня, Майк.

- А ты меня, - ответил я.

Утром она ушла.

Я накинулся на Свистуна.

- Ты ведь не спал! Ты видел, как она уходила. Ты мог разбудить меня!

- Зачем? - спросил он. - Какой смысл? Все равно бы не остановил.

- Я бы выколотил эту дурь из ее упрямой головы, - негодовал я.

- Нет, - настаивал Свистун. - Шла за своей судьбой. Ничья судьба не может стать судьбой другого. У Джорджа - своя судьба. У Тэкка - своя. У Сары тоже своя судьба. Моя судьба принадлежит только мне.

- К черту судьбу! - заорал я. - Посмотри, до чего она их всех довела. Джордж и Тэкк испарились, а теперь вот Сара. Я должен пойти и вытащить ее оттуда...

- Не надо вытаскивать, - протрубил Свистун, распухая от негодования. - Нельзя этого делать. Решила сама. Сказала мне, что уходит. Взяла с собой Пэйнта, чтобы доехать до места, а потом отошлет его обратно. Оставила винтовку и боеприпасы. Сказала, что они могут нам пригодиться. Потом объяснила, что у нее не хватит духу проститься с тобой. Плакала, когда уходила.

- Все, хватит, я иду за ней. А ты будешь ждать здесь.

- Мой друг, - сказал Свистун. - Мой друг, честное слово, очень сочувствую тебе, но уже слишком поздно и ждать больше нельзя.

- Перестань нести околесицу. О чем ты говоришь?

- Должен уйти от тебя сейчас, - сказал Свистун. - Больше не могу оставаться. Слишком долго был в своей второй сущности и должен переходить в третье состояние.

- Послушай, - сказал я, - ты ведь без устали говоришь о своих многочисленных сущностях еще со времени нашей первой встречи.

- Должен пройти три фазы, - торжественно заявил Свистун, - сначала первую, потом вторую, а затем третью.

- Постой-ка, вот оно что, - догадался я, - ты трансформируешься, как бабочка. От гусеницы к кокону, а затем уже превращаешься в бабочку...

- Ничего не знаю ни о каких бабочках.

- Но за свою жизнь ты ведь успеваешь побывать в трех состояниях?

- Вторая стадия должна была продолжаться несколько дольше, - с грустью промолвил Свистун, - если бы не пришлось на время перейти в третью сущность, чтобы ты мог разглядеть этого вашего Лоуренса Найта.

- Свистун, - сказал я, - мне очень жаль.

- Не стоит огорчаться, - ответил Свистун. - Третья сущность прекрасна. Великое счастье предвкушать ее наступление.

- Ну ладно, черт с тобой, - сказал я, - если так надо, то переходи в свое третье состояние. Я не обижаюсь.

- Мое третье „я" - за пределами этого мира, - прогудел Свистун. - Это не здесь. Это - во вне. Не знаю, как объяснить. Очень грустно, Майк. Жалко себя, жалко тебя. Очень жаль, что мы расстаемся. Ты дал мне свою жизнь, я дал тебе свою жизнь. Мы прошли вместе по трудному пути. Нам не нужно было слов, чтобы разговаривать. Охотно бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно.

Я сделал шаг вперед и встал на колени. Мои руки потянулись к нему, а его короткие щупальца обвили их и сомкнулись в крепком пожатии. И в тот момент, когда мои руки и его конечности сомкнулись, я почувствовал, что такое друг. На какой-то момент я словно погрузился в бездну его существа, а в моем сознании замелькали мириады его мыслей, воспоминаний, надежд, зазвенели мелодии его мечтаний, открылись тайны его души, цель его жизни (хотя я не уверен, что действительно ее уловил), передо мной раскрылась невероятная, потрясающая и почти неподдающаяся постижению структура общества, в котором он жил, проявилась затейливая радужная гамма его фантастических нравов. В мой разум ворвался стремительный поток, наводнивший сознание бурлящим морем информации, чувств, ярости, счастья и восторга.

Все это длилось лишь один миг, и вдруг все пропало - и крепкое рукопожатие, и сам Свистун. А я продолжал стоять на коленях с протянутыми вперед руками. Голову болезненно сжимало ледяным обручем, и я почувствовал, как по лбу скатилась капля холодного пота: никогда, сколько я себя помню, не был я так близок к небытию, но все же остался по эту черту реальности и сохранил человеческий облик. Я чувствовал свое существование каждой клеточкой тела, гораздо острее и глубже, чем когда-либо раньше, впервые отчетливо осознавал свою неповторимую человеческую сущность. Но теперь я почему-то не мог вспомнить, где я был и что видел, так как за короткий миг этого духовного сеанса связи я сумел побывать в неисчислимом количестве мест, не успев задержать в памяти хоть одно из них, не успев осмыслить то, что стало доступным моим органам чувств. В этот миг я как-будто воспарил над неизведанным миром, а мой разум выполнял роль наблюдателя, мгновенно впитав в себя новые, доселе недоступные впечатления, которые был не в состоянии осознать.

А теперь перед моими глазами вновь была небесная голубизна и фигура сумасшедшего робота, застывшего по стойке смирно возле потухшего костра.

Я с трудом встал на ноги и огляделся, пытаясь восстановить в памяти картины и явления, только что

заполнявшие мое сознание, но тщетно: все открывшееся мне, вплоть до самой ничтожной детали, было начисто стерто возвратившейся реальностью, вытеснено моим человеческим я. Так приливная волна вмиг слизывает замысловатый рисунок на песке. Но я сознавал, что открывшееся мне не ушло, я ощущал его присутствие под плотным покровом вернувшегося ко мне человеческого сознания.

Я склонился над костром, присев на корточки. Разворошив золу палкой, я, наконец, добрался до тлеющих в глубине углей. Аккуратно положив на них сухие щепки, я дождался, когда над костром снова, вздрагивая на ветру, затруилась бледная лента дыма и на дровах заплясал веселый язычок пламени.

Сжавшись в комок, я молча сидел, глядел на огонь и подбрасывал в костер щепки, медленно возвращая его к жизни. В моих силах вернуть жизнь костру, подумал я, но в остальном я бессилен. Прошедшая ночь унесла с собой всех моих спутников, оставив мне только безумного робота. Из пяти разумных существ – четырех людей и одного инопланетянина – остался один, им оказался я. Джордж и Тэкк сгинули, и я о них не плакал, они просто не заслуживали ни единой слезы. Свистун ушел, и тут в худшем положении оказался я, поскольку он принял более совершенную форму, перешел на высший уровень своего развития. Единственная родственная душа, по-настоящему близкая мне, Сара, – ну что ж, ведь и она, подобно Свистуну, ушла в свой мир, о котором всегда мечтала.

Особенно убивала меня догадка, что Джордж и Тэкк тоже, вероятно, нашли то, что искали. Для всех нашлось место – для всех, кроме меня.

Но что же все-таки будет с Сарой, спрашивал я себя. Конечно, можно пойти в долину и выгнать ее оттуда пинками. Или можно переждать, пока она одумается, обретет чувство реальности и вернется сама (что, по моему убеждению, было совершенно невозможно, так как добровольно она никогда не вернется). Или можно, не мудрствуя лукаво, послать все к черту и пойти в город.

Споря сам с собой, я пытался убедить себя, что, избрав последний вариант, я поступаю правильно и не буду впоследствии испытывать угрызений совести. Конечно, я мог плюнуть на все и снять с себя всякую ответственность. Ведь я выполнил все условия контракта. И, что говорить, результат оказался гораздо более впечатляющим, чем я мог представить. В конечном итоге вся наша авантюра не стала погоней за мифической жар-птицей: Лоуренс Арлен Найт оказался реальным живым человеком, а не призраком; реальным оказался и изображенный в его романах галактический рай. Все были правы – неправ был только я один. Я ошибался, и, вероятно, поэтому мне и приходится теперь сидеть у разбитого корыта, в одиночестве, не зная, куда податься и что искать.

Послышалось звяканье металла, и, подняв голову, я с удивлением обнаружил, что Роско пристраивается поближе ко мне, словно желая разделить мое одиночество и составить мне компанию, заменив ушедших товарищей.

Устроившись поудобнее рядом с костром, Роско вытянул руку и тщательно выровнял ладонью на земле небольшую площадку. Я завороженно наблюдал за ним, гадая, какой фортель он выкинет на этот раз. Задавать вопросы было бессмысленно: разравнивая землю, Роско продолжал нашептывать себе под нос несвязную тарабарщину.

Указательным пальцем он осторожно прочертил в пыли угловатую линию, а затем добавил к ней несколько непонятных значков. Приглядевшись, я стал понимать, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу – ее смысл я не улавливал, но некоторые символы мне оказались знакомы.

Наконец, я не вытерпел и заорал на него: "Черт возьми, что это значит?"

- Это, – отозвался он, – лето, где-то, вето, нетто, спето.

И снова начал выводить знаки в пыли. Писал он уверенно, не испытывая даже секундного замешательства, будто достоверно знал, что он делает и какой смысл несут эти формулы. Он полностью заполнил знаками участок, тщательно стер написанное, и снова продолжал писать с тем же усердием.

Затаив дыхание, я следил за его движениями, сетуя, что не могу понять, что он хочет мне объяснить. Все же, несмотря на кажущуюся комичность его поведения, я догадывался, что за его усилиями стоит нечто действительно важное.

И вдруг он застыл, его палец уткнулся в песок, больше не выводя знаков.

- Пэйнт, – промолвил он.

Я ожидал услышать привычный набор соответствующих рифм, но, к моему удивлению, его не последовало.

- Пэйнт, – повторил Роско.

Я вскочил на ноги, и Роско, поднявшись, встал рядом со мной. Пэйнт резво сбегал вниз по тропе, выделывая на ходу грациозные па. Он был один, без Сары.

Покачиваясь на полозьях, он остановился перед нами.

- Сэр, – заявил Пэйнт, – докладываю о возвращении и готовности к исполнению новых приказов. Хозяйка велела мне поторопиться. Она прощается с вами и передает, что молит Господа хранить и оберегать вас. Смысл сего высказывания не доступен моему скудному уму. Она также сказала, что надеется на ваше благополучное возвращение на Землю. Простите за глупый вопрос, сэр, но мне не понятно, что такое Земля.

- Земля – это наша родная планета, моя и Сары, – ответил я.

- Прошу Вас, досточтимый сэр, не окажете ли вы мне честь взять с собой на Землю меня.

Я недоуменно покачал головой.

- Что тебе нужно на Земле?

- Мне нужны вы, сэр, – торжественно заявил Пэйнт. – Мне нужен человек, способный на сострада-

ние. Вы не бросили меня в минуту опасности. Вы пришли, не поддавшись испугу. Вы оказались настолько любезны, что вызволили меня из досадной и позорной западни, в которой я оказался. Теперь ничто не заставит меня добровольно расстаться с Вами.

- Спасибо за лестную оценку, Пэйнт, – поблагодарил я.

- Тогда, если позволите, я буду сопровождать вас.

- Нет, этого я позволить не могу... У меня для тебя другие планы.

- Я с готовностью выполню любые ваши пожелания, чтобы отблагодарить за мое спасение, но, добрый Человек, мне так хочется быть с вами!

- Ты должен вернуться назад, – твердо сказал я, – и дождаться Сару.

- Но ведь она ясно сказала: прощайте!

- Ты будешь ее ждать, – отрезал я. – Я не хочу, чтобы она вернулась из долины и не нашла никого, кто мог бы помочь ей на пути назад.

- Неужели вы думаете, что она вернется?

- Не знаю.

- Но я все равно должен ее ждать?

- Совершенно верно, – сказал я.

- Если Вам, добрейшему из живых существ, – уныло сказал Пэйнт, – так хочется, чтобы она вернулась, почему бы Вам не пойти в долину и не попробовать ее уговорить...

- Да не могу я этого сделать, – взорвался я. – Какой бы дурой она ни была, она тоже должна воспользоваться своим шансом. Как Джордж и Тэкк.

Я сам был удивлен тем, что сказал. Нужно было принять решение. И вот, наконец, оно пришло – без размышлений, без колебаний – это был выход, продиктованный не логикой, а наитием. Словно не я, а кто-то другой наперекор моей воле принял это решение за меня. Может быть, это сделал Свистун. Подумав о нем, я сразу вспомнил его настойчивые уговоры не вмешиваться, не ходить в долину, чтобы вызволить Сару. Обескураженный, я размышлял: сколько же себя оставил во мне Свистун перед исчезновением...

- В таком случае я возвращаюсь, – вздохнул Пэйнт, – преисполненный грусти, но покорный.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но я остановил его. Взяв винтовку и боекомплект, я снова привязал их к седлу.

- Оружие она оставила вам, – запротестовал Пэйнт. – Ей оно не нужно.

- Если надумает вернуться, оружие ей пригодится, – ответил я.

- Она никогда не вернется, – объявил Пейнт. – И вы знаете, что она не вернется. Ее глаза так сверкали, когда она проходила через ворота.

Мне нечего было ему сказать. Я молча стоял и наблюдал, как он развернулся и медленно зарысил по тропе, надеясь, видимо, что я вдруг передумаю.

Но я не передумал.

Этим вечером, устроившись у костра, я вскрыл шкатулку, которую прихватил со стола в халупе Найта.

Я шел весь день, и каждый мой шаг сопровождало неприятное ощущение постороннего присутствия, причем этот некто уговаривал меня повернуть назад, и его беззвучный зов был так настойчив, что я ни на минуту не усомнился в реальности его существования. В постоянном противоборстве с этой силой я старался понять, кто же за ней стоит (у меня не было и тени сомнения, что это был именно кто-то, а не что-то). Может быть, это была Сара – чувство, что я должен что-то для нее сделать по-прежнему не оставляло меня, хотя максимум, чем я мог ей помочь – это попытаться дождаться ее возвращения. Или, может быть, это были проделки Свистуна: возможно, что-то скрывалось в глубинах моего разума, встроенное туда Свистуном, и те несколько мимолетных мгновений нашего последнего контакта заставляли меня, как марионетку в кукольном театре, подчиняться чьей-то посторонней воле? Или, может быть, все дело в Пэйнте? Ведь я сыграл с ним злую шутку, поставив задачу, которую не мог, точнее, не хотел выполнить сам. Наверное, думал я, нужно вернуться и сказать ему, что я освобождаю его от ответственности, которую на него возложил. Я старался избавиться от неприятных мыслей, связанных с Пэйнтом, но у меня постоянно возникала перед глазами картина, где Пэйнт по прошествии тысячи (или даже миллиона) лет, если, конечно, он был способен столько прожить, все еще стоит, как стойкий оловянный солдатик, на страже перед фасадом классического дворца, терпеливо ожидая того, чему уже никогда не суждено произойти; стоит непреклонно верный слову, данному столетия назад, послушный приказу, неосторожно сорвавшемуся с губ жестокого человека, который сам уже давно превратился в прах.

Угнетенный этими размышлениями, я плелся вниз по тропе. Если посмотреть на нас со стороны, то, вероятно, мы с Роско представляли довольно чудную пару: идущий впереди человек с мечом на поясе и щитом в руках и покорно следующий за ним увешанный поклажей и что-то бормочущий себе под нос робот.

Расположившись на ночлег и роясь в рюкзаке в поисках еды, я и наткнулся на шкатулку, взятую со стола Найта. Я отложил ее в сторону, чтобы разобраться с ее содержимым после ужина.

После ужина я поднял шкатулку Найта и открыл ее. Там лежала толстая несшитая рукопись. Взяв первый лист, я повернул его так, чтобы свет костра падал на текст, и прочитал:

"Голубизна и высота. Чистота. Застывшая голубизна. Шум воды. Звезды над головой. Обнаженная земля. Раздающийся с высоты смех и грусть. Грустный смех. Наши действия лишены мудрости. Мысли лишены твердости..."

Буквы были похожи на маленьких танцующих уродцев. Я с трудом разбирал слова:

"... и объема. Нет ни начала, ни конца. Вечность и бесконечность. Голубая вечность. Погоня за несуществующим. Несуществующее – это пустота. Голая пустота. Разговор – ничто. Дела – пустота. Где найти нечто – пустое? Нигде, таков ответ. Высокий, голубой и пустой".

Это был бессмысленный набор слов, тарабарщина, почище бреда Роско. Я извлек страницу из середины: в верхнем углу значился номер "52". А дальше шло:

"...далеко – не близко. Дали глубоки. Не коротки, не длинны, но глубоки. Некоторые бездонны. И не могут быть измерены. Нет средства их измерить. Пурпурные дали глубже всех. Никто не идет в пурпурную даль. Пурпур – это путь в никуда".

Я положил листы обратно в шкатулку и закрыл крышку. Сумасшествие, думал я, жить жизнью наивного безумца в заколдованной древнегреческой долине. И бедная Сара отправилась тем же путем. Ничего не подозревая, ни о чем не догадываясь.

Я едва удержался от яростного крика.

Найт чувствовал себя счастливым, когда писал эту ерунду. Его это совершенно не волновала ценность его "творений". Он замкнулся в скорлупе выдуманного счастья, как червячок тутового шелкопряда в своем коконе, скованный паутиной заблуждений, считая, что достиг цели своей жизни. Самодовольный слепец, не подозревающий, что и цель может оказаться иллюзией.

Если бы Свистун был сейчас со мной!.. Впрочем, я и так знал, что бы он сказал. "Не должен вмешиваться, – наверное, прогудел бы он, – не должен встревать". Свистун говорил о судьбе. А что такое судьба? Записана ли она в генетическом коде человека или на звездах? Указано ли на ее невидимых скрижалях, как должен поступать человек, что он будет желать, что он будет делать, чтобы найти самую заветную свою мечту?

Все мои спутники уже достигли своего неясного и непостижимого миража, манившего их издалека. Возможно, им это удалось, потому что каждый из них знал или догадывался, что нужно искать. А я? Что искал я? Я попытался представить, чего я хочу... и не сумел.

Утром мы нашли куклу Тэкка – на том же месте, недалеко от тропы, где она и была брошена. До этого дня у меня не было возможности как следует рассмотреть ее. Теперь у меня хватало времени, чтобы разглядеть куклу во всех деталях, испытать на себе завораживающее влияние странного выражения грусти, запечатленного на ее грубом лице. Одно из двух, думал я: либо тот, кто вырезал куклу, был невежественным дикарем, случайно ухитрившимся придать ее лицу выражение грусти, либо искуснейшим мастером, способным несколькими скупыми штрихами передать дереву отчаяние и терзания разумного существа, стоящего лицом к лицу с тайнами вселенной и дерзнувшего разгадать их.

Это было не совсем человеческое лицо, но достаточно близкое к человеческому. Его можно было даже отнести к земной расе. Это было лицо человека, искаженное потрясением, вызванным грандиозной истиной, – и, очевидно, истиной, познанной не в результате целенаправленного поиска, а словно внезапно обрушившейся на него. Рассмотрев куклу, я хотел было отбросить ее в сторону, но неожиданно обнаружил, что не могу этого сделать. Она словно пустила в меня корни и не отпускала. Кукла как будто нашла во мне убежище и, заняв его, уже не хотела покидать. Я стоял, сжимая ее в кулаке, и пытался отшвырнуть от себя, но мои пальцы не могли разомкнуться.

Мне пришло в голову, что нечто подобное произошло и с Тэкком; единственное отличие состояло в том, что он добровольно подчинился ее власти. Мадонной назвала ее Сара: может быть, она была права, хотя я так не считал.

Теперь я пошел по тропе, подобно Тэкку, прижимая к себе этого проклятого деревянного идола и укоряя себя, но не столько за то, что у меня не хватает сил избавиться от куклы, сколько за то, что я поневоле становлюсь похожим на монаха, – человека, которого я органически не выносил и глубоко презирал.

...По прошествии нескольких дней, скорее от скуки, нежели из любопытства, я снова открыл шкатулку и извлек рукопись Найта. Мне стоило большого труда разобрать и расшифровать его каракули. Я вникал в ее содержание, как в забытом Богом монастыре дотошный историк копается в пыльных манускриптах, исследуя дюйм за дюймом пергаментный свиток, и доискивается, как мне представлялось, не столько до какой-нибудь сенсационной тайны, сколько старается понять человека, исписавшего такую груду бумаги, проследить маршрут блужданий человеческого духа на пути к истине, скрывающейся где-то в глубинах подсознания.

Но лишь на десятый вечер, когда мы были уже в двух переходах от пустыни, я, наконец, наткнулся на отрывок, показавшийся мне не лишенным смысла:

"... А эти ищут голубого и багрового знания. Они ищут его по всей вселенной. Они ловят все, что может быть известно или придумано. Не только голубое и багровое, но весь спектр знаний. Они ставят ловушки на одиноких планетах, затерянных в бездне пространства и времени. В синеве времени. Знания ловятся деревьями, и, пойманные, они складируются и хранятся до сбора золотого урожая. Огромные сады могучих дере-

вьев пронзают синеву, на мили погружаясь в нее, пропитываясь мыслями и знаниями. Так иные планеты впитывают золото солнечного света. Эти знания – их плоды. Плоды многообразны. Они круглы и продолговаты, тверды и мягки. Они и голубы, и золотисты, и багряны. Иногда красны. Они созревают и падают. И их собирают. Потому что урожай – это время сбора, а созревание – время роста. И голубое, и золотистое..."

Здесь Найт снова впал в бессвязный бред, который, как и во всей рукописи, преимущественно выражался в бесконечном перечислении оттенков цвета, разновидностей форм и размеров.

Я отложил рукопись и присел у костра, лихорадочно обдумывая, какой же смысл скрывается за содержанием этого отрывка. Был ли он случайным порождением больного воображения, также, как и весь текст в целом? Или представлял собой плод временного озарения, во время которого Найт успел изложить важный факт, затуманенный пеленой его воображения. А, может быть, Найт вовсе и не был таким сумасшедшим, каким казался, и вся эта рукописная галиматья была не более чем искусным камуфляжем, за которым скрывалось тайное послание, предназначенное для того, в чьих руках волею судьбы окажется рукопись?

Но если в отрывке действительно содержалось замаскированное послание, тут же возникал вопрос: как Найту удалось об этом узнать? Были ли в городе какие-то записи, из которых он почерпнул сведения, проливающие свет на историю планеты? Или он говорил с кем-то, кто объяснил ему, для чего планета превращена в гигантский сад? А, может быть, правду удалось раскопать Роско? Ведь Роско, помимо всего прочего, был еще и роботом-телепатом. Но честно говоря, вряд ли кто-нибудь сейчас разглядел в нем феноменальные способности. Роско пристроился рядом со мной и по-прежнему вычерчивал пальцем на расчищенном пятачке земли какие-то символы, бормоча себе под нос.

На следующее утро мы возобновили поход.

Шли быстро. Мы пересекли поле, где я дрался с кентавром, и двинулись дальше, не делая привалов, к ущелью, в котором мы нашли Старину Пэйнта.

Я часто воображал, что покинувшие нас попутчики все еще с нами. Нас сопровождали их тени. Вот она – кавалькада призраков: Сара верхом на Старине Пэйнте; Тэкк, закутанный в коричневую сутану, ковыляет, поддерживая под руку спотыкающегося и трясущегося Джорджа Смита; Свистун, наш вечный дозорный, рыщущий далеко впереди. Иногда я что-то кричу ему, позабыв, что он ушел слишком далеко и не сможет меня услышать. Иногда, поддаваясь игре воображения, я действительно начинал верить, что они с нами, и лишь очнувшись, обнаруживал, что рядом никого нет, кроме безумного робота.

Кукла Тэкка уже больше не прилипала к руке. Так что при желании я мог бы от нее легко отделаться, но все же нес ее с собой. Я не знал, зачем это делаю, – просто так было нужно. Вечерами я подолгу рассматривал ее, иногда с отвращением, иногда подпадая под ее очарование, но с каждым днем моя антипатия к ней все более ослабевала, а притягательная сила ее обаяния брала верх. И я продолжал проводить вечера, глядя в лицо куклы с надеждой, что в один прекрасный день смогу постичь мудрость, заключенную в ней.

Временами я вновь обращался к рукописи. Текст был все таким же бессвязаным, и только в самом конце встретилась фраза:

"...Деревья – это вершины. Деревья достигают высот. Вечно неудовлетворенные, всегда ненасытные. Все, что я пишу о деревьях и пойманном знании, – истинно. Их вершины туманны. Голубой туман..."

ВСЕ, ЧТО Я ПИШУ О ДЕРЕВЬЯХ И ПОЙМАННОМ ЗНАНИИ, – ИСТИННО...

Больше я в рукописи ничего не нашел.

А вскоре мы увидели на горизонте город, уходящий в небеса белоснежными башнями домов.

Я вдруг почувствовал, как Роско схватил меня за плечо. Я повернулся в ту сторону, куда он указывал рукой. С севера, со стороны гор, на нас двигались чудовища, легион отвратительных тварей. Их ни с кем нельзя было спутать: это могли быть только те существа, чьи скелеты и кости перегора-живали проклятое ущелье, где был найден Старина Пэйнт. Теперь они предстали во плоти – массивные животные, быстро передвигавшиеся на задних лапах, с вытянутыми назад хвостами, помогавшими им сохранять равновесие на бегу. У них были могучие тела, гигантские головы. Передние лапы с острыми сверкающими на солнце когтями они держали на весу. Они разевали пасти, и даже на большом расстоянии был хорошо виден хищный оскал.

Я что было сил припустил по тропинке, ведущей к городу. Щит мешал мне, и я его бросил. Болтающийся в ножнах меч бил меня по коленкам, и я, пытаясь на бегу развязать ремень, споткнулся и кубарем покатился с пригорка, как оторвавшееся от телеги колесо. Прежде чем я успел остановиться, сильная рука схватила меня за ремень, к которому были подвешены ножны, и приподняла вверх – я повис в воздухе. В таком подвешенном состоянии меня крутило то по часовой стрелке, то против, а мимо носа пролетали комья земли, летевшие из-под ног бегущего Роско, которые мелькали, как велосипедные спицы.

Боже милосердный, как он, оказывается, умел бегать!

Вдруг перед моими глазами зарябила мощеная дорога, и Роско, наконец, поставил меня на ноги. Голова кружилась, земля ходила ходуном, но я понял, что мы уже на узкой городской улице, зажатой с двух сторон выскоими стенами белых домов.

Позади слышались злобное рычание и яростный скрежет когтей по камню. Обернувшись, я увидел, как преследовавшие нас чудовища пытаются протиснуться в узкую щель между домами. Все их усилия, к счастью, не принесли результата. Мы были в безопасности. И я, наконец, получил ответ на давно волновавший меня вопрос: почему в громадном городе такие узкие улицы.

Призрачные силуэты кораблей все также виднелись на белом поле посадочной площадки космодрома. Величественные белоснежные утесы городских домов окаймляли ее, как края гигантской чаши. Площадка сияла стерильной чистотой. Кругом стояла мертвая тишина. Ни единого движения, ни малейшего дуновения ветерка.

Повешенное на привязанной к стропиле веревке сморщенное тело гнома расслабленно свисало из-под потолка кладовой. И в кладовой все было по-прежнему: те же горы поставленных друг на друга ящиков, коробок, тюков и узлов. Лошадок нигде не было видно.

В большой комнате, в которую надо было подниматься с улицы по пандусу, экраны тоже находились на своих местах, в каждый был вмонтирован наборный диск.

Солнце уже прошло зенит, и правая сторона улицы тонула в глубокой тени. Но, повернув голову, я увидел, что солнечный свет все еще освещал верхние этажи домов на противоположной стороне.

Покинутый город... Почему из него ушли? Что заставило обитателей покинуть его? Возможно, они выполнили свою задачу, и теперь им незачем было оставаться? Их ждали другие планеты, другие цели, а, может быть, и там они занимались тем же, что и здесь. Не исключено, что единственной их задачей на этой планете было вырастить сад – пока деревья не наберут достаточно сил, чтобы существовать самостоятельно и не нуждаться в садовнике. А еще нужно было построить подземные склады для хранения семян, вывести маленьких грызунов, занимающихся сбором. Да, работа была большая...

Но эти колоссальные затраты времени и сил стоили того – если верить рукописи Найта. Каждое дерево служило своеобразным приемным центром, собиравшим информацию с помощью таких средств, которые человечеству пока неизвестны.

Деревья выполняли роль фильтров, пропускающих через себя рассеянное по всей галактике информационное излучение. Миллионы приемников беспрерывно просеивали информационные волны, анализировали, собирали, а затем отправляли "в архив". А через определенные промежутки времени появлялись "садовники" и получали чистое знание, добывая их из семян, где информация хранилась в сложных цепях ДНК-РНК.

Когда я думал об этом, меня прошибал холодный пот. В закромах и бункерах, где грызуны складировали семена, содержались поистине бесценные сокровища. Любой, кто сумел бы овладеть семенами, а затем разработать технологию выделения из них информации или раскрыть код, открывающий доступ к зашифрованным в них данным, сосредоточил бы в своих руках интеллектуальные ресурсы галактики. Тот, кому удалось бы опередить владельцев сада и снять урожай раньше них, завладел бы немыслимым сокровищем. И "садовники", предусмотрев такую опасность, приняли меры предосторожности. Гостям не возбранялось появляться здесь, ибо они тоже несли информацию, но вот покидать планету было запрещено.

Было бы любопытно узнать, как часто появлялись на планете владельцы сада. Предположим, что каждую тысячу лет в галактике накапливались знания, стоящие приобретения. А вдруг с этими "садовниками" что-нибудь случилось? И по каким-то причинам не могли прилететь на планету для сбора урожая? Или вообще отказались от задуманного ими проекта, поскольку он им просто наскучил?

От долгого сидения на корточках мои ноги начали затекать, и я вытянул руку, опершись на пол ладонью, чтобы переменить позу. И тут же я почувствовал под рукой куклу. Я не стал поднимать ее, просто нащупал ладонью ее лицо и прошелся по нему кончиками пальцев... А ведь строители города и создатели сада не были первыми жителями планеты. До их появления планета была заселена другой расой, построившей похожее на храм красное здание на окраине города и создавшей эту куклу. Сейчас мне почему-то казалось, что эта деревянная кукла несет в себе больше смысла, чем даже строительство города.

Я бросил взгляд на Роско. Он перестал чертить свои иероглифы и смирно сидел с вытянутыми вперед ногами, тупо уставившись в пустоту. У него был вид человека, впавшего в оцепенение после того, как ему внезапно открылась потрясающая истина.

Сара оказалась права. Выхода не было. Все миры вели в тупик. Я изучил каждый, неустанно переходя из одного в другой и постоянно подгоняя себя.

Пришлось порядочно повозиться, прежде чем я научился обращаться с наборным диском, открывающим путь в другие миры. Но как только я приобрел навык, то немедленно взялся за дело, ни на что не отвлекаясь. Роско не беспокоил меня, и я, в свою очередь, не обращал на него внимания. Разве что иногда замечал, что он часто отсутствует. У меня вложилось впечатление, что он бродил по городу, но времени разобраться, зачем ему это нужно, у меня не хватало.

Меня очень занимала загадка, зачем понадобились двери в другие миры? Я еще понимаю, если бы за ними открывались благоустроенные планеты, но попадать снова и снова то в дикие джунгли, то в пустыню, то на землю, залитую клокочущей лавой... Может быть, это был канализационный люк, предназначенный для непрошенных гостей? Но тогда хватило бы одного-двух миров. Зачем же такое

множество? Я по-прежнему не мог понять логику "садовников".

Побывав в десятках миров, я оказался в том же положении, что и до начала поиска. Поиски ничего не дали.

Однажды, вернувшись, я обнаружил, что Роско нет. Сгорбившись, я безвольно сидел у костра и жалел себя.

Внизу в уличной темноте мелькнула тень: черное пятно на сером фоне. Холодок страха пробежал по моей спине, но я не пошевелился. Тень продолжала двигаться, она вышла с улицы и направилась по пандусу прямо ко мне, шагая медленной неуверенной походкой, напоминавшей старческую поступь.

Это был Роско. Боже, как я был рад, что этот несчастный вернулся. Я встал, чтобы поздороваться с ним. Он остановился перед самой дверью и заговорил, осторожно произнося слова, словно боясь опять сбиться на привычную рифмованную белиберду. Медленно и старательно, делая отчетливые паузы после каждого слова, он произнес: "Пойдемте со мной".

- Роско, - сказал я, - спасибо, что ты вернулся. Что произошло?

Он стоял в сгущающихся сумерках, тупо глядя мне в глаза. Затем также медленно и осторожно, с трудом артикулируя каждое слово, выдавил из себя:

- У меня были трудности. Со мной случилась беда. Но теперь я справился и чувствую себя лучше.

Он уже говорил свободнее, но все еще с усилием. Длинные фразы давались ему нелегко. Было заметно, как он преодолевает невидимый барьер, чтобы правильно произнести фразу.

- Не волнуйся, Роско, - посоветовал я. - Не мучай себя. У тебя прекрасно получается. Не стоит переживать.

Но он не мог расслабиться. Ему очень нужно было что-то мне объяснить. Это „что-то" слишком долго бродило в его мозгу и теперь настойчиво требовало выхода.

- Капитан Росс, - сказал он. - Долгое время я боялся, что не смогу справиться. На этой планете есть то, что требует объяснения, и я никак не мог привести это к знаменателю... нагревателю, предателю, законодателю...

Я быстро подошел к нему и взял за руку.

- Ради бога, - взмолился я, - не волнуйся. У тебя вагон времени. Не надо торопиться. Я тебя спокойно выслушаю, не спеши.

- Спасибо, капитан, - произнес он с усилием, в его голосе звучала искренняя признательность, - за ваше терпение и сострадание.

- Мы прошли вдвоем длинный путь, - сказал я. - Мы можем позволить себе не торопиться. Если ты нашел ответы, я могу подождать.

Он пристально посмотрел на меня, как будто прикидывал, стоит ли метать бисер перед свиньями, а затем вдруг спросил: "Капитан, что вам известно о реальности?"

Я даже вздрогнул от неожиданности. Более дурацкого вопроса нельзя было придумать.

- Какое-то время назад, - ответил я с сомнением, - я мог поручиться, что хорошо умею отличать реальность о вымысла. Сейчас я не уверен.

- На этой планете, - заявил он, - реальность разделена на части, слои. Здесь их, как минимум, два. А, может быть, гораздо больше.

Теперь он говорил уже достаточно бегло, хотя временами начинал заикаться, с трудом выталкивая из себя слова, и тогда его речь становилась невнятной.

Нет, слова Роско не были для меня открытием. Я уже начинал понимать, что знания - не единственное богатство планеты. Не только белый город и информационные ловушки в виде деревьев были ее достоянием. На этой планете любой человек мог бесследно исчезнуть - или испариться, как Тэкк - причем, невозможно было понять, куда он девался. Переходили ли они в другую реальность, в другую жизнь, как перешел в свою третью сущность Свистун?

Здесь существовала другая, более ранняя цивилизация, другая культура, процветавшая до того, как был построен город. Эта цивилизация построила здание из красного камня, она создала деревянную куклу. Может быть, представителям этой культуры и была известна разгадка этих таинственных изчезновений?

Роско болтал что-то о многослойных реальностях - может быть, в них и следовало искать ключ к разгадке? И если все это окажется правдой, интересно, существуют ли такие многослойные реальности только на этой планете, или это явление общее для галактики?

Но, к сожалению, все это не имели никакого отношения лично ко мне. Я вспомнил, чего же мне больше всего хотелось во время нашего похода по тропе. Ведь я не искал того, что искала Сара, Тэкк или Джордж, тем более Свистун. Я мечтал об одном - поскорее убраться с этой планеты.

Может быть, все дело в моём одиночестве?

Тэкка и Джорджа уже не найти. Свистун вне досягаемости. Бессмысленно пытаться их разыскивать. Но оставалась Сара. Ее я, наверное, мог бы вытащить из долины, но имел ли на это право?

Нет, дело не в Тэкке, не в Джордже, не в Свистуне. Даже не в Саре. Я все равно не смогу решиться увести ее силой. Но есть одно существо, за которое я в ответе.

- Мы возвращаемся, - сказал я Роско.

- Возвращаемся? - переспросил Роско. - За мисс Фостер?

- Нет, - отрезал я, - за Пэйнтом.

Конечно, это была сумасшедшая мысль, Пэйнт ведь только лошадка. Если бы не мое вмешательство, он все также лежал бы вверх тормашками, зажатый между камней. И разве я давал ему какие-то обещания? Он говорил, что хочет попасть на Землю, а что он вообще знал о Земле? Он никогда не был на ней. Он даже спрашивал меня, что означает слово Земля. И все же я не мог без жалости вспоминать его медленную поступь, когда я приказал ему идти в долину и ждать Сару, а он неохотно поплелся и старался не уходить далеко, чтобы расслышать, когда я, раздумав, попрошу его вернуться. Разве можно было забыть, как он отважно нес меня в седле на битву с кентавром. Хотя, надо честно признать, что победа не принадлежала ни мне, ни ему. Мы выиграли этот поединок только благодаря Саре.

- Мне хочется, – промолвил Роско, подстраиваясь под ритм моей ходьбы, – постичь в деталях концепцию множественных реальностей. Так бы я их назвал. Я уверен, что представление о них уже оформилось в моем мозгу, только я пока не могу воссоздать целостной картины. Это что-то вроде головоломки, состоящей из множества деталей, – стоит только собрать их воедино, как перед тобой предстанет целое, простое и естественное, а ты будешь удивляться, почему не мог дойти до решения сразу.

Мне пришло в голову, что, если бы он вернулся к своему бессвязному бормотанию, было бы проще. Это все же не так действовало на нервы.

- Моя новая способность, – продолжал тем временем Роско, – приводит меня в замешательство, полагаю, что ее можно было бы назвать "восприимчивость к среде".

Я особенно не прислушивался к его словам, так как был занят своими мыслями. Больше всего меня беспокоило то, что я не был уверен, стоило ли нам вообще возвращаться в долину. Неоднократно я собирался повернуть назад, но каждый раз что-то подталкивало меня в спину.

Когда мы вышли из города, не было никаких признаков чудовищ. Мы спокойно прошли мимо дремлющего под палящими лучами солнца красного здания, лежащего на земле ствола гигантского дерева и зловонной ямы, окружавшей зубчатую башню огромного пня.

Путь казался короче, чем наше первое путешествие. Мы летели на всех парах, словно догадываясь, что наше время ограничено. Вечером Роско привычно расчистил участок земли возле костра и продолжал выводить пальцем бесконечне формулы и уравнения, что-то бормоча себе под нос, как будто страясь убедить в чем-то либо меня, либо себя самого.

И так вечер за вечером он все писал и бубнил, а я сидел рядом и, наблюдая за игрой пламени костра, старался объяснить себе, почему мы возвращаемся. Все-таки я решился признаться хотя бы себе, что не Пэйнт был причиной моего безрассудного порыва, хотя мое обязательство перед ним тоже повлияло на это решение. И все же выбор зависел не от него – Сара притягивала меня к себе через многокилометровые пространства. Я видел ее лицо в отблесках костра, за прозрачной вуалью легкого дыма; видел ее вечно непослушный локон; щеку, испачканную дорожной грязью; и главное – ее глаза, пристально изучающие меня.

Временами я извлекал куклу из кармана и разглядывал ее лицо. Возможно, этим я хотел отвлечь себя от взгляда Сары, неотступно преследовавшего меня. Или, может быть, я смотрел на жесткое лицо игрушки в безумой надежде, что эти немые губы разомкнутся и дадут ответ на мучивший меня вопрос. Меня не покидало ощущение, что кукла – необходимый и важный участник всего происходящего и в резких чертах ее лица пересекаются неуловимые нити закономерностей и противоречий.

После долгих дней пути мы, наконец, взобрались на крутой склон и увидели простирающуюся перед нами холмистую изрезанную оврагами равнину, по которой шла тропа к страшному ущелью.

Далеко от нас, почти рядом с линией, где тропа терялась в неровных складках местности, по направлению к нам двигалась какая-то точка, маленькая блестка, сверкающая на солнце. Некоторое время я удивленно наблюдал за ней, пока она не выползла на участок, где ее можно было лучше рассмотреть на фоне темной земли. Теперь все стало ясно – эту тряскую подпрыгивающую иноходь нельзя было спутать ни с чем.

Роско тихо сказал: "Это Пэйнт".

- Но Пэйнт не может вернуться один...

И вот я уже мчался вниз по склону, размахивая руками и безумно крича. Роско бежал вслед за мной.

Сара увидела нас издалека и помахала рукой в ответ. На расстоянии она была похожа на крошечную куколку с двигающимися ручками, посаженную верхом на лошадку-качалку.

Пэйнт несся к нам со скоростью ветра. Его полозья, казалось, не касались земли. Мы встретились на равнине, где Пэйнт замедлил бег. Прежде, чем я подбежал к Саре, она уже успела спрыгнуть с Пэйнта. Боже, как восхитительно она кипела от бешенства!

- Ты снова добился своего! – закричала она. – Я не смогла остаться! Ты все мне испоганил! Как я ни старалась, я не смогла забыть того, что вы со Свистуном мне наплели. Ты знал, что так все и получится! Ты все рассчитал. Ты был так уверен в себе, что даже оставил Пэйнта, чтобы он довез меня до города!

- Сара, – запротестовал я, – ради Бога, не кипятись.

- Нет, – орала она, – ты меня выслушай! Ты все испортил, ты лишил меня радости наслаждаться волшебством, ты, ты!..

Она вдруг замолчала на полуслове, и было похоже, что она вот-вот разрыдается.

- Нет, не то, – сказала она уже спокойнее, – виноват не только ты. Все мы виноваты. С этими нашими мелочными препирательствами...

Я подошел и обнял ее. Сара приникла ко мне.

- Майк, – сказала она приглушенно, уткнувшись лицом в мою грудь. – Мы не сможем отсюда выбраться. Все наши усилия ни к чему не приведут. Они нас просто не выпустят.

- Если благородный сэр соблаговолит бросить только один единственный взгляд, – вежливо вмешался Пэйнт, – ему сразу станет ясно, о чем говорит благородная леди. Они преследуют нас всю дорогу. Они, как гончие псы, идут по нашему следу. И они постепенно нас нагоняют.

Я поднял глаза: их тела перекатывались через изрезанную холмами линию горизонта. На нас надвигалась орда чудовищ.

Толкая и сшибая друг друга, они яростно мчались к нам, некоторые скатывались по склонами под напором поджимавших сзади животных. Их были сотни, а, может быть, тысячи. Они не приближались, а, скорее, наплывали, как волны, перекатываясь через вершины холмов, обтекая их с флангов.

- И сзади тоже они, – сказал Роско неожиданно тихим голосом.

Я повернул голову и увидел, как чудовища появляются на седловине хребта, через который мы только что перевалили.

- Ты ведь нашел куклу, – сказала Сара.

- Какую еще куклу? – раздраженно спросил я. В такой момент она, конечно, сумела выбрать самый важный предмет для разговора...

- Куклу Тэкка, – пояснила она. Она протянула руку и вытащила куклу из кармана моей куртки. – Ты знаешь, за все время, пока Тэкк носил ее с собой, я так ни разу и не удосужилась ее рассмотреть.

Зверей становилось все больше, их была тьма, и они приближались со всех сторон. Волны их тел вскипали на склонах холмов. Чудовища образовали сплошную бурлящую массу, а мы ютились на островке, грозящем вот-вот скрыться под волнами.

Роско встал на колени и расчистил ладонью пятачок земли.

- На черта тебе это нужно?! – завопил я.

Картина была потрясающая: мы со всех сторон окружены монстрами, и в этот момент Сара разглядывает куклу, а этот железный идиот, стоя на коленях, колдует с математическими уравнениями.

- Иногда создается впечатление, что весь окружающий мир немножко сошел с ума, – невозмутимо провозгласил Пэйнт, – но пока вы – капитан, а я на посту...

- Хоть бы ты помолчал! – рявкнул я на него.

Кругом было достаточно объектов, достойных самого пристального внимания, чтобы позволить себе отвлекаться на болтовню глупой лошадки.

Они окружали нас, и как только стая приходила в движение, волны их тел начинали колыхаться со всех сторон.

- Капитан Росс, – сказал Роско, – кажется, мне удалось найти то, что нужно.

- Ладно, оценка – отлично, – ответил я.

Сара придвинулась вплотную ко мне. Ее винтовка свисала на ремне через плечо, а в руках была дурацкая кукла, которую она прижимала к груди так же бережно, как когда-то Тэкк.

- Сара, – сказал я. И тут я произнес то, что никогда бы не сказал; выговорил с дрожью в голосе, словно подросток, впервые решившийся на признание. – Сара, если мы выберемся из этой переделки, может быть, попробуем начать все с начала? С того момента, когда я переступил порог твоего дома на Земле, а ты встретила меня в холле... на тебе тогда было зеленое платье...

- И ты влюбился в меня с первого взгляда, – сказала Сара, – а потом ты оскорблял и высмеивал меня, а я отвечала тебе тем же, и все у нас пошло кувырком...

- Мы так с тобой хорошо схватывались, – сказал я, – что будет обидно оставить наш спор незаконченным.

- Ты – хулиган, – заявила Сара, – и я тебя ненавижу. Были мгновения, когда я тебя ненавидела так, что была готова убить. Но вспоминая эти минуты, я почему-то теряю голову...

- Давай винтовку, – сказал я. – И не забудь заткнуть уши.

- Есть другой выход, – перебила меня Сара. – Его подсказал Тэкк. Этот народ изобрел куклу.

- Чушь собачья, – заорал я. – А Тэкк – просто урод и никто другой...

- Тэкк все понял, – заорала она в ответ. – Он понял, что такое кукла. А Джордж мог это и без куклы. И Свистун умел это проделывать сам.

Свистун, подумал я с грустью. С бочкообразным туловищем, семенящая маленькая многоножка, с множеством щупалец, жизнь, состоящая из трех фаз... Теперь он перешел в свое третье состояние, оставив часть себя во мне и унеся большую часть с собой... Будь он здесь, он бы знал, что делать...

Думая о нем, я почувствовал его присутствие, его отклик в моем сознании, как тогда, в мгновение нашей наибольшей близости, когда мои руки и его щупальца были сомкнуты в крепком пожатии и мы оба были как единое целое.

И вдруг это ощущение вернулось ко мне – все то, что я тогда узнал и почувствовал, а потом безуспешно пытался восстановить в памяти. Только одна моя половина осталась мною, другая была Свистуном, точнее, не только им, а всеми его соплеменниками, пришедшими вместе с ним. Они были рядом благодаря способности, привитой мне Свистуном, способности, позволявшей проникать в чужой разум и схватывать смысл его знаний, – словно на мгновение разрозненные интеллекты тысяч существ превращались в одно слитное коллективное сознание.

Мне вдруг стало доступным все: интуиция Сары, тайное предназначение куклы, велеречивая невнятица Пэйнта, смысл выведенных за земле уравнений Роско. Мне стала понятной многослойная струк-

тура скалы, которую я разглядывал; пребывая между жизнью и смертью, я постиг эту говорящую хронологию времен, повествующую о течении истории, о событиях, потрясавших когда-то эту планету.

И вдруг перед моими глазами открылось другое измерение. Я видел его так же ясно, как структуру времени, – конечно, не только своими глазами, но и глазами Свистуна, и тех, кто пришел вместе с ним. Передо мной лежало, как на ладони, множество вселенных, множество их самостоятельных уровней. Я одновременно видел, чувствовал и постигал гармонию окружающего мира.

Древние жители планеты знали об этом еще до того, как пришли "садовники"; они подсознательно чувствовали истину. Это они вырезали на лице куклы восторг, удивление и ужас, вызванный их открытием. Джордж Смит понимал это, наверное, лучше, чем остальные; Тэкк, впадая в экстаз, порожденный его воображением, подошел к истине еще задолго до того, как нашел куклу; Роско, помимо своей воли, овладел тайной после встряски, устроенной его мозгу деревянными жердинами кентавров.

Теперь понял это и я.

Кольцо звероподобных монстров сужалось, из-под их когтистых лап, взрыхляющих землю в стремительной скачке, поднимались густые облака пыли. Но они уже не могли нас испугать, они принадлежали другому миру, другому времени, другой реальности, и нам было достаточно сделать один маленький шаг – и оказаться далеко от них, в другом мире.

Не знаю, как это произошло, но я ощутил переход всем своим существом: мы сделали шаг в этот неведомый мир и очутились в нем.

Это было очень странное место, окруженное объемными пейзажами, словно вытканными на гобелене. Оно порождало чувство нереальности, но нереальности, дружественной нам. Это была страна тишины и мира, страна неподвижности. Люди, населяющие эту страну, казалось, не сказали за свою жизнь ни одного дурного слова, а лодка, застывшая на воде, никогда не плыла по реке. Все, открывшееся перед моим взором: деревня и река, травы, облака, люди и собаки, – все они были фрагментами неподвижной картины, искусно перенесенной на ткань много веков назад и не тронутой временем.

Цветные нити прочно легли на предназначенное место и замерли навсегда. Небо имело желтованый оттенок, подчеркнутый отражением в воде, невысокие дома окрашены в коричневато-красный цвет, а зелень деревьев не той привычной глазу зеленью земной растительности, а мастерски выполненным орнаментом для украшения стен. И все же картина жила предчувствием человеческой теплоты и доброжелательности, а нараставшая уверенность, что, однажды войдя в этот пейзаж, ты уже не сможешь его покинуть, органично вплетаясь в фактуру полотна, слившись с его красками, была загадочно душевна.

Мы стояли на высоком пригорке, возвышавшемся над деревней и рекой. Все были на месте. Не было только куклы: кукла осталась в покинутом нами мире, возможно, чтобы послужить кому-то другому.

- Майк, – мягко сказала Сара, – это та земля, которую мы искали. Тот мир, за которым охотился Найт. Но он не мог найти его, потому что не сумел разыскать куклу. Или он упустил еще что-то важное.

Я крепко обнял ее. Она подняла лицо, и я поцеловал ее. Глаза Сары сияли.

- Мы не будем возвращаться, – сказала она. – Мы больше не вспомним Землю.

- Мы не можем вернуться, – сказал я, – отсюда нет пути назад.

Внизу виднелась река и деревня. Поля и леса тянулись до самой линии горизонта. И почему-то мне казалось, что этот мир бесконечен, в нем нет времени – это вечная и неизменная страна, где найдется место для каждого.

Где-то здесь поселились Смит и Тэкк, возможно, Свистун, но мы, наверное, никогда не сможем разыскать их, так как не видим в этом нужды. Пространства этой страны необъятны, а потому путешествовать незачем.

Чувство нереальности происходящего исчезло, хотя сочные краски гобелена остались. Маленькие дети – парнишка и девочка – бежали к нам; радостно лаяли собаки, мчась к нам навстречу. Взрослые в деревне повернулись в нашу сторону и дружелюбно смотрели на нас. Некоторые махали нам рукой.

- Пойдем к ним, – предложила Сара.

И мы вчетвером начали спускаться с горы навстречу новой жизни.

Перевели с английского
Любовь ПАПЕРИНА,
Владимир РЫЖКОВ

Данная публикация – журнальный вариант романа Клиффорда Саймака "Destiny Doll" ("Кукла судьбы"). В полном объеме роман увидит свет в сборнике фантастики, который будет выпущен Всесоюзным молодежным книжным центром ("Юнион").

Мы неизбежно встретимся. Вопрос: где и когда?

Леонард НИКИШИН,

ученый секретарь рабочей группы "Внеземные цивилизации" научного совета АН СССР

Темой поиска внезнемных цивилизаций увлечены многие. Энтузиасты НЛО составляют довольно многочисленное общественное движение, имеют свой устав и прессу. Есть сведения, что засекреченные исследователи "тарелок" существуют в недрах КГБ и Минобороны. Но мало кто помнит, что проблемой поиска внеземных цивилизаций вот уже три десятка лет серьезно занимвются ученые, начиная с 60-х годов, когда гипотезы Иосифа Шкловского, Карла Сагана, Всеволода Троицкого, Николая Кардашева комментировались не только коллегами, но и вызывали самый широкий резонанс.

Долгое время казалось, что космические цивилизации в первую очередь должны использовать для контактов самый удобный и доступный способ – передачу информации по радиоканалу.Да, своими внушительными знаниями о грандиозной Вселенной мы обязаны совершенно ничтожному по мощности потоку электромагнитного излучения, достигающему чутких "ушей" земных телескопов. Они же были использованы для первых экспериментов по поиску разумных сигналов из космоса от некоторых ближайших звезд.

Несколько раз мир замирал, когда телескопы улавливали нечто похожее на такие сигналы. Увы, сенсации не подтверждались...

Упорное "молчание космоса" со временем резко снизило общественный интерес к проблеме. Стало ясно, что гипотезы, положенные в основу поисков, неверны; Вселенная вовсе не кишит цивилизациями, стремящимися во что бы то ни стало найти друг друга. А для уточнения этих гипотез, их развития явно не хватало базы. В наших знаниях о космосе до сих пор зияют огромные дыры.

Мы даже не знаем наверняка, есть ли у других звезд планеты. Плохо представляем, как на "подходящих" планетах может зародиться жизнь, какие формы она может принимать, как она эволюционирует к разумным формам (если, конечно, разум – закономерность развития жизни, что,в общем, тоже не очевидно). Если, скажем, "очаги разума" возникают в космосе часто, но живут относительно недолго, – по одной из теорий, несколько миллионов лет, – то в данный момент мы вполне можем быть в Галактике и одинокими. Одних уж нет, а другие еще не родились.

Словом, никакого понятия о реальном числе обитаемых миров в Галактике мы не имеем. А от этого прямым образом зависит стратегия контактов. Одно дело, если в каком-нибудь звездном скоплении насчитываются десятки разумных сообществ. Расстояния между звездами в таких скоплениях сравнительно невелики, там и в гости друг к другу слетать можно (нам, правда, от этого не легче, мы от таких скоплений неимоверно далеки). И совсем другое, когда очаги разума разделены безднами в квадриллионы миль. Потребуются огромные энергетические затраты в течение сотен тысяч и миллионов лет. И никакой надежды на ответ...

В 1974 году американский астроном, пионер поисков внеземных цивилизаций, Фрэнк Дрейк послал в космос радиосигнал с информацией о Солнце, Земле, человечестве. Огромная антенна телескопа в Пуэрто-Рико выплеснула этот сигнал в направлении шарового звездного скопления М13. Он уже ушел от Земли дальше ближайших звезд. Но пройдет еще 24 тысячи лет, прежде чем сигнал достигнет цели. Если в скоплении М13 живут разумные существа,они нам ответят. Ответ придет через 48 тысяч лет...

Вывод? Видимо, межзвездная связь, в общем, может быть лишь односторонней: получаем вести из далекого прошлого, отправляем послания в далекое будущее. Неизвестно кому, и неизвестно зачем...

Кроме того, здесь требуется перевод. Не обойтись без некоего космического "Розеттского камня". Но задача оказывается куда сложнее, чем стоявшая перед Шампольоном. Языки земных народов, все до единого – это, в общем, близнецы. Их структура отражает принципы интеллектуальной деятельности человеческого (и никакого другого) мозга. Уже первые работы по созданию искусственного интеллекта показали, что в принципе возможны "разумные" устройства, функционирующие иначе, чем мозг. По мнению советского ученого Вячеслава Вс.Иванова, достаточно сложная реальность может отражаться иным интеллектом в виде "связного текста", без членения на слова и фразы. Что же мы поймем в таком "связном тексте"? Учитывая, что это знаковые символы, присваемые образам, которые возникают внутри неведомо как устроенного интеллекта, находящегося на иной степени развития, задача выглядит безнадежной. Ведь ни спро-

сить, ни уточнить ничего нельзя.

Когда подобных соображений набралось много, стало ясно, что надежды на радиоконтакт с "братьями по разуму" вряд ли сбудутся. В докладе на Таллиннском симпозиуме "Поиск жизни во Вселенной" я предложил модель контактов, преодолевающую, как мне кажется, эти трудности. Но она требует существования когда-то возникшей, а ныне развитой системы галактической связи, своего рода "Великого кольца", описанного И.Ефремовым в "Туманности Андромеды".

В свое время была высказана идея о "космическом зонде". Предположим, развитая цивилизация посылает некое "разумное" устройство, продукт сверхвысокой технологии, в окрестности другой звезды. Через сколько-то там тысяч (или миллионов) лет зонд придет к цели и начнет подавать призывные сигналы. Если их уловит существующая поблизости цивилизация, начнется двусторонний контакт, диалог. И энергетики немыслимой не надо. Поиски такого зонда были проведены в Солнечной системе, однако успеха не имели. Американский физик Фрэнк Типлер пошел еще дальше. Он высказал предположение, что достаточно высокоразвитая цивилизация может "снести" не простое яичко, а золотое - "разумный" зонд, самовоспроизводящийся из подручных материалов на иных планетах. Достаточно построить и отправить в космос один "экземпляр", и через какие-нибудь 30 миллионов лет его отдаленные "потомки" обшарят всю Галактику. Типлер, кстати, делает радикальный вывод о нашем одиночестве в Галактике именно потому, что на Земле подобных зондов мы не видим. Многочисленные загадочные случаи наблюдений НЛО он во внимание не принимает.

Да, зондов Типлера мы действительно не видим. Да и почему мы должны их видеть? Это всего лишь порождение человеческого ума. Зато мы можем наблюдать что-то другое, в наши привычные представления не укладывающееся. Что, например, мы можем понять в технологии, ушедшей по сравнению с нашей вперед на миллионы лет? И слово-то это употребляется за неимением лучшего, это ведь не болты и шестеренки, и даже не транзисторы. Скорее, какая-нибудь нанотехнология...

Впрочем, масштабы деятельности сверхцивилизаций могут быть такими, что она окажется заметной и на звездных расстояниях. И.Шкловский в свое время предложил пристальнее всмотреться в небо, чтобы обнаружить "космическое чудо" - любой феномен, который никак не может быть объяснен естественными причинами. Но природа хитрее, чем мы думали, - вот, скажем, обнаружили удивительный источник излучения SS-433, который и удаляется от нас и одновременно приближается. Казалось бы, это и есть искомое "чудо". И все же удивительное явление удалось объяснить естественными причинами.

Молодой украинский астрофизик А.Архипов принял близко к сердцу гипотезу В.Троицкого о том, что сверхцивилизации, скорее всего, стараются разместить свое грандиозное производство подальше от "зоны жизни", на границах звездных систем. Когда-нибудь и промышленность земной цивилизации будет вынесена в район Плутона, - из экологических соображений. И эта "промзона" извне должна наблюдаться как точечный инфракрасный источник.

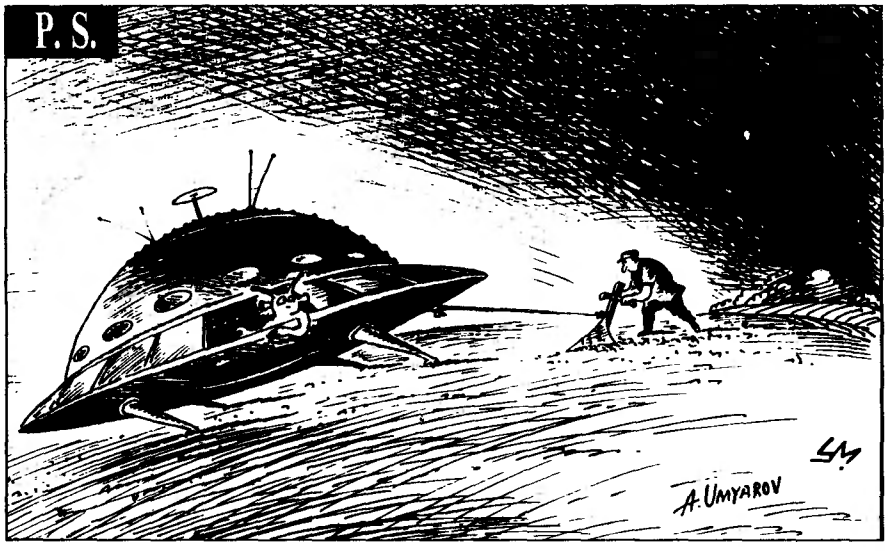
Порывшись в звездных атласах, Архипов нашел несколько десятков звезд, рядом с которыми на небе соседствуют инфракрасные источники. Возможно, не все из них действительно близки друг к другу, это может быть и результат случайной проекции. Но Архипову удалось уловить одну закономерность: процент звезд, похожих на Солнце (классов F,G,K) в этой выборке значительно больше, чем в целом в Галактике. Это наводит на размышления...

Ну, а если говорить серьезно, то никаких "чудес" мы пока не увидели. Галактика имеет вид скорее дремучей чащи, чем тщательно ухоженного парка. Причины могут быть разными. Цивилизации в своем развитии не достигают стадии "сверх", что-то их останавливает. Или же "сверх" может означать совсем другое, нежели гигантскую астроинженерную деятельность. Или же все-таки "чудеса" есть, но уровень наших знаний не позволяет пока их разглядеть.

Я бы обратил внимание исследователей и на научную фантастику,которая разворачивает перед читателями чуть ли не любую из мыслимых Вселенных. Это, конечно, не наука, а литература. Но просеять сквозь холодный разум аналитика, вероятно, стоило бы все концепции и модели, представленные в фантастике. Известно ведь, что возможность дать волю воображению привлекла к такого рода творчеству многих ученых, а некоторые мысли и прогнозы, высказанные впервые в фантастических романах, затем реализовались в жизни.

Поиск внеземных цивилизаций оказался проблемой грандиозной, выходящей за рамки "чистой" науки и связанной со всей человеческой культурой. Успех может прийти лишь в результате постепенного наращивания наших знаний о мире и самих себе. Будем надеяться, что в ближайшие годы заработает в полную силу американский орбитальный телескоп "Хаббл", и мы сможем подтвердить или опровергнуть наличие планет у ближайших звезд. В результате исследований И.Пригожина и других ученых становятся ясными удивительные естественные механизмы самоорганизации материи, усложнения ее структуры вплоть до появления жизни. Еще не закончены поиски жизни на Марсе, предстоит "пощупать" в этом отношении спутник Юпитера Европу. Продвижение по пути создания искусственного интеллекта позволит нам понять возможности и пределы разума, уяснить, может ли где-то образоваться сверхинтеллект.

Но настоящий гигантский скачок человечество испытает лишь установив контакт с "братьями по разуму". Не стоит гадать, что произойдет, но несомненно, что это явится переходом земной цивилизации в совершенно новое качество. И ради этого стоит искать.



Остается найти 300 тысяч

Хотите дышать свежим воздухом? Не минуту, не час – а всю жизнь? Извольте. Выпишите чек на 300 тысяч долларов – и дышите, сколько желаете.

Нет, это не цитата из романа Беляева. Продавцы воздуха – американская фирма, которая устанавливает гигантские пластиковые прозрачные купола над домами и садами. Громадный кондиционер со сложной системой фильтров нагнетает воздух под купол, покрывающий больше акра земли. Таким образом, проблема загрязнения окружающей среды, по мнению фирмы, решена: как только у каждого американца найдутся свободные 300 тысяч долларов, останется пустяк – соединить все купола пластиковыми проходами. Американские журналы желчно замечают, что фирма, очевидно, выпустит и миниатюрные копии куполов – для тех, кто, за неимением дома, ночует на скамейках.

Пробежка по торговым рядам

Журнал „Уолкинг мэгэзин" (приблизительный перевод – „Пешие прогулки") весьма обеспокоен вопросом: где же гулять американцам в 2000 году? Тротуары заполнены людьми, до парка не доберешься, зона вокруг домов становится все меньше и меньше. Улицы крупных городов вконец загазованы, а количество машин и опасных переходов угнетает любого энтузиаста пеших прогулок.

Уже сейчас больше миллиона американцев нашли „экологическую нишу" для долгих прогулок быстрым шагом. Это „моллз" – „торговые ряды": многокилометровый лабиринт в центре города – туннели внутри квартала с сотнями магазинов и лавочек, мелких офисов. В моллз поддерживается микроклимат, толчеи не бывает – ну и, разумеется, никаких машин и переходов. Это островки упоительного спокойствия среди суеты центра. А так как строительство моллз становится одной из ведущих архитектурных задач, то можно не сомневаться, что у американцев в 2000-м году с местами для прогулок все будет о'кей.

Надел тапочки – и уже на работе

В ближайшие годы понятие „внутренней эмиграции" будет наполнено совершенно иным смыслом. Появятся сотни тысяч людей, которые просыпаются в России, а на службу отправляются во Францию или Америку. Идти недалеко – из спальни в комнату с персональным компьютером.

Создание всемирной телекоммуникационной сети позволит использовать дешевую рабочую силу бывших социалистических стран, причем, не имея национальных проблем. Количество служащих, работающих на компьютерах, растет с головокружительной скоростью. И, собственно, какая разница, где работник нажимает клавиши – в Нью-Йорке, или в Найроби, или на острове Ява, или в поселке Стальной Конь. Ведь передача электронной информации на гигантские расстояния с каждым годом становится дешевле.

Коммерция, налогообложение, банковское и конторское дело, программирование – все эти и некоторые другие области деятельности требуют много „черновой" компьютерной работы. Разумеется, приток „электронных иммигрантов" создаст угрозу безработицы для местных работников, но сводить счеты придется, к счастью, тоже через компьютер.

Путевые заметки: скорость 90 миль в час

Кому-то компьютер поможет остаться в родной стране, кому-то уже помог остаться в родной деревне. Подлинного непоседу никаким компьютером к месту не привяжешь. Ну а если этот непоседа страстно любит электронную технику и привык на ней работать? Пусть возит с собой компьютер. А если он путешествует на мотоцикле? Подумаешь, проблема!..

Американец Стивен Робертс эту проблему успешно решил: на его мопеде семь компьютеров, телефакс, радиотелефон и панель управления на солнечных батареях. За время своих путешествий Робертс написал книгу „Путешествие с компьютером" (в буквальном переводе – „Компютеря по Америке"). Причем Робертс уверяет, что написана она прямо во время езда (действительно, на рукоять руля выведено несколько кнопок, которые в комбинации дают все буквы алфавита, – Робертс называет это приспособление „дорожной флейтой"). Любую пришедшую идею можно немедленно записать – даже при скорости девяносто миль в час. У чудака есть спонсоры – 150 спортивных и электронных фирм, в том числе такие гиганты, как „Аппле" и „Дженерал Моторс". И чудить надо уметь.

Робертс уверен, что такой же образ жизни в 21 веке будут вести миллионы американцев.

Антрекот из почтового ящика

Одна из американских фирм-консультантов по вопросам розничной торговли предрекает крутую перемену в области шоппинга (это слово пока незнакомо отечественному читателю, поскольку означает стремление еще больше угодить покупателям).

Продукты доставляют заказчику и помещают в автоматически запирающийся ящик-холодильник у двери дома. Заказчику достаточно вставить пластиковую карточку со своим шифром в щель почтового холодильника и переложить продукты в холодильник на кухне.

Пятерка у Леонардо да Винчи

Нам и прежде приходилось поеживаться от требований, которые, по слухам, предъявляют молодому специалисту в США. Слухи оказываются правдой. Хуже того, дотошные калифорнийские социологи пришли к выводу, что в следующем десятилетии американские предприниматели еще больше ужесточат свои претензии к образованию выпускников университетов.

В 60-е годы существовал ажиотажный спрос на специалистов с гуманитарным образованием, в 70-е – на экономически подкованных управляющих, в 80-е – на программистов. От нового поколения искателей высоких зарплат ждут сочетания всех знаний: гуманитарных, коммерческо-деловых и технических. Словом, нынешний выпускник высшего учебного заведения должен быть мастером на все руки. Основательные познания в самых разных дисциплинах позволят быстрее адаптироваться в стремительно меняющемся мире, где технология не стоит на месте, политика переживает непредсказуемые бури, а экономика должна рассматриваться в глобальных масштабах.

То ли читать нечего, то ли просто не хочется...

Тяжелые времена переживают средства массовой информации в Америке. Тиражи стремительно ползут вниз, ставя многие издания на грань финансового краха. В лидерах оказываются узкотематические журналы, ориентированные на „свою" аудиторию, к тому же цена их, как правило, невысока. А роскошные общенациональные издания терпят убытки, более десятка уже прекратило свое существование.

Не лучше положение и с телевидением. Замеры общественного мнения показывают, что число зрителей постоянно уменьшается, а, соответственно, уменьшается приток рекламы.

Неужели американцы перестают смотреть телепередачи? Оказывается, конкурентом „большого" **TV** стало **TV** „маленькое" - кабельное. Оно и „переключает" на себя большинство зрителей. По мнению экспертов, будущее - за кабельным телевидением.

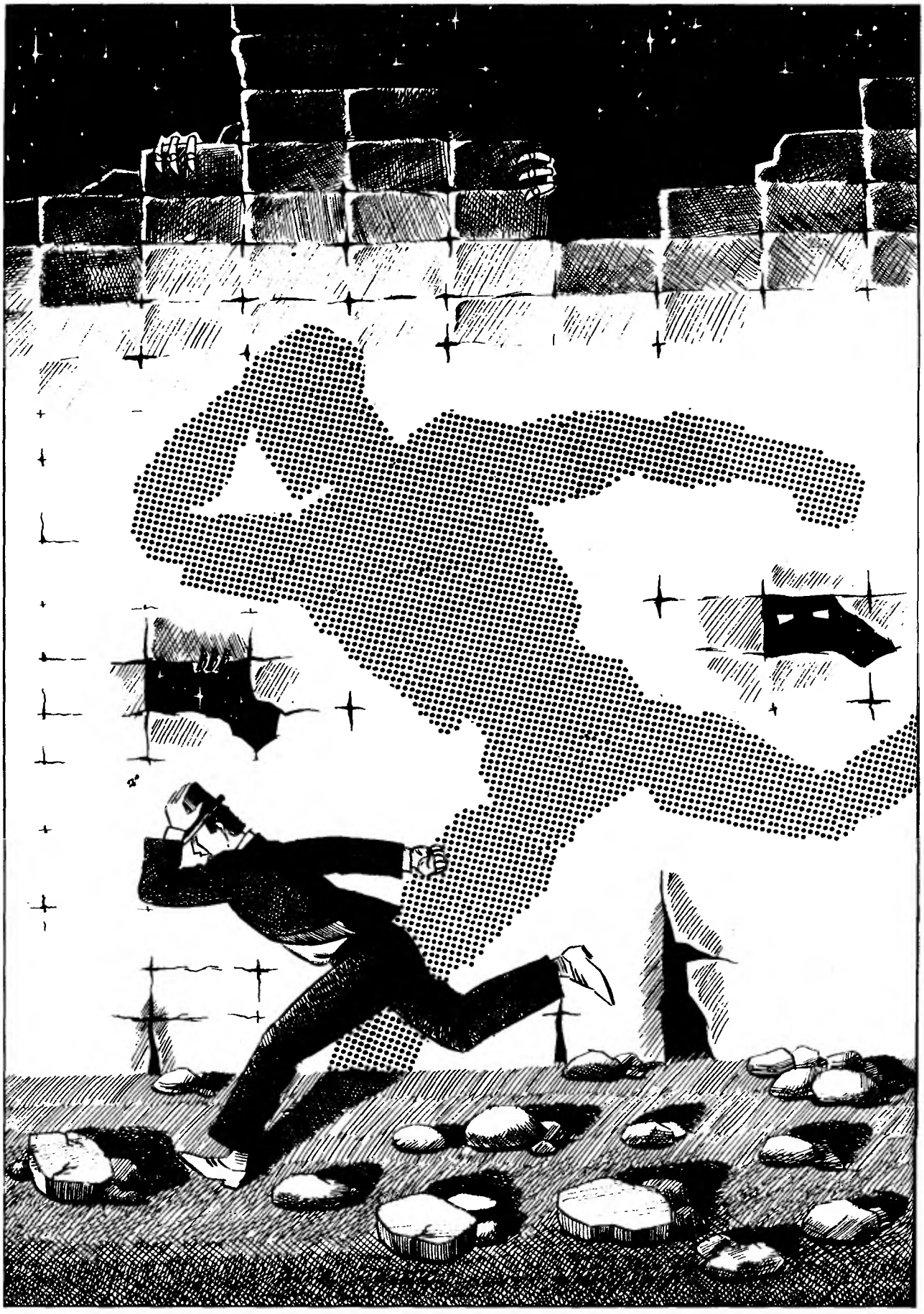


Иллюстрация Андрея Кузнецова

Филипп К. Дик

Самозванец

– Я собираюсь взять отпуск, – сказал жене за завтраком Спенс Олхэм. – По-моему, я его заслужил. Десять лет – достаточный срок.

– А как же Проект?

– Войну выиграют и без меня. Особой опасности старушка Земля не подвергается. – Олхэм закурил. –Знаешь, как я хотел бы провести отпуск? Взять палатку и отправиться в лес за городом, где мы были в тот раз. Помнишь? Когда я нашел ядовитый гриб, а ты чуть не наступила на гремучую змею.

– Саттон-Вуд? – Мэри убирала со стола. – Эти леса сгорели несколько недель назад. Я думала, ты знаешь. Внезапный пожар.

Олхэм поник.

– Что же, они даже не попытались выяснить причину? – Он скривил губы. – Всем на все стало наплевать. Все помешались на войне. – Когда он вспомнил о Пришельцах, о кораблях-иглах, челюсти его сжались.

– А как же иначе?

Олхэм кивнул. Мэри, разумеется, права. Маленькие черные корабли из созвездия Альфа Центавра легко, как беспомощных черепах, обходили космические крейсеры землян и только у самой планеты встречались с защитным полем, созданным в лабораториях фирмы "Вестингауз". Поле, укрывшее сначала крупнейшие города Земли, а затем и всю планету, остановило продвижение Пришельцев.

Но, чтобы выиграть войну, требовалось мощное наступательное оружие. Все лаборатории день и ночь безостановочно работали над его созданием. На это были нацелены все проекты, в том числе и тот, в котором работал Олхэм, оказавшийся к цели ближе других.

Достав из шкафа пиджак, Олхэм вышел на крыльцо. Вот-вот должна была появиться "шлюпка", которая доставляла его в лабораторию Проекта.

- Надеюсь, Нельсон не опоздает. - Олхэм взглянул на часы.

- Да вот он, - сказала Мэри, всматриваясь в просвет между домами.

Олхэм открыл дверцу, забрался в приземлившуюся "шлюпку" и со вздохом уселся в кресло. Рядом с Нельсоном сидел пожилой человек.

- Майор Петерс, - представил его Нельсон.

Корабль рванулся в небо.

- По-моему, я вас раньше в лаборатории не видел, - сказал Олхэм.

-Нет, я не работаю в Проекте, - ответил Петерс, - но я знаю, чем вы занимаетесь. Я работаю совсем в другой области... Вообще-то, я сотрудник службы безопасности.

- Вот как? - Олхэм поднял брови. - Противник проник в наш район?

- Собственно говоря, я приехал сюда из-за вас, Олхэм.

Олхэм был озадачен.

- Из-за меня? Что случилось?

- Я здесь для того, чтобы арестовать вас как шпиона Пришельцев. Нельсон!..

В ребра Олхэму уперся пистолет. Нельсон был бледен, руки его тряслись. Он сделал глубокий вдох.

- Ликвидируем его сейчас? - прошептал он Петерсу. - По-моему, его надо убить сразу. Ждать нельзя.

Олхэм оторопело уставился на своего друга, открыл рот, но не смог произнести ни слова. Он почувствовал тошноту, закружилась голова.

- Я не понимаю, - пробормотал он.

В этот момент корабль начал набирать высоту, устремляясь в космос.

-Подождем, - произнес Петерс. - Мне надо задать ему несколько вопросов.

Олхэм тупо глянул в иллюминатор, за которым сияли звезды.

Петерс уселся рядом с Олхэмом, взглянул ему в глаза. И внезапно протянул руку, легко дотронувшись до щеки Олхэма.

Олхэм молчал. Если бы только я мог известить Мэри, думал он. Только бы дать ей знать. Он оглядел кабину. Как? Видеосвязь? Нельсон навис над панелью приборов, держа в руке пистолет. Ничего сделать нельзя. Олхэм был в ловушке.

– Но почему?

-Слушайте, - обратился к нему Петерс. - Я хочу задать вам несколько вопросов. Сейчас мы направ-

ляемся на Луну. Через час мы сядем в пустынной местности, и вами сразу же займется специальная группа. Вы будете уничтожены. Вы это понимаете? – Он взглянул на часы: – Через два часа вас не станет.

Олхэм очнулся от забытья.

– Скажите, что я сделал.

–Конечно, скажу, – кивнул Петерс. – Два дня назад мы получили сообщение о том, что кораблю Пришельцев удалось проникнуть сквозь защитное поле. Корабль высадил шпиона в виде гуманоидоподобного робота, который должен был уничтожить определенного человека и занять его место.

Петерс хладнокровно взглянул на Олхэма.

– Внутри робота находится термоядерная бомба. Наш агент не знает, каков механизм ее детонации, но он предполагает, что это кодовая фраза или группа слов. Робот должен занять место убитого человека, ходить на работу, общаться с окружающими. Он абсолютно идентичен этому человеку. Отличить его невозможно.

Олхэм побледнел.

– Робот должен был занять место Спенса Олхэма, высокопоставленного сотрудника центральной лаборатории Проекта. Поскольку работы приближаются к решающей стадии, присутствие живой бомбы в самом сердце Проекта...

Олхэм уставился на свои руки. "Но Олхэм – это я!"

– После того, как робот обнаружил и убил Олхэма, занять его место было несложно. Предположительно, робот покинул корабль восемь дней назад. Подмена, вероятно, произошла в конце прошлой недели, когда Олхэм гулял в горах.

– Но Олхэм – это я. – Он повернулся к Нельсону, сидевшему у панели приборов. – Ты разве не узнаешь меня? Мы знакомы двадцать лет. Помнишь, как мы вместе учились в колледже? – Он поднялся с кресла. – В университете мы жили в одной комнате!

– Не подходи ко мне! – прорычал Нельсон. – Я не хочу этого слышать. Ты убил его! Ты... машина!

Олхэм взглянул на Нельсона.

– Ты ошибаешься. Я не знаю, что произошло, но робот не нашел меня. Что-то не сработало. Может быть, корабль потерпел крушение. – Он повернулся к Петерсу. – Я Олхэм. Я это знаю. Подмены не произошло. Я тот же, кто и был. Это можно проверить. Верните меня на Землю. Проведите рентген, неврологическое обследование, все, что хотите. Вероятно, можно найти корабль, потерпевший крушение.

– После того, как робот убил Олхэма, – произнес Петерс, – и „переписал" себе сигналы его мозга, воспринял его личность, он забыл о том, что был роботом. Суть в том, что он должен выглядеть как Олхэм, обладать его интересами, выполнять его работу. Но одно отличие все-таки есть. Внутри робота находится термоядерная бомба, которая взорвется после кодовой фразы. Вот почему мы везем вас на Луну. Там вас разберут и вынут бомбу. Возможно, она взорвется, но там это уже не будет иметь значения.

Олхэм медленно сел.

– Скоро мы будем на месте, – сказал Нельсон.

Олхэм откинулся в кресле, лихорадочно размышляя, пока корабль опускался на планету. На них надвигалась безжизненное, в оспинах, лицо луны. Что можно сделать? В чем спасение?

– Приготовиться, – сказал Петерс.

Через несколько минут он будет мертв. Внизу он заметил небольшую точку, какое-то здание. В здании его ждут саперы, которые раскромсают его на части. Не обнаружив бомбы, они, вероятно, удивятся и поймут, что ошибались, но будет поздно.

– Посадка, – сказал Петерс. Корабль медленно опустился, подскочив на жесткой поверхности. Наступило молчание.

Нельсон принялся торопливо одевать скафандр.

– А что с ним? – Он указал на Олхэма. – Ему скафандр не нужен?

– Нет, – покачал головой Петерс. – Роботы, наверное, не нуждаются в кислороде.

Группа захвата вплотную приблизилась к кораблю и остановилась в ожидании. Петерс махнул им рукой:

– Пошли!

– Если вы откроете дверь, – сказал Олхэм, – я умру. Это будет убийство.

– Открывайте дверь, – произнес Нельсон. И протянул руку к запору.

Олхэм увидел, как пальцы Нельсона сжались на металлической рукоятке. Через мгновение дверь откроется, воздух из корабля рванется наружу. Олхэм умрет, и они сразу поймут свою ошибку. Наверное, в другое время они бы действовали по-иному, но сейчас все напуганы, все только и заняты тем, как бы найти очередную жертву.

Его убивают потому, что не желают дожидаться доказательств его невиновности. Не хватает времени.

С Нельсоном они дружили много лет. Вместе ходили в школу. На свадьбе у Нельсона он был свидетелем. И вот теперь Нельсон готов убить его. Такие времена. Возможно, именно так вели себя люди во время чумных эпидемий. Возможно, и тогда убивали без колебаний, без доказательств, по одному лишь подозрению.

Он не винил их: они лишь представители военной бюрократической машины, которая действует в точном соответствии с инструкцией. Но он должен был сохранить свою жизнь. В конце концов, ради них же, ибо для Земли он представляет немалую ценность. Что же можно сделать? Что? Он огляделся.

– Вы правы, – внезапно произнес Олхэм. – Мне не нужен воздух. Открывайте дверь.

Нельсон и Петерс остановились, глядя на Олхэма с тревожным изумлением.

– Давайте же, открывайте дверь. Мне все равно. – Олхэм сунул руку во внутренний карман пиджака. – Интересно, как далеко вы успеете убежать.

– Убежать?

– Вам осталось жить 15 секунд. – Он пошевелил пальцами под тканью пиджака. Затем расслабился, слегка улыбаясь. – Вы ошибались только в одном – в ваших рассуждениях о кодовой фразе. 14 секунд...

Из шлема скафандров на него глядели потрясенные лица. Эти двое бросились открывать дверь, мешая друг другу. Воздух рванулся наружу. Петерс и Нельсон выскочили из корабля. Олхэм подбежал к двери и захлопнул ее. Гулко заработала автоматическая система восстановления давления воздуха. Олхэм выдохнул.

Еще секунда и ...

Нельсон и Петерс бросились к ожидавшей их группе. Люди рванулись в стороны. Они падали на землю, закрывая голову руками. Олхэм уселся в кресло пилота. Корабль задрожал и отделился от поверхности.

– Извиняюсь, – пробормотал Олхэм, – но мне надо назад, на Землю.

Наступила ночь. Вокруг корабля, нарушая ночную тишину, кричали птицы. Олхэм склонился над экраном видеосвязи. Вскоре на нем проступило изображение: сигнал прошел без помех. Олхэм с облегчением вздохнул.

– Мэри, – позвал он. Женщина взглянула на него и охнула.

– Спенс! Где ты? Что произошло?

– Пока я не могу тебе ничего сказать. Я спешу, разговор могут прервать в любую минуту. Отправляйся в лабораторию и найди доктора Чемберлена. Если его там нет, разыщи любого врача. Привези его домой, и пусть ждет. Он должен захватить рентген, флюороскоп...

– Но Спенс!..

– Прошу тебя, поторопись. Врач должен быть дома через час, – Олхэм приблизил лицо к экрану. – Ты одна?

– Одна?

– В доме еще кто-нибудь есть? Нельсон... или кто-то другой не связывались с тобой?

– Нет. Спенс, я не понимаю!

– Ладно. Увидемся дома через час. И никому ни слова. Привези Чемберлена домой под любым предлогом. Скажи, что ты очень больна.

Он отключил связь и взглянул на часы. Через минуту он покинул корабль и вышел в ночь. Ему предстояло пройти полмили.

...Свет горел только в кабинете. Олхэм осматривал дом, опершись на забор. Ни звука, ни движения. Он поднял руку и посмотрел на циферблат при лунном свете. Прошел почти час.

Над улицей пролетела "шлюпка" и скрылась.

Данные обследования, фотографии и протокол – это единственный шанс что-либо доказать. Если ему удастся пройти обследование. Если его не убьют раньше...

Но это единственный путь. Доктор Чемберлен – первоклассный специалист, руководитель медицинской службы Проекта. Его слову поверят. Он в состоянии остановить эту истерию и безумие.

Олхэм направился к дому, подошел к крыльцу. Остановился, прислушиваясь, около двери. Изнутри не доносилось ни звука. В доме царила полная тишина. Тишина была слишком абсолютной.

Олхэм, не двигаясь, стоял на крыльце . Те, кто находятся в доме, стараются не нарушать тишину. Почему?

Олхэм неуверенно потянулся к дверной ручке. Затем внезапно изменил свое решение и нажал кнопку звонка. В доме, наконец, послышался звук шагов.

Дверь открыла Мэри. Увидев ее лицо, Олхэм все понял.

Он рванулся к кустам. Сотрудник службы безопасности, оттолкнув Мэри, выстрелил вслед. Олхэм нырнул за угол дома. Он бежал в темноте, бросаясь из стороны в сторону. Луч прожектора следовал за ним, но не мог настигнуть.

Олхэм пересек дорогу и перелез через забор. Он очутился в чьем-то дворе. Слышно было, как сзади бегут сотрудники службы безопасности, перекликаясь на ходу. Олхэм тяжело дышал, грудь его ходила ходуном.

Ее лицо... Все сразу стало понятно. Поджатые губы, наполненные болью и страхом глаза. А если бы он открыл дверь и вошел! Они подслушали разговор и устроили ловушку. Возможно, Мэри поверила их версии. Нет сомнений, она тоже считала его роботом.

Олхэм выбрался из поселка. Погоня отстала, потеряв его. Он оказался на вершине холма и начал спускаться по противоположной стороне. Вскоре он будет у корабля. Но куда лететь? Олхэм замедлил шаг и остановился. Силуэт корабля уже виднелся на фоне ночного неба.

Прячась за деревьями, он осторожно приближался к кораблю.

На фоне освещенной кабины появилась фигура Петерса. В руке у него был пистолет. Олхэм застыл на месте. Петерс вглядывался в темноту, не замечая его.

– Я знаю, что ты здесь, – произнес он. – Выходи, Олхэм. Ты окружен.

Олхэм не пошевелился.

– Послушай меня. Мы ведь все равно поймаем тебя, и очень быстро. Ты, видимо, продолжаешь считать себя человеком. Твой звонок доказывает лишь одно: ты по-прежнему находишься под воздействием иллюзий, созданных искусственной памятью. Но ты робот! Робот, несущий смерть. В любой момент ты сам или кто-то другой может произнести кодовую фразу. Когда это произойдет, на мили вокруг все будет разрушено. Все погибнут – твоя жена, мы, Проект. Понимаешь?

Олхэм молчал. Он прислушивался. Сотрудники службы безопасности приближались.

– Если ты не выйдешь, мы все равно поймаем тебя. Это дело времени. Мы не собираемся снова отправлять тебя на Луну. Мы уничтожим тебя на месте, даже рискуя тем, что бомба сдетонирует. В этот район направлены все имевшиеся в наличии сотрудники службы безопасности. Осмотру подвергается каждый дюйм. Деваться тебе некуда. Лес окружен. Поиски завершатся максимум через шесть часов – это все, что у тебя осталось.

Олхэм сдвинулся с места. Петерс продолжал говорить; Олхэма он по-прежнему не видел. Было слишком темно. Но Петерс был прав. Деваться Олхэму было некуда. Он мог спрятаться в лесу, но рано или поздно его поймают.

Дело времени.

Что же делать? Он потерял корабль – свою последнюю надежду на спасение. В доме засада, и его жена заодно с "охотниками", убежденная в том, что настоящий Олхэм убит. Он сжал кулаки. Ведь где-то лежит поврежденный корабль Пришельцев, а в нем останки робота. Причем, корабль, вероятно, упал где-то неподалеку.

Разрушенный робот находится внутри.

Может быть, это и есть надежда? Надо найти этого проклятого робота! Если он сумеет предъявить им останки и корабль...

Но где они?

Олхэм продолжал размышлять, углубляясь в лес и стараясь не шуметь. Корабль Пришельцев должен был приземлиться неподалеку от лаборатории: расчет был на то, что робот пройдет остальную часть пути пешком... Авария и пожар. Может быть, в этом какой-то ключ, какой-то намек? Читал ли он что-нибудь об этом, слышал ли что-нибудь подобное? Где-то неподалеку, куда можно добраться пешком... Отдаленное место, безлюдное.

Внезапно Олхэм улыбнулся. Авария и пожар...

Саттон-Вуд.

Он ускорил шаг.

Наступило утро. Солнечный свет пролился на сгоревшие деревья, высветив фигуру человека, притаившегося на опушке. Олхэм оглядывал местность, напряженно прислушиваясь. Они уже близко, через несколько минут они будут здесь. Он улыбнулся.

На поляне, среди сгоревших останков того, что некогда называлось Саттон-Вудом, лежал потерпевший крушение корабль. Корпус его поблескивал под солнцем. Олхэм нашел его без особого труда, поскольку хорошо знал эти места: когда был моложе, исходил здесь все тропы. Он знал, где искать корабль.

Он выпрямился. До него уже доносились голоса участников погони: "охотники" приближались. Олхэм напрягся. Все зависит от того, кто первым увидит его. Если это будет Нельсон, у него нет ни одного шанса. Нельсон выстрелит мгновенно, и Олхэм погибнет, прежде чем люди увидят корабль. Итак, кто с ним столкнется первым?

Хрустнула сгоревшая ветка. Человек неуверенно пробирался вперед. Олхэм глубоко вдохнул. У него оставалось лишь несколько секунд, и, возможно, это были последние секунды в его жизни. Олхэм напряженно уставился в чащу.

Это был Петерс.

– Петерс! – Олхэм замахал руками. Петерс вскинул пистолет. – Не стреляйте! – Голос Олхэма дрожал. – Взгляните на поляну. Корабль, корабль пришельцев! Взгляните!

Петерс колебался. Пистолет в его руке дрожал.

– Он там, – торопливо проговорил Олхэм. – Я знал, что найду его. Лес горел... Теперь вы поверите мне. Внутри корабля вы найдете останки робота. Пожалуйста, посмотрите.

– На поляне что-то есть, – нервно сказал один из преследователей, прикрывавший Петерса.

– Пристрелите его! – раздался голос. Это кричал Нельсон.

– Не стрелять, – резко приказал Петерс. – Операцией командую я. Не стрелять. Теперь он от нас никуда не уйдет.

– Пристрелите его, – молил Нельсон. – Он убил Олхэма. В любой момент он может разнести всех нас. Если бомба взорвется...

– Заткнитесь. – Петерс двинулся к поляне. – Взгляните, что там. – Он подозвал к себе двоих сотрудников. – Произведите осмотр места.

"Охотники" осторожно приблизились к останкам корабля.

– Ну, что там? – позвал Петерс.

Олхэм затаил дыхание. Робот должен быть там: у Олхэма не было времени самому осмотреть корабль, но он был уверен, что робот там. А если нет? Вдруг робот сумел уцелеть и уйти? Или, наоборот, полностью сгорел?

Олхэм облизал губы. На лбу выступил пот. Нельсон неприязненно смотрел на него, глубоко дыша.

– Ну, что? – спросил Петерс вернувшихся сотрудников. – Что-нибудь там есть?

– Похоже на то. Это корабль пришельцев. Рядом с ним что-то лежит.

– Пойду взгляну.

Олхэм наблюдал, как Петерс спускается по холму.

– Тело, – крикнул Петерс. – Идите сюда!

Олхэм спустился к кораблю.

На земле лежало нечто странное – скрученное и перевернутое. По форме это напоминало человеческое тело: но руки и ноги изгибались под невероятным углом. Рот был открыт; глаза пусто смотрели вверх.

– Похоже на сломанную машину, – пробормотал Петерс.

Олхэм слабо улыбнулся.

– Теперь вы верите? – спросил он.

Петерс взглянул на него.

– Мне трудно в это поверить. Но кажется, с самого начала вы говорили правду.

– Робот не нашел меня, – сказал Олхэм и, наконец, закурил. – Он был разрушен, когда случилась авария. Вы слишком заняты войной, чтобы поинтересоваться, почему внезапно загорелся дальний лес. Сейчас вы знаете причину.

Он наблюдал за ними, поминутно затягиваясь.

– Теперь вы обезвредите бомбу, – сказал Олхэм.

Петерс нагнулся над телом:

– По-моему, я ее вижу.

В груди робота зияла рана, и в глубине что-то металлически поблескивало.

– Если бы робот сохранился, раньше или позже мы взлетели бы на воздух, – сказал Петерс.

– Оказывается, даже ваш аппарат способен давать сбои, – криво улыбнулся Олхэм. – Впрочем, бюрократия везде одинакова.

– По-видимому, мы ваши должники, – вынужден был согласиться Петерс.

Олхэм потушил сигарету.

– Я, разумеется, знал, что робот меня не нашел. Но у меня не было возможности доказать это: вот в чем проблема. Можно ли логически обосновать, что ты – это ты?

– Как насчет отпуска? – поинтересовался Петерс. – Думаю, мы могли бы это устроить.

– В данный момент я больше всего на свете хочу добраться до дома, – ответил Олхэм.

– Отлично, – сказал Петерс. – Все, что угодно.

Нельсон продолжал изучать останки робота. Внезапно он протянул руку к металлическому предмету, который поблескивал в груди.

– Не трогай, – сказал Олхэм. – Бомба может взорваться. Пусть этим лучше займутся саперы.

Но Нельсон уже ухватил металлический предмет и потянул его на себя.

– Что ты делаешь? – закричал Олхэм.

Нельсон выпрямился. Лицо его было искажено ужасом. В руке он держал металлический нож, которым пользуются Пришельцы.

Нож был покрыт кровью.

– Этим его убили, – прошептал Нельсон. – Моего друга убили вот этим. – Он дико взглянул на Олхэма. – Ты убил его и оставил возле корабля.

Олхэм задрожал. Зубы его застучали. Он смотрел то на нож, то на тело.

– Это Олхэм? – проговорил он. Мысли его смешались. – Но если это Олхэм, значит я...

Он не успел закончить фразу, как Саттон-Вуд взлетел на воздух.

Перевел с английского
Михаил ШЕВЕЛЕВ

Тоска по Акакию Акакиевичу

Александр РУБЦОВ,
политолог

Герой рассказа Филиппа Дика "Самозванец" уварен, что стал жертаой безжалостной логики аоенно-бюрократической машины. Но – как ни парадоксально это для нашего читателя – истина оказыаается на сторона "аппарата". Впрочем, сам сюжет рассказа относится к разряду "тупиковых" (кстати, довольно популярному в западной фантастике), когда заданная ситуация в принципе не предполагает выхода. Гораздо печальнее то, что в подобной жа интонации исполнена статья Александра Рубцова, посвященная будущему отечестаенной бюрократии.

В угаре "борьбы с отжившим" общество вдохновенно разваливает управленческий аппарат. В контексте прогноза сегодняшняя ситуация выглядит так: либо мы в очередном антибюрократическом раже в конечном итоге навесим на себя такую бюрократию, какой еще и не видывали, либо сейчас же начнем внимательно разбираться в том, как реально в обществе делается, "производится" тот порядок, во имя которого утомленные перестроечными празднествами массы завтра с похмелья проголосуют за любого из жириновских. Мне и самому эти пророчества уже давно надоели. Но лучше сейчас выглядеть занудой, чем завтра расхлебывать последствия нашей общей чисто литературной щепетильности. И может быть, вглядываясь в частности, можно будет обнаружить что-нибудь не столь уж и банальное.

ГЕНЕАЛОГИЯ АНТИБЮРОКРАТИЗМА

Для того, чтобы хоть сколько-нибудь надежно судить о будущем, нужен исторический разгон. С места можно прыгнуть куда угодно – но если разбег начат, то сектор попадания резко ограничивается. Поэтому и важно в прогностике "разбегаться вместе с историей".

С бюрократией в советские времена боролись всегда и одинаково безуспешно. Разные вожди с каким-то уж слишком подозрительным постоянством повторяли знаменитую ленинскую формулу, согласно которой бюрократизм клеймился как "злейший враг нашего общества". А вообще-то весь этот антибюрократический разгул начал еще Маркс. Сейчас его с азартом оплевывают на ходу перековавшиеся в антимарксистов всевозможные теоретики, выплескивающие из нашего идеологического корыта вместе с нечистой водой даже не ребенка, а вполне зрелого и чтимого во всем мире – но только не у нас – мужчину. Маркс был гениальным философом, и в философии он был не только основоположником, но отчасти поэтом, отчасти хулиганом. А потому на дух не выносил формализмы, вроде буржуазного права. А значит, терпеть не мог и бюрократию, и сам дух бюрократизма. Его идея состояла в том, чтобы создать общество, где отношения между людьми будут настолько прозрачны и чисты сами по себе, что отпадет необходимость в их формальном регулировании.

Вот мы это общество и создали. Насчет прозрачности отношений надо еще подумать, а что касается ненависти к строгому формализму и его практического искоренения, то здесь достижения очевидны. Именно в этой логике большевики сходу заменили всю правовую формальность "классовым чутьем" и "революционной совестью".

С тех пор страна вместо того, чтобы жить и работать по-коммунистически, напрягая мускулы и срывая голос, борется с бюрократизмом, искореняя самый его дух. И даже не задумываясь о том, почему проект именно антибюрократического жизнеустройства обернулся патологическим всевластием бюрократии, "номенклатуры". Есть такие странные инверсии – когда говорят: "Давайте веселиться!", веселье, как правило, прекращается. А то, что более всего ненавидишь во враге, передается тебе самому через эту самую вражду.

Есть и другая формула, которая в несколько переиначенном виде звучит так: "Клеввта есть бессознательное самого клевещущего". Надо еще посмотреть, кто именно в этой несчастной стране громче всех стенает о засилии бюрократизма и о необходимости непримиримой борьбы с ним.

ТВОРЧЕСКИЙ БЮРОКРАТИЗМ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Итак, давайте различать бюрократов, бюрократию и бюрократизм

Не будем останавливаться на

том, что ареал явления, именуемого у нас бюрократией, чрезвычайно размыт и практически всепроникающ. Можно не быть бюрократом по службе, но зато эффективно проявлять это свое замечательное качество в отношениях с близкими, друзьями, даже в постели...

Что, собственно, называется у нас бюрократией? "Бездушный формализм?" Ценная мысль! Но только кто и где видел у нас эту холодную бездушную машину, действующую как бумажный Молох, без тени чего бы то ни было человеческого? Она у нас предельно одухотворена, пронизана живым творчеством начальства и масс, буквально в каждом звене ее срабатывает не механизм, не автомат, а личность. Не от смысла инструкции, даже не от ее буквы зависит, как в данный момент сработает этот человеческий, слишком человеческий агрегат. Где они, эти стереотипные продукты бюрократического конвейера? Все здесь, как и повсеместно в нашем отечестве, рукодельно, ремесленно и несет на себе явную печать личности или команды.

Тыча пальцем в бумагу, которую обычно показывают издалека либо вовсе не показывают, бюрократ только изображает свое подчинение власти текста, требующего от вас такого же подчинения. Он как бы показывает вам пример, как именно надо быть законопослушным. И уж, в крайнем случае, он сокрушенно разводит руками, демонстрируя свое бессилие решить ваш вопрос из-за своей чисто физиологической неспособности преступить формально предопределенное. На самом же деле "онтология" здесь зеркальная: это стратегия власти над текстом, права его переписывать, редактировать, извлекать на свет или прятать и, наконец, толковать, интерпретировать, решать вопрос об аутентичности того или иного смысла. И здесь уже не важно, что это за тексты: полное собрание сочинений В.И.Ульянова, на каждом из которых надо бы писать "исправленное и дополненное", или декларация прав и обязанностей посетителей общественного туалета. В реальных столкновениях за каждым текстом неизменно проступает наглая физиономия его "владельца" или "распорядителя" во всей ее индивидуальности. И уйти от них живыми можно, только ублажив эти индивидуальности, а отнюдь не апеллируя к досконально изученным параграфам. Не исключено, что одно из самых широких и реальных проявлений демократизации от начала "первой оттепели" и до "эпохи гласности" как раз и состояло в том, что кроме дела по воплощению Главного Текста почти каждый на своем месте получил кусочек власти в виде причастности к своему "маленькому тексту", которым на данном уровне дозволено манипулировать.

Правда, с таким же успехом можно утверждать, что тем самым былая тирания не исчезла вовсе, а лишь оказалась децентрализованной, "демократически" разлитой по всему обществу, по его социальной иерархии и ведомственной структуре. Порастеряв навыки планомерного государственного терроризма, она сохранила основные свойства криминальности: теперь мы все ежеминутно и обиходно применяем друг к другу репрессии – начиная от "министерств и ведомств" и заканчивая подавальщицей, хамящей в последней забегаловке от имени ею самою выдуманного "порядка".

Мы с подачи начальства уговариваем его искоренять то, чего практически нет или катастрофически не хватает. Когда во всех американских боевиках герой в запредельных ситуациях преступает закон, оспаривая его границы перед лицом разума и совести (будь то хулиганствующие во имя правды полицейские или самосуд над убийцей), средний американец это прекрасно понимает: закон в его стране работает, как часы, и все проблемы в том, что делать, когда эта механистичность вступает в противоречие с жизнью и уникальностью ситуации. Но вспомните, какие проблемы вышли на первый план, как только стало можно говорить о нашем обществе без восторженных подвываний. Телефонное право; своеволие ведомственных инструкций и подзаконных актов, откровенно плюющих на базовые законы; номенклатурная преступность; неуставные отношения везде, где только возможно. При чем здесь бюрократизм? После этого нас эти же чиновники подбивают их самих уговаривать, чтобы они не были формалистами и подходили к нашим проблемам почеловечески, с душой. Они и подходят. Как кому заблагорассудится, в логике "наибольшего благопрепятствования".

СЦЕНАРИИ НЕСВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Теперь прикинем, что из всего этого может получиться. Естественно, сценарии будут строиться как развитие отдельных, абстрактных линий вероятного. Но ведь и строятся они в данном случае не для того, чтобы предсказать, "что будет", а для того, чтобы хоть как-то разобраться в логике происходящего.

Сценарий первый.

Мы с еще большим пылом продолжаем искоренять самый дух бюрократизма. В каждой точке этой нарастающей неформальности образуются зазоры и люфты. Каждый такой люфт можно "выбрать", только заполнив это место специально для него предназначенным регулятивным документом и специально сюда посаженным чиновником. Кроме того, каждый такой люфт – зазор власти, то есть, возможность манипулировать и решать, а значит, брать. Чиновничество разрастается, бумаги плодятся, порядка становится все меньше, жизнь в этом антибюрократическом шалмане превращается в кошмар. Говорухин еще раз говорит, что так жить нельзя, и свершается очередная какая-нибудь "-ическая" революция, о которой ну просто без перерыва говорили все это время большевики (или как они там себя теперь называют). И порядок вновь наводит "партия порядка". И наводит его по-партийному, осаживая разгулявшуюся бюрократию, завинчивая гайки, не боясь сорвать резьбу, потому что, как говорят слесари, эти гайки "контрятся". Над партикулярным чиновничеством вырастает опухоль метааппарата, вооруженного генеральной линией и спецназом.

Ослабленный вариант такого сценария, по-видимому, уже на какое-то время неизбежен. Социологи (в частности, Н.Ф.Наумова) просчитывают вероятность для нас "африканского", отчасти "латиноамериканского" варианта запаздывающей модернизации, когда интеллигенция идет не в предпринимательство (что в этих ситуациях наиболее эффективно и благоприятно), а в аппарат, в администрацию, тогда как слой предпринимательства формируется из так называемых "плохих" бывших наемных работников. Развинченность последних перемножается на богемность и свободолюбие новой интеллигентской бюрократии, что дает катастрофический взрыв коррупции и административно-предпринимательского разгула.

Сценарий второй.

Намечающийся (мягко говоря) распад начинают преодолевать на основании идеологии легализма. Закон превыше всего! Под законом понимается любая бумажка, принятая так или иначе сформиро-

ванным большинством в соответствии с регламентом. Ваш закон наступает на мое право, как я его понимаю, а мое право понимать свое право так, как мне этого хочется и как это у меня получается. Начинается война законов, но теперь уже не на уровне парламентских дебатов, а всерьез, со стрельбой и жертвами. Законы теряют свою легитимность, падает авторитет самой идеи законности. Но законы по-разному "весят" в зависимости от того, какая за ними стоит сила. В худшем случае какой-нибудь благодетель начинает всех опять загонять в великий и неделимый СССР на основании брежневской конституции. Начинается бойня, и страна превращается в море крови, из которого торчат кремлевские звезды и выдвинутые боеголовки.

Сценарий третий.

Мы перестаем искоренять бюрократизм и путать сильную власть с авторитаризмом, а демократию с народной гулянкой. И начинаем делать настоящую, крепкую, профессиональную бюрократию. Проводится тотальный пересмотр всей регулятивно-нормирующей системы. Сейчас ограничения скорости на дорогах таковы, что их никто заведомо не соблюдает. ГАИ смотрит на это сквозь пальцы, все довольны, но и все "подвешены": каждый в любой момент может быть выдернут из потока и наказан. Это – криминальный сговор власти с народом (все знают, что гаишник берет, и в этом смысле он тоже "подвешен"). Мы оказываемся перед альтернативой – либо вообще поснимать дорожные знаки, на что сейчас едва ли не у всех чешутся руки, либо начать соблюдать правила неукоснительно. В обоих случаях дорожное движение стопорится, но в первом варианте – битая техника и горы трупов, а во втором – паника власти и единственный для нее выход – сделать ограничения разумными и минимальными. И жестко исполняемыми. Чем строже эта система, тем меньше бумаги и чиновников: бюрократизм пожирает бюрократию.

Сценарий четвертый.

Мы начинаем понимать, что Право выше закона, что в основу легальности должны быть положены действительно неотъемлемые права. Видный советский теоретик правового общества и гражданского состояния С.Чижков уже объяснил стране, что легитимным закон делает не голосование, а суд, решающий вопрос о том, насколько в каждом конкретном случае можно говорить о "правовом законе". Бюрократия наша становится цивилизованной. По крайней мере, пытается стать. Но тут выясняется, что все это не теория, а культура, которая воспитывается веками, что общество ни к чему этому не готово или, во всяком случае, в разных своих ареалах находится в катастрофически разной стадии готовности к такому типу социального порядка. Молодые философы и политологи начинают говорить о необходимости внедрения канона "хронополитики", ставящей во главу угла фактор времени, необходимость специальной работы по связыванию социальных фрагментов, находящихся в разных временах и движущихся на разных скоростях.

Но заглядывать так далеко в будущее автор не рискует.

P.S.

ЭКСПЕРТЫ "МОСКОВСКИХ НОВОСТЕЙ" ДЛЯ ЖУРНАЛА "ЕСЛИ"

Возможно ли "цивилизовать" отечественную бюрократию?

Георгий Сатаров, *руководитель центра прикладных политических исследований "Индем":*

- Трагедия, связанная с отечественной бюрократией, состоит в политизации бюрократии. Основная причина заключается в том, что законодательно не регламентированы процедуры принятия политических решений. Это приводит к тому, что, во-первых, размывается ответственность за эти решения, а во-вторых, к принятию решений допускаются клерки. И они, естественно, в первую очередь реализуют свои собственные интересы.

Из этого диагноза вытекает и способ лечения. Любые политические институты, которые у нас создаются (Госсовет и пр.), должны формироваться не под людей и не под ситуации, а под законодательно установленные процедуры принятия политических решений. И только тогда политики и клерки будут "разведены", и все начнут, наконец, заниматься своим делом. Такая законодательная регламентация, в частности, предусматривает административную и уголовную ответственность за нарушение процедуры. Тогда клерку будет неповадно задерживать своей властью какие-то бумаги и вносить в них несинтаксические исправления.

Лев Овруцкий, *политолог:*

- В отечественной истории нет реформатора, который бы не пытался внушить чиновничеству некое подобие бескорыстия и уважения к закону. Петр Великий рвал ноздри, Ленин – расстреливал, но в конце концов вынужден был признать, что "аппарат – дерьмо". С этим выводом следует смириться – ныне и во веки веков. Есть болезни, с которыми живут, – долго, хотя и не очень счастливо. Лечить их можно и нужно, как лечат безнадежных, – из человеколюбия и не питая иллюзий. Вряд ли в обозримом будущем мы сумеем цивилизовать это крапивное семя, по крайней мере, не ранее, чем цивилизуется весь остальной, то есть, нечиновный люд. Смешно слышать жалобы деловых людей, всегда по российской привычке готовых "дать", на обилие желающих "взять".

Что же касается политики, то ссылки на сопротивление бюрократии особенно громко звучат тогда, когда сама власть пребывает в замешательстве. Самое разумное – идти вперед, учитывая косность и коррумпированность аппарата как величину постоянную. Оглянитесь хотя бы на перестройку: переменилось решительно все – а ведь какой могучий был аппарат. Аппаратище!

Ксения Мяло, *историк:*

- А какой, собственно, смысл, вкладывается в понятие "цивилизовать", "цивилизованный"? Ведь оно одно из самых сложных, хотя у нас сейчас считается, что все понимают его одинаково. У Шпенглера и Бердяева, например, цивилизация означала состояние общества, состояние старения и творческого упадка. Культура, напротив, достояние юных, восходящих народов, нередко называемых варварскими. Как видим, эмоциональный плюс здесь не на стороне цивилизации. А ведь восходящие народы нередко тяготеют к жестким, авторитарным формам правления. Впрочем, от них не застрахованы и стареющие. История человечества много сложнее и суровее, нежели представляется сегодня у нас массовому сознанию, которому при слове цивилизация рисуются, главным образом, полные магазины и, как приложение , некие туманные права человека. Почему я уделяю этому столько внимания? Потому что, пока мы не преодолели эту инфантильную стадию новой идеологизации, ни о каком нормальном политическом строительстве не может идти речи, а, стало быть, и об избавлении от бюрократии в дурном смысле этого слова, то есть, от прослойки недобросовестных коррумпированных управленцев, живущих за счет гражданского несовершеннолетия общества.

Век без легенд

Туманные прозрения оракулов и предсказателей служили по большей части для подтверждения замыслов властителей. Картина грядущего века, нарисованная французским футурологом Тьерри Годеном и солидной командой специалистов, не преследует такой цели. В отличие от успокоительных официальных выступлений, работа директора Центра прогнозирования и исследований министерства науки вызывает тревогу.

В „лучшем из миров" единая сеть персональных компьютеров и трансплантированные электронные микросхемы обеспечивают телеработу на дому и мгновенную связь. Однако рост городов и отступление культуры приведут к формированию класса „городских дикарей". На вершине социальной пирамиды воцарится некомпетентность; в силу неспособности принимать верные решения власти превратятся в заложников наркобизнеса и различных мистических учений. Мафия, не довольствуясь отмыванием „грязных денег", укрепит свое влияние в международной финансовой системе.

Начало подобного процесса легко увидеть уже сегодня. Но автор не столь пессимистичен, чтобы считать свое предвидение окончательным. С его точки зрения, ситуация социального кризиса долго не просуществует, и общество войдет в новую эру.

Хотя бы инстинкт самосохранения подскажет власти необходимость общепланетных культурных программ для того, чтобы поделиться знаниями с „неграмотными" современниками. Осознание предела возможностей земного шара неизбежно поставит технологию на службу человеку: расцветут приморские города; военно-промышленный комплекс успешно переориентируется на защиту окружающей среды.

В отдаленном будущем Тьерри Годен предсказывает возврат к внутренним ценностям, мягкосердечию, предвидит наступление эры женщины. Новая цель – в освоении каждым своей собственной личности, когда воображение, обогащенное технологическим прогрессом, становится основой творчества.

Самое время задуматься

Американские эксперты по занятости населения полагают, что в последнем десятилетии XX века на первый план выйдут следующие профессии:

- инженеры по созданию новых материалов, так как необходима целая армия одаренных экспериментаторов, которые станут создавать специфические материалы и вещества для дальнейшего творчества инженеров и конструкторов в самых разных областях науки и техники; потребуются принципиально новые керамические материалы, полимеры и высокотемпературные сплавы;

– диетологи, точнее диетологи-изобретатели, которые займутся созданием новых пищевых продуктов, ибо современный потребитель в промышленно развитых странах стал капризен и предъявляет к пище высочайшие требования – она должна быть не только вкусна, но и проста в приготовлении, достаточно экзотична и не отпугивать необычными вкусовыми ощущениями, не содержать вредных веществ и примесей и быть полезной;

– фармацевты-радиологи, которые выведут на новый уровень диагностику при помощи радиофармакологических средств;

– инженеры-экологи, которым придется на практике решать головоломные проблемы, как снизить уровень загрязнения окружающей среды, как дешево и эффективно уничтожать промышленные выбросы и отходы.

Другие профессии, представители которых могут не волноваться о том, что останутся без работы: биотехнологи, статистики и администраторы в системе здравоохранения.

Из пушки, но не на луну

Похоже, что разговоры об аппаратах с лазерным двигателем перестают быть досужими фантазиями изобретательных писателей. Ученые одного из американских политехнических институтов всерьез утверждают, что лазерный космолет способен доставить пассажиров на орбиту, обогнуть половину земного шара и прибыть из Нью-Йорка в Сингапур за 45 минут.

По словам Лейка Н.Мирабо, ассистента профессора на кафедре инженерной механики, первый беспилотный „лазеролет" можно вывести на орбиту уже через шесть лет, а аппарат с человеком на борту совершит пробные полеты в начале грядущего века.

Гарантия реальности этого прогноза – то, что исследования ведутся при мощной финансовой поддержке НАСА. К работам студентов в США относятся без иронии. Так вот, Мирабо с группой студентов спроектировал летательный аппарат, который достигает безвоздушного пространства в три этапа. Сперва его выстреливают из пневматической пушки, затем он набирает высоту в атмосфере при помощи лазерной установки. И, наконец, на орбиту его выводит ракета с жидким топливом – скорее всего, азотным. Воспламенятся топливо опять-таки благодаря лазеру.

На втором этапе аппарат будет получать энергию от лазерной силовой установки с земли. Поэтому кораблю не потребуются большие запасы топлива на борту – можно конструировать транспортный аппарат небольшого размера и достаточно дешевый. Мирабо предсказывает, что корабли с лазерным двигателем станут основным межконтинентальным средством транспорта в будущем веке. Что ж, через шесть лет мы сможем узнать, прав ли он хотя бы отчасти.

Шумим, братец, шумим...

Против шума шумят не первый год. Десятки фирм и университетских исследовательских групп уже многие годы ведут поиск средств борьбы с этим бичом двадцатого века.

Самый радикальный выход – если уж не шуметь современная цивилизация не умеет – гасить шум с помощью шума. Принцип немудрящий, достаточно знать физику в школьном объеме, чтобы его понять: любую звуковую волну можно уничтожить с помощью точно такой же волны, только с зеркальной амплитудой. Создать волну-губительницу относительно несложно. Загвоздка в том, что любой шум – это великое множество волн с различной частотой, которая к тому же постоянно „плывет". Проблема, которая легко решается в теории, оказывалась на деле неразрешимой.

На помощь пришел компьютер, который способен успеть зафиксировать все „выкрутасы" волн шума и противопоставить каждой зеркальную волну-губительницу. Крупнейшая шведская компания „Электролюкс" предложила глушить шум бытовых приборов – стиральных машин, дрелей, миксеров, кофемолок.

Одновременно пришло сообщение, что американская группа ученых завершает работы по глушению шума на аэродромах. Так что фантастам пора воображать грядущий мир царством идеальной тишины, которая не снилась и первобытному человеку.

Так что же хуже?

Компьютерные модели показывают, что примерно в середине следующего столетия произойдет удвоение содержания диоксида углерода в атмосфере и, следовательно, повышение температуры на планете.

Однако, согласно оценкам в США, для оправдания этого прогноза в стране в течение длительного времени понадобится ежегодно открывать новые нефтяные месторождения мощностью 20-25 миллиардов баррелей, что, мягко говоря, маловероятно.

Возможности добычи угля в остальном мире ограниченны, а с учетом вероятного снижения глобальной добычи нефти, повышение температуры вряд ли будет столь угрожающим. Так что ученых все больше начинает беспокоить другая сторона вопроса - будет ли вообще достаточно топлива для человечества после 2050 года, когдв население земного шара удвоится?

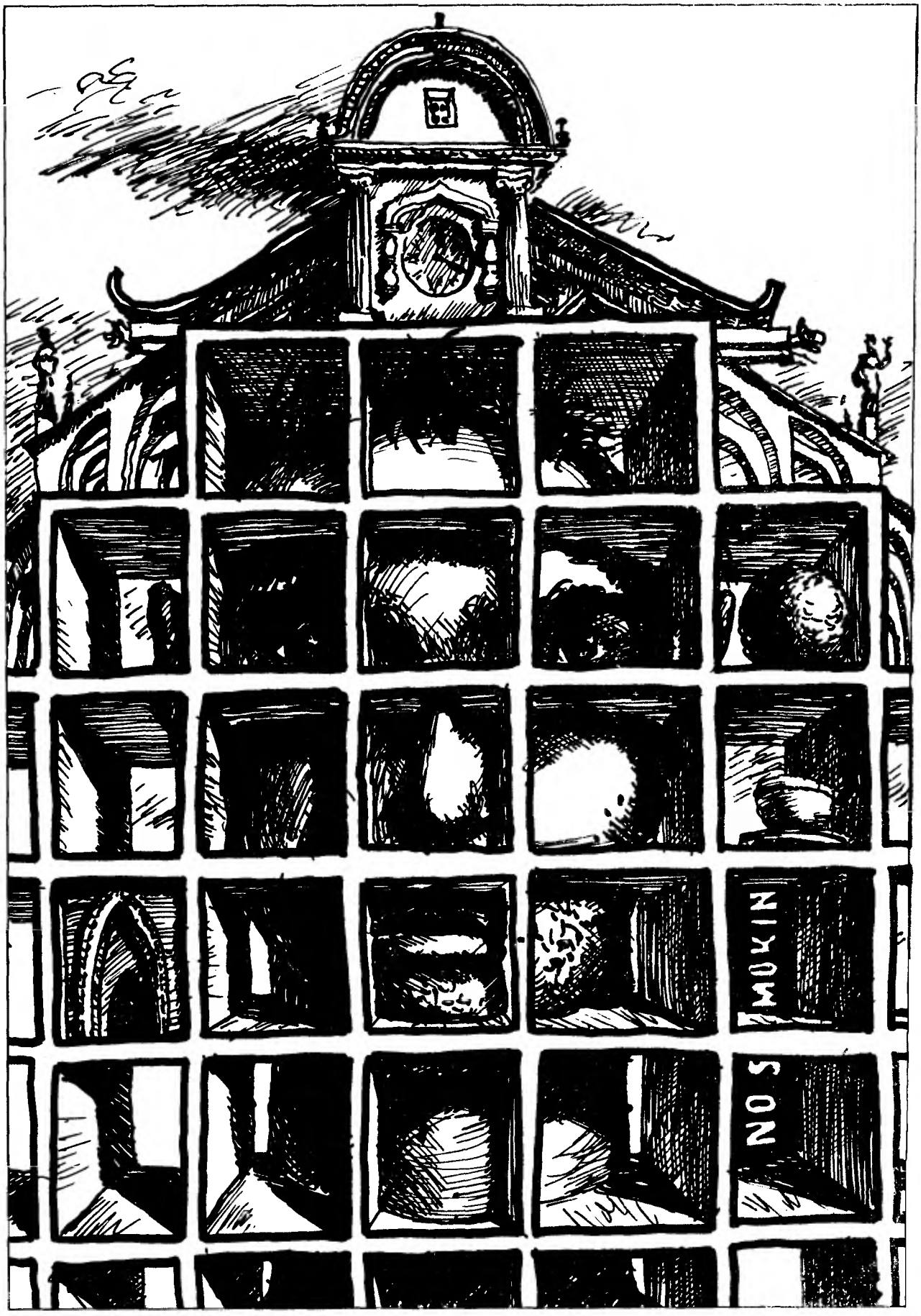


Иллюстрация Юрия Боксера

Роберт Шекли

Рабы времени

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один.

Чарли Глейстер изобрел машину времени, но изобрел ее неправильно, поскольку машина, размером с коробку из-под обуви, не хотела работать. Она странно жужжала, мигала красными и зелеными лампочками – больше ничего. Машина Чарли была хорошей жужжалкой и мигалкой, но как машина времени никуда не годилась.

Итак, прекрасным сентябрьским днем Чарли находился в своей лаборатории в подвале дома на Эппл-стрит в городке Харвест Фолз, штат Индиана, копаясь в своей машине и произнося вслух фразы, типа: "Фактор смещения колебаний... коэффициент отражения вторичной силы... регенерация основной фазы.." Именно на таком языке говорят сами с собой гении, а Чарли, безусловно, был гением, хотя отец Миры считал его психом. Отец Миры был главным банкиром в Харвест Фолзе, а также психиатром-любителем. Мира была невестой Чарли. В настоящее время Мира каталась на машине с Картером Литлджоном, в прошлом футболистом местной команды, сейчас продавцом локомотивов, а в будущем отцом незаконной дочери Миры.

У Глейстера был дядя Макс, проживавший в Ки Весте, но не имеющий отношения к этой истории. И вообще, никто не имеет отношения к этой истории, кроме Чарли Глейстера, который играет в ней чересчур главную роль или, точнее, слишком много ролей.

Итак, он сидел за своим рабочим столом, собирая воедино крошечные детальки и постоянно чертыхаясь, в надежде, что его осенит какая-нибудь идея или хоть что-нибудь произойдет.

И "что-нибудь", действительно, произошло. Голос за его спиной произнес:

– Прошу извинить...

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один плюс два.

Глейстер почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Он сжал в руке микромер весом примерно в тридцать грамм и медленно обернулся.

– Не хотел вас пугать, – сказал стоящий за его спиной человек, – но другого выхода не было. Я прибыл по чрезвычайно важному делу.

Чарли расслабил руку, сжимавшую смертоносное оружие. Человек не был похож на наркомана. Высокий и худощавый, примерно одного возраста с Чарли, он держал белую пластиковую коробку, на крышке которой было полно всяких индикаторов, переключателей и кнопок. Он явно кого-то напоминал...

– Мы с вами не знакомы? – спросил Чарли.

– Вообще-то, я – это ты, – сообщил незнакомец. – Или ты – это я. Или, точнее, мы оба являемся Чарли Глейстерами, существующими в различных временных рядах.

– Разве это возможно? – спросил Глейстер.

– Довольно странно слышать подобный вопрос от тебя, – сказал другой Глейстер, – ведь ты первый изобрел машину времени и, стало быть, являешься ведущим мировым экспертом по этим вопросам.

– Но я еще не изобрел ее: машина-то не работает.

– Изобрел. Или скоро изобретешь, что, в принципе, одно и то же.

– Ты уверен? У меня тут кое-что не ладится. Может, подскажешь, что надо делать?

– Конечно, – ответил другой Глейстер. – Главное, запомни: реальность позициональна, и сначала ничего не происходит.

– Спасибо, – с сомнением в голосе сказал Глейстер. – Ну-ка, правильно ли я все понял. Значит, скоро я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно и встречусь с самим собой до того, как изобрету машину времени.

Другой Глейстер кивнул.

– Все это давольно странно, не так ли? – спросил Чарли.

– Ничуть, – ответил другой Глейстер. – Ты вернешься, чтобы убедить себя не изобретать машину времени.

– Подожди! – взмолился Глейстер.– Давай начнем сначала. Я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно, чтобы убедить себя не изобретать машину времени. Этим я и буду заниматься?

– Да. Только не надо больше называть нас обоих "я". Мы конечно, оба Чарли Глейстеры, но мы

также являемся отдельными независимыми индивидуумами, так как занимаем различные временные ряды и были/есть/будем подвергаться различным воздействиям субъективного времени. Итак, хотя мы один и тот же человек, мы разные люди, так как время позиционально.

– Мне придется поверить тебе на слово, – сказал Глейстер. – Или себе на слово... Я, похоже, немного нервничаю... Почему я не должен изобретать машину времени, которую я изобрел?

– Потому что она принесет только вред.

– А конкретнее нельзя?

– Ты просто поверь. Тем более, что мне пора уходить. Находясь с тобой в прошлом, я создаю регрессивный временной парадокс, который может длиться только несколько минут, а затем самоликвидируется.

Другой Глейстер тускло замерцал и исчез.

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один.

После исчезновения другого Глейстера Чарли понадобилась ровно одна секунда, чтобы принять решение все же изобретать машину времени. Ему не нравилось выполнять приказы, даже если они исходили от того, кто называет себя тобой.

Чарли тут же принялся за работу и, зная теперь, что реальность позициональна, закончил все за два часа. Сначала ничего не произошло, как не происходит ничего, когда вы пытаетесь изобрести что-нибудь новое. Конечно, если сначала ничего не происходит, встает вопрос, а произойдет ли что-нибудь вообще. Но это чисто семантическая трудность. В вечной повторяемости субатомных конфигураций, подобием которой и является наш мир, нет ни начала ни конца. Есть только середины, повторения и продолжения.

Таким образом, у Чарли была работающая машина времени, размещенная в коробке из белого пластика, и он собирался отправиться в будущее. Но как? Будем считать, что время и пространство суть потенциально равнозначные величины. Они могут трансформироваться друг в друга при помощи машины времени. Возьмем простую аналогию. У вас пять апельсинов и три яблока. Вы хотите сложить их вместе. Чтобы это сделать, вам надо сначала превратить апельсины в яблоки, или яблоки в апельсины, или то и другое превратить во что-нибудь еще. Формулой превращения яблок в апельсины является: Вкус разделить на Запах плюс корень квадратный из Цвета умножить на Семена во второй степени. Точно так же вы управляете пространством-временем, используя соответствующую формулу. Разумеется, практическое решение намного сложнее, и только Чарли Глейстер мог заставить машину работать.

Глейстер установил на пульте машины границу продвижения в будущее. Затем он нажал на кнопку. На какое-то мгновение у него закружилась голова (эффект квазитуры), и он, первый в мире путешественник во времени, оказался в невообразимо далеком будущем.

Первое, что он увидел, был полицейский.

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один, вариант А.

...решил держать глаза и уши открытыми, а рот на замке. Первое, на что я обратил внимание, был эффект приспосабливаемости, регулировавший мое восприятие и опыт. Все вокруг было таким знакомым! Ландшафт в любой части вселенной примерно один и тот же, потому что сразу чувствуешь себя местным жителем.

Лингвистических трудностей никаких. То ли они говорят на моем языке, то ли я на их. Я нахожусь в городе Мингусвилль 32 S. На улицах встречаются, по крайней мере, четыре типа полицейских – муниципальная полиция, политическая, секретная и специальная. Сам я – непальский студент, работающий над дипломной работой "Экстаз конформизма". Я учусь на факультете социологии.

Мингусвилль 32 S – это унылый городок, где можно наблюдать некоторые технологические атавизмы: автомобили с паровым двигателем, работающем на кизяке, множество повозок, приводимых в движение животными – ослами, быками и даже верблюдами.

Система коммуникаций в Мингусвилле находится в зачаточном состоянии, и только у высших чиновников есть телефоны. Электричество дорогое, его явно не хватает. Оборудование станций дышит на ладан. По моим подсчетам, две трети семей пользуются керосиновыми лампами. Здесь нет строений выше трех этажей. Кое-где деревянные постройки обложены кирпичом и покрыты черепицей. В центре города располагается рынок под открытым небом, а рядом – полицейские казармы. Мне кажется, что жизнь здесь скучна и однообразна.

Единственное, что заслуживает интереса, это правительство. Миром правит один человек – император Мингус, создавший настоящее полицейское государство, где все следят друг за другом. Повсюду расставлены камеры и записывающие устройства, армия работников просматривает мили пленки, другие контролируют тех, кто просматривает, и так далее. И всех контролирует Император Мингус. Я бы в жизни не поверил, что такая общественная система возможна, но у Мингуса это здорово получается.

Говорят, он владеет секретным оружием. Похоже, что это машина времени. Если что-нибудь происходит вразрез с его желанием, он может (в рамках естественных ограничений) отправиться в прошлое и внести изменения. Особенно ловко он расправляется с лидерами подпольной оппозиции. Для этого ему совершенно не обязательно прочесывать город или страну. Он всегда может вернуться в

тот момент, когда они еще не ушли в подполье, и ликвидировать вожаков.

Мне говорили, что машина похожа на обувную коробку из белого пластика. По ночам люди проклинают Глейстера, того самого, что изобрел эту машину. Слово "глейстер" вошло во все языки. "Я тебя заглейстерю" стало самым грубым ругательством, а "проклятый глейстер" - самым страшным оскорблением.

Много любопытного можно узнать об этом месте, но нет времени. Я только что узнал, что я - Абсолютный Глейстер и заглейстерил весь человеческий род. Я должен что-то предпринять.

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один, вариант А, продолжение 12 плюс Главная последовательность Глейстера; временной ряд номер 5 плюс второстепенная цепь последовательности Глейстера 32.

Глейстер сел на скамейку в Мемориальном парке Мингуса, чтобы все хорошенько обдумать. Что он должен сделать? Сначала ему пришла в голову мысль, что необходимо вернуться в то время, когда он еще не изобрел машину времени, и не изобретать ее. Но вряд ли это возможно, если исходить из результата встречи с другим Глейстером. Вы не можете вступить в одну реку дважды: это будет уже не тот человек, который не может вступить в одну реку дважды. Все изменяет все. В прошлом не осталось никакой ниши, которую Глейстер мог бы занять по возвращении. Природа терпит парадоксы, но не терпит пустоты.

Ведь ему надо будет убеждать не одного Глейстера; теперь в прошлом было множество потенциальных Глейстеров, идентичных с ним в момент контакта и иных в следующую секунду.

Но он не мог смириться с тем злом, что принес миру. Он был полон решимости что-то предпринять. Но что?..

Он недовольно подумал, что, по крайней мере, один Глейстер что-то попытался предпринять. Сколько же еще таких Глейстеров ломают головы в поисках выхода?

С одной стороны, существовало (потенциально) множество Глейстеров, но, с другой, он был ***единственным***, был самим собой. Поэтому какая разница, как другие называют себя и откуда взялись. Он был самим собой и ощущал себя таковым. Реальность позициональна, "эго" - относительно, а природа не имеет дело с абстракциями.

Но что мог сделать лично он? Он мог остаться здесь в будущем (которое было настоящим), стать местным жителем и ждать удобного случая, чтобы свергнуть Императора.

Он мог отправиться на пятьдесят или сто лет назад, когда Мингус еще не пришел к власти, найти будущего Императора и убить его.

Если же Мингус сумел обезопасить себя при помощи машины времени, Глейстер мог создать организацию сопротивления еще до того, как Император взошел на трон.

Глейстер поднял голову - рядом с ним на скамейку присел человек. На вид лет пятидесяти, с густой бородой, скромно одетый. В руках он держал чемоданчик.

- Вы здесь новенький? - спросил незнакомец.

- Можно сказать и так, - нехотя признался Глейстер. - Я студент.

- Откуда?

- Из университета Восточной Бенгалии. Из нового, а не того, который был раньше. Я здесь продолжаю учебу. - Хватит болтать, приказал он себе.

- Да, студенческие годы - самая лучшая пора, - сказал незнакомец, улыбаясь. - А я вот учился в университете Огайо.

- Да? - сказал Глейстер. Он чувствовал себя неуютно. Ведь он тоже учился в университете Огайо.

- А вы знаете, - неожиданно сказал человек, - у меня есть точно такая же коробка, как и у вас. - Он открыл чемоданчик. На красном бархате лежала точно такая же белая пластиковая коробка, а рядом - автоматический пистолет.

Человек схватил пистолет и направил его на Глейстера.

- Ну-ка, давай сюда свою, - потребовал незнакомец. - Только осторожно, и не пытайся нажимать на кнопки.

- Кто вы? - спросил Глейстер.

- В разных уголках земли меня знают под разными именами, - сказал человек. - Но, вообще-то, чаще всего меня называют Мингусом.

- Вы - Император! - воскликнул Глейстер.

- К вашим услугам, - ответил Мингус. - А теперь давай коробку. И без резких движений.

Палец Глейстера застыл на кнопке включения. Он видел, что Император напряженно следит за его рукой, поощряя нажать на кнопку. Но Глейстер помнил, что между включением и физическим перемещением существует небольшой интервал. Он решил не испытывать судьбу. Медленно он поднял коробку.

И тут Глейстер заметил слабое мерцание за спиной Императора.

- Послушайте, - сказал он, пытаясь потянуть время, - может, мы все обсудим? Возможно, мы найдем компромисс?

- Что это ты задумал? - палец Мингуса, лежащий на спусковом крючке пистолета, напрягся. По движению глаз Глейстера он понял: что-то происходит. Мингус повернулся в тот момент, когда за его спиной возник другой Глейстер.

Император выстрелил в материализовавшегося Глейстера, но это не принесло тому никакого вреда. Чарли Глейстер увидел слабое красное сияние вокруг фигуры и тут же понял: это не человек из плоти и крови; опытный наблюдатель сразу бы заметил, что это уплотненное псевдодопплеровское отражение, возникшее вследствие перехода Глейстера из одного времени в другое.

Император стремительно повернулся к Глейстеру, но тот уже успел нажать на кнопку включения.

Главная цепь последовательности Глейстера, временной ряд номер один подуровень первый, закрытая петля малой вероятности 12.

Все летит кувырком, когда вы спешите. Чарли Глейстер с такой силой нажал на кнопку, что вышла из строя цепь ограничителя. Необузданная сила, возникшая в машине времени, превратила первичные цепи в ускорители. Энергия залила все цепи Н-пространственных времен прошлого/настоящего/будущего, затем обнаружила новые выходы и отбросила Глейстера во вселенную маловероятной реальности.

Когда Глейстер пришел в себя, он стоял на гладкой пустынной равнине. Он услышал тихую меланхоличную песню, которая, похоже, исходила от куска известняка, валявшегося около его правой ноги.

– Это ты поешь? – спросил Глейстер.

– Да, приятель, это я пою, – ответил известняк глубоким скорбным голосом. – Я пою блюзы с того времени, как возник этот мир.

– А как давно это случилось? – спросил Глейстер.

– Лет триста назад, насколько я могу об этом судить. Ты можешь мне сказать, где и для какой надобности существует это место?

– Попытаюсь, – ответил Глейстер. – Скорее всего, мы находимся в маловероятной вселенной. Малая и большая вероятности – это термины статистической интуиции относительно нашего опыта и, разумеется, знаний. Пока понятно?

– Не очень, приятель, – откликнулся известняк. – Может, ты переведешь это на обычный английский?

– Ну... В моем случае произошел большой выброс энергии и зашвырнул меня сюда.

– Эге, то же самое, кажется, случилось и со мной, – сказал кусок известняка. – До сих пор никак не могу понять, как я попал сюда из клуба "Вигвам" в Хиросиме, где я играл на саксофоне. У тебя есть какие-нибудь соображения, как нам отсюда смотаться?

– Я думаю, нам просто стоит подождать, пока это не случится само собой, – сказал Глейстер. – Во вселенной с нормальной вероятностью у нас было бы мало шансов. Но во вселенной, где малая вероятность является законом, все наоборот, и наши шансы выбраться отсюда весьма велики.

– Еще бы, – сказал известняк. Его голос так и сочился сарказмом. Можно было брать его ножом и намазывать на тибетский ячменный хлеб, что появился на дубовой скамейке.

Мир Глейстера был подходящим местом. Здесь хватало девушек, которые постоянно спрашивали: "Эй, это Катманду?" Неподалеку высилась леденцовая гора, и было видно лимонную фабрику.

Глейстер даже немного огорчился, когда в небе появилась надпись: "Все, хватит, ребята". Он быстро попрощался с куском известняка, который оказался на самом деле антиглейстерной частицей, и с девушками, которые на самом деле были антиглейстерными волновыми формами. Затем он задержал дыхание и перенесся во времени.

Главная цепь последовательности Глейстера, множественные соединения временного ряда.

Глейстер появился в большой пыльной аудитории, битком набитой народом. Она находилась (как он позже узнал) в Крич-Кридарине, недалеко от развалин Норфолка. До коронации Императора Мингуса оставалось 234 года.

В аудитории было не менее ста человек. Большинство из них оказались похожи на Глейстера, что и понятно, ведь все они были Глейстерами.

Чарли Глейстер догадался, что Глейстеры хотят провести собрание, но не знают, как это сделать. Очевидно, им был нужен председатель. Но как можно избрать председателя, когда нет партии? И какая же партия без председателя? Это была сложная проблема, особенно для Глейстеров, которые никогда не были сильны в политике.

Все повернулись к Глейстеру в надежде, что у новичка есть свежие идеи.

– Ну, – сказал Чарли, – я когда-то читал, что у индейцев племени Плоскоголовых самый высокий воин возглавлял охоту. А, может, это было у индейцев из племени Бритоголовых.

Все остальные Глейстеры закивали. Конечно, все они знали об этом, просто не пришло в голову.

Тут же нашли самого высокого Глейстера, избрали его председателем ad hos u pro tem и усадили в президиум.

– Объявляю заседание открытым, – сказал самый высокий Глейстер. – Но прежде чем мы приступим к делу, я хочу предупредить: мы не можем все называться Чарли Глейстерами. Это создаст слишком большую путаницу. Чтобы избежать недоразумений, я предлагаю каждому выбрать себе имя.

Раздались одобрительные возгласы.

– Я хочу предложить вам выбрать необычные имена, так как пятьдесят Томов или Джонов ничуть не лучше ста Чарли. Лично я беру себе имя Эгон.

После секундного размышления, Чарли Глейстер (за временным рядом которого мы следим) наз-

вал себя Иеронимусом. Он пожал руку стоящему справа Микеланжело Глейстеру и стоящему слева Чангу Глейстеру. Председатель призвал собравшихся к порядку.

– Члены Глейстерского Сообщества Потенциальных Возможностей, – провозгласил Эгон, – добро пожаловать. Некоторые из вас искали и нашли это место, другие случайно наткнулись на него, третьи оказались здесь, направляясь совершенно в другие места. Непонятно почему, но это место является пунктом сбора Глейстеров. Что ж, пусть так. Я думаю, что выражу общее мнение, если назову это место Пространственно-Временным Центром Сопротивления Императору Мингусу. Мы – единственная серьезная угроза его правлению. У многих из нас были необъяснимые несчастные случаи до того, как мы изобрели машину времени. Некоторые из них наверняка дело рук Мингуса. Можно ожидать и дальнейших покушений. Итак, ваше мнение?

В зале поднялся человек, назвавшийся Чалмерсом Глейстером.

– Кто-нибудь знает, откуда вообще взялся этот Мингус?

– Насколько я понимаю, нет, – ответил Эгон Глейстер. – Он довольно успешно скрывает свое происхождение. В официальной биографии сказано, что Император родился в Кливотере, штат Флорида, и является единственным ребенком Антона и Миры Вальдхайм.

– Кто-нибудь проверял это? – спросил Чалмерс.

Поднялся другой человек.

– Я Маркос Глейстер. Я провел исследование и готов сообщить: Кливотер был разрушен за тридцать лет до начала империи Мингуса, когда взорвался реактор в Сэйдж-Крик.

– А вы не пытались побывать в Кливотере до того, как город был разрушен?

– Пытался, – сказал Маркос, – но ничего не обнаружил. Может, семья Вальдхаймов не жила там в то время, или данные о ней были позже засекречены, или Мингус использовал Кливотер как прикрытие.

Началась дискуссия. Все Глейстеры имели далеко не полное представление о путешествиях во времени, ответвлениях, ограничениях и последствиях. Также они не могли прийти к единому мнению относительно характера времени, его типов и аспектов – субъективного времени, объективного времени, прошедшего времени, будущего времени, множественных временных рядов, парадоксальных скрещиваний и расхождений цепей последовательности. Что было прошлым и что будущим? Было ли это все лишь игрой воображения – мнимые границы на однородной плоскости? А если так, то как мог тогда ориентироваться путешественник во времени? Это было похоже на сумасшедшие шахматы, когда каждый игрок мог в любое время исправить предыдущие ходы в партии, которая, вероятно, закончилась еще до того, как началась.

Иеронимус Глейстер – все еще наш герой, несмотря на некоторые трудности в дифференциации и идентификации, – не обращал на полемику никакого внимания. Он изучал собравшихся, поскольку все Глейстеры казались ему не менее удивительным явлением, чем путешествие во времени.

Возраст Глейстеров колебался от двадцати до шестидесяти лет. У всех был один соматический тип. Но различий оказалось гораздо больше, чем сходства.

Каждый Глейстер испытавал одинаковое влияние среды, но при различных субъективных обстоятельствах. Одни и те же события происходили в различные моменты психовремени, рождая в каждом новые и неожиданные конфигурации характера, изменявшие его так, что он становился непохожим на других Глейстеров.

Здесь были храбрые Глейстеры и трусливые Глейстеры, активные и флегматичные, общительные и замкнутые, умные и не очень.

Пока он размышлял об этом, один из присутствующих, назвавшийся Мордехаем Глейстером, попросил слова. Эгон пригласил его на трибуну.

– Буду краток, – сказал Мордехай. – Мне кажется, что мы избрали несколько однобокую оценку действий Императора. Мы упорно стоим на том, что он преследует дьявольские цели. Но разве это очевидно? Допустим, что...

Иеронимус Глейстер уставился на выступавшего. Где-то он уже видел этого уверенного, бородатого человека лет пятидесяти. Но где?

Внезапно он вспомнил.

Иеронимус Глейстер вскочил и побежал к сцене.

– Хватайте его! – закричал он. – Это Мингус! Это Император!

Поколебавшись, Эгон принял решение. Вместе с Иеронимусом он двинулся к Мордехаю. Несколько других Глейстеров тоже полезли на сцену.

Мордехай вытащил из кармана автоматический пистолет и взял на мушку Эгона.

– Пожалуйста, вернитесь на свои места, – сказал Мордехай. – Все, кроме председателя Эгона и этого молодого человека, чьи жизни зависят от вашего поведения. Я хочу сделать заявление.

Улыбнувшись, он сказал:

– Мои дорогие братья и верные подданные, Император Мингус приветствует вас.

Соединение главных линий номер два.

–Дело в том, – сказал Мингус, – что я изобрел машину времени и отправился в далекое будущее. Мир, куда я прибыл, оказался диким и примитивным. Множество крошечных королевств враждовали друг с другом. И я решил изменить его. Те, кому довелось увидеть маленькую часть моей империи, составили неблагоприятное мнение о ней. Но не судите поспешно. Вы забыли, с каким исходным ма-

териалом мне пришлось работать. Уверяю вас, что моей главной целью является всеобщий мир и благополучие. И политические свободы тоже, конечно, когда люди поумнеют и сумеют правильно пользоваться ими. Вы полагаете, что моя империя похожа на диктаторские режимы Африки и Латинской Америки, существовавшие в двадцатом веке. Согласен. Но когда я захватил этот мир, в нем царил хаос, и сила являлась единственным законом. Я дал людям ощущение уверенности и стабильности, чтобы построить цивилизацию.

Все мы – продукт американской демократии. "Империя", "император" – это для нас грязные слова. Но что, по-вашему, мне оставалось делать? Дать право голоса рабам и крепостным, отобрать землю у латифундистов? Даже с машиной времени я не продержался бы и недели. Может, мне стоило прочитать им лекцию о равенстве? Народ убежден, что равенства не существует, а справедливость -привилегия правящего класса.

Демократия не является естественным законом. Люди должны научиться демократии. А это слишком трудный и непонятный предмет для тех, кто привык сбиваться в волчьи стаи под предводительством вожака. Эффективная демократия подразумевает бремя ответственности и терпимость к другим.

Что бы вы предприняли на моем месте? Ужаснулись бы разрухе и нищете и поспешили вернуться в свое счастливое прошлое? Или остались бы в надежде установить демократию, и вас бы свергли при первой же возможности? Или все-таки пошли по моему пути: создали бы ту единственную политическую структуру, которая только и доступна этому народу, постепенно приучая его к таким сложным категориям, как свобода и ответственность?

Я сделал то, что полагал наиболее эффективным. Стал управлять этим обществом. Но затем вы, Глейстеры, мои вторые "я", мои братья, стали появляться из прошлого, чтобы убить меня. Я попытался похитить некоторых из вас и перевоспитать. Но Глейстеров было слишком много, и я не мог справиться сразу со всеми.

Я постарался быть предельно откровенным с вами. Поэтому прошу вас, умоляю, помогите мне превратить дикую и нищую Землю в тот мир, о котором мы все мечтаем.

Воцарилась долгая тишина. Наконец председатель Эгон сказал:

– Я полагаю, что вы во многом прояснили картину.

– Разве вы забыли, что сами видели в будущем? – спросил Иеронимус. – Всеобщая подозрительность, нищета, полиция! – Он повернулся к Мингусу. – Почему вы не оставите этих людей в покое? Мне все равно, какие порывы движут вами. Разве на Земле мало было всяких императоров, диктаторов, генералиссимусов, цезарей и прочих правителей? Многие лелеяли благородные замыслы, но людям становилось только хуже.

Собравшиеся молчали. Иеронимус продолжал:

– В любом случае, это время вам не принадлежит, оно принадлежит тем, кто существует в нем. Вы прибыли сюда из счастливого двадцатого века и пытаетесь навязать им свои политические решения. В сущности, Мингус, вы действуете как заурядный колонизатор.

Мингус, казалось, был потрясен.

– Мне надо подумать об этом. Я искренне полагал... – Он раздраженно покачал головой. – Странно... – сказал он, – что все мы являемся одним человеком, а точки зрения у нас абсолютно разные.

– В этом нет ничего странного, – ответил Эгон. – Даже в одном и том же человеке сосуществует несколько личностей.

– Предлагаю голосовать, – сказал Иеронимус. – Необходимо решить, что делать нам, Глейстерам.

– Брать власть – это большая ответственность, – сказал Мингус. – Но отдавать власть – ответственность не меньшая. С моей стороны это будет безрассудным поступком.

– Возможно, и нет, – сказал Эгон. – Может быть, вам и думать об этом не стоит.

– Почему же? – спросил Мингус.

Улыбнувшись, председатель сказал:

– Я думаю, вы неправильно оцениваете события. Появившись здесь, вы перестали быть Императором. Так что вам не о чем теперь беспокоиться.

– Что Вы хотите сказать? Кто же теперь настоящий Император?

– Настоящего Императора не существует, – пояснил Эгон. – Существует Глейстер, который отправился в будущее, захватил власть и стал Императором. Он увидел, что возникла организация, стремящаяся сбросить его с трона, и вернулся в прошлое, чтобы уничтожить ее. Там он и погиб.

– Эй, поосторожнее, – предупредил Мингус.

– Чего тут осторожничать, – сказал Эгон. – Мы знаем, что путешествие во времени вызывает дупликацию. Один из законов путешествий во времени состоит в том, что сначала ничего не происходит. Вы, мой дорогой Мордехай, имели честь быть первым Императором. Но это не может длиться вечно. Поскольку здесь замешано путешествие во времени, должен появиться второй Император, чтобы возникла линия вероятности существования императоров.

– И вы полагаете, что первый Император должен умереть? – спросил Мингус.

– Или уйти в отставку, – сказал Эгон. – Отдайте мне пистолет.

– Вы хотите стать новым Императором?

– А почему бы и нет? Я Глейстер и потому наследник королевского рода. Дайте пистолет, и я отпущу вас с миром.

– Соглашайтесь, – принялся уговаривать Мингуса Иеронимус. – Он прав: путешествие во времени

требует предопределенного хода событий. Существование второго Императора просто неизбежно.

– Хорошо, – сказал Мордехай-Мингус. – Я отдам вам пистолет. Но так как вы будущий Император, вам должно быть все равно, каким образом я вам его переправлю.

Он направил пистолет на Эгона и нажал на спусковой крючок. И тут на лице Мордехая появилась гримаса боли. Он застыл на месте, затем упал. Пистолет выпал из его руки.

Иеронимус поднял оружие. Наклонившись над Мордехаем, он взглянул на Эгона.

– Мертв.

– Похоже, у нас новый Император, – сказал Эгон.

– Похоже на то, – сказал Иеронимус, подавая ему пистолет.

Цепь Императора Глейстера номер 2.

– Очень любезно с твоей стороны, – сказал Эгон, взвешивая в руке пистолет. – Надеюсь, у тебя нет императорских амбиций?

– Амбиции есть, но не императорские. К тому же у меня предчувствие, Эгон.

– Я больше не Эгон, – сказал председатель. – Чтобы избежать путаницы, я выбираю себе имя Мингус. Так какое у тебя предчувствие?

– Мне показалось, что я слышал голос, который сказал: "Император – раб времени".

– Странно, – криво ухмыльнувшись, заметил новый Мингус. – Ты понимаешь, что это значит?

– Какую-то очередную неприятность.

– Что ж, – сказал Мингус. – Ты одарил меня прорицанием и королевством, спасибо тебе за все, особенно за последнее. Что я могу для тебя сделать?

– Отправляйся править своей империей и позволь всем нам продолжать делать то, что мы считаем нужным.

– Это не очень разумно, – сказал Мингус, – но я согласен. Бог знает, какие могут быть последствия, если я начну убивать Глейстеров. Помни только...

Внезапно рядом с Мингусом материализовался человек. Он был стар, с седой бородой и морщинистым лицом. В глазах его светилась грусть.

– Кто ты? – требовательно спросил Мингус.

– Я – это ты, Эгон. Я – Мордехай, я – Иеронимус, я – все остальные. Я Император, которым ты станешь. Я пришел молить тебя отречься от трона и изменить то, что еще можно изменить.

– Чем вызвана твоя просьба? – спросил Мингус.

– Тем, что Император – раб времени.

– Опять эта чепуха! Кто ты на самом деле?

– Прошу, отрекись от трона!

– Мне надоела твоя болтовня, – сказал Мингус. Он направил на старика пистолет и выстрелил.

Но это не произвело никакого эффекта. Старик раздраженно покачал головой:

– Меня нельзя убить. Реальность позициональна, ты сам это поймешь со временем. А теперь мне пора возвращаться к своему делу.

– А какое у тебя дело? – спросил Иеронимус.

– Все рабы заняты одинаково бессмысленным делом, – сказал старик и исчез.

Мингус недовольно потер подбородок.

– Только этого старого клоуна не хватало в нашей комедии. Иеронимус, а ты-то куда собрался?

Иеронимус настраивал машину времени:

– В путешествие. Навещу одного давнего друга.

– Кого ты имеешь в виду?

– В свое время узнаешь.

– Эй, Иеронимус, подожди! – крикнул Мингус. – Останься со мной и помоги создать настоящую цивилизацию. Обещаю: я буду следовать твоим советам.

– Нет, – сказал Иеронимус и нажал на кнопку.

Соединение главных линий номер четыре.

В этот раз Глейстер очутился возле Крула в последние годы империи Мингуса. Продав кое-что из одежды, он направился в Вашингтон на повозке. Со станции он отправился в Белый дом, резиденцию Императора.

После того, как Иеронимус сообщил свое имя охране, его провели по извилистым коридорам, подняли на лифте, подвели к стальной двери, выкрашенной в пурпурный цвет. Охранник впустил его внутрь.

– Рад снова тебя видеть, – сказал Эгон-Мингус.

– Я тоже, – ответил Иеронимус. – Ну, как дела в империи?

– Не все идет успешно, как ты уже, наверное, заметил. Честно говоря, полнейший развал, – Мингус криво улыбнулся. Он был уже старым человеком, с седой бородой и красными глазами.

– В чем же дело? Глейстеры по-прежнему желают тебя свергнуть?

– Конечно, – сказал Мингус. – Я даже не пытаюсь их остановить. У нас семейная неспособность к политике. Глейстеры ничего не смыслят в интригах. Они прибывают в мою империю в одеждах двадца-

того века, размахивают странным оружием и обращаются к народу с речами, которых никто не понимает. При первой же возможности их передают в руки полиции.

– И что ты с ними делаешь?

– Я их воспитываю.

– Что?!

Мингус поморщился.

– Перестань. Уверяю тебя: я воспитываю их обычными методами – лекциями, книгами, фильмами. Ну, а затем даю возможность поселиться в моей империи.

– И они соглашаются остаться?

– Большинство – да. Надо же им где-то жить, а те места, откуда они прибыли, уже заняты другими Глейстерами.

– Значит, все в порядке? В чем же проблема?

– Неужели ты не понимаешь?.. Первый Глейстер построил машину времени и отправился в будущее. Природа, которая терпит парадоксы, но не выносит пустоты, осталась с дырой в пространстве-времени. Из нормальной структуры выпал Глейстер. Природа, естественно, создала идентичного или почти идентичного Глейстера, взяв его оттуда, где у нее хранятся запчасти.

– Все это мне уже известно, – сказал Иеронимус.

– Но не до конца. Каждый раз, когда Глейстер использует машину времени, происходит смещение, и образуется новая дыра в пространстве-времени, которую природа заполняет очередным Глейстером.

– Теперь начинаю понимать, – сказал Иеронимус.

– У нас здесь полно Глейстеров, – продолжал Мингус. – Есть цепь последовательности Глейстера, который стал Императором, другая цепь последовательности, создавшая оппозиционную организацию, борющуюся с Императором. Есть и иные цепи последовательностей. Каждая цепь последовательности включает в себя путешествие во времени, дублируя Глейстеров. Каждое такое путешествие заканчивается появлением все новых и новых Глейстеров.

Мингус замолчал, чтобы до Иеронимуса дошел смысл его слов. И, наконец, сообщил:

– Глейстеры появляются в геометрической прогрессии.

– Тогда, – заметил Иеронимус, – их, наверное, полным -полно.

– Тебе будет трудно поверить, – заметил Мингус. – С геометрической прогрессией шутки плохи. Сотни становятся тысячами, тысячи – миллионами, миллиардами, квадриллионами. Теперь-то тебе все ясно?

– И куда же они все деваются?

– Они прибывают сюда, – ответил Мингус. – Больше им некуда податься.

– Где же ты их можешь разместить?

– Пока мне удалось кое-как пристроить двенадцать миллионов. Но у империи ресурсы на исходе, а Глейстеры все прибывают и прибывают.

– Неужели это никак нельзя остановить?

Мингус покачал головой.

– Даже если бы армия расстреливала их на месте, мы бы не смогли справиться с таким количеством. Скоро здесь не будет никого, кроме Глейстеров. Вся Земля будет усеяна Глейстерами, а новые все прибывают и прибывают. Император, действительно, раб времени.

– Единственное, что мне приходит в голову, – сказал Иеронимус, – это то, что настоящего Глейстера надо убить прежде, чем он изобретет машину времени.

– Это невозможно. Многие пытались это совершить, но все дело в том, что мы способны встретить Глейстера только после изобретения машины времени. И, кстати, каждый Глейстер, который отправляется в прошлое и возвращается ни с чем, лишь увеличивает прогрессию.

– Понятно.

– Еще какие-нибудь мысли есть?

– Только одна, но вряд ли она тебе понравится.

Мингус терпеливо ждал.

– Как я понял, Глейстеры могут дублироваться до бесконечности. Поэтому должно быть введено ограничение, чтобы каждая цепь последовательностей имела конец.

– Какое ограничение?

– Смерть – это естественное ограничение, – сказал Иеронимус. – Она должна произойти как можно раньше, чтобы повториться одновременно во всех цепях последовательностей, формируя таким образом ограничение и приводя к самозавершению.

– Многие из нас уже умерли, – сказал Мингус, – но это никак не сказалось на нашествии Глейстеров.

– Иначе и быть не могло. Все эти смерти Глейстеров были нормальным завершением индивидуальных временных рядов. А нам нужна смерть ранняя – самоубийство.

– Понятно: для того, чтобы ввести фактор быстрой циркуляции смерти, – задумался Мингус. – Самоубийство... Ну что ж, это будет мой последний императорский акт.

– Не твой, а мой, – поправил его Иеронимус.

– Я все еще Император, – сказал Мингус, – так что это моя обязанность.

– Во-первых, ты слишком стар, – сказал Иеронимус. – Молодой Глейстер должен умереть в самом

начале своего временного ряда.

– Нам надо выбрать кого-нибудь из молодых Глейстеров, – сказал Мингус.

Иеронимус покачал головой.

– Боюсь, это должен сделать я.

– Можешь объяснить почему?

– Не считай меня эгоистом, но должен сказать, что я – настоящий Глейстер и только мое самоубийство может положить конец тому, что я начал.

– А откуда ты знаешь, что ты настоящий Глейстер?

– Интуиция подсказывает.

– Ну, это еще не доказательство!

– Это, по крайней мере, кое-что. Тебе такое интуиция не подсказывает?

– Нет, – ответил Мингус. – Но я не могу поверить, что я нереальный.

– Ты реальный Глейстер, – успокоил его Иеронимус. – Мы одинаково реальны. Просто я первый, вот и все.

– Впрочем, это не имеет значения. Очевидно, ты прав.

– Спасибо, – сказал Иеронимус, настраивая машину времени. – У тебя еще остался пистолет? – Мингус протянул ему пистолет, и Иеронимус положил его в карман. – Спасибо. До встречи.

– Вряд ли она произойдет.

– Если мои расчеты правильны, – сказал Иеронимус, – тогда мы снова увидимся.

– Объясни! – потребовал Мингус. – Разве такое возможно?

Но Иеронимус нажал на кнопку и исчез.

Окончание цепи последовательности Глейстера номер один.

Был прекрасный сентябрьский день в Харвест Фолз, штат Индиана. Чарли Глейстер прошел по Эппл-стрит мимо дома, где размещалась его лаборатория. Сначала он хотел заглянуть туда и поговорить с собой, но потом передумал. Хватит с него Глейстеров.

Он вышел из города по шоссе номер 347, затем свернул с дороги и побрел через поле, через лесок, пока не вышел к небольшому озерцу, где в детстве ловил карасей. Старый дуб все еще возвышался над озером. Чарли сел под ним и прислонился к стволу дерева.

Вытащив пистолет, он изучил его. Почесал нос и некоторое время смотрел на солнечные блики на воде.

Затем недовольно произнес:

– Ладно, пора заканчивать.

Чарли засунул дуло пистолета в рот, поморщившись от привкуса смазки, закрыл глаза, нажал на курок и умер.

Повторение окончания цепи последовательности Глейстера.

Чарли Глейстер открыл глаза. Императорская приемная была такой же, какой он ее знал. Перед ним на столе лежали последние статистические сводки: 12 миллионов Глейстеров расселено в пределах империи, но с каждой минутой прибывают все новые и новые Глейстеры. Он покачал головой и погладил бороду. Затем посмотрел на стоящего перед ним молодого человека.

– Счастливо, – сказал он и передал ему пистолет.

– Спасибо, – сказал Эгон Глейстер, нажал кнопку и исчез.

Оставшись один, Чарли осмотрел приемную. Придется ему привыкать к управлению государством, потому что пришла его очередь стать Императором, как со временем дойдет очередь и до других. Они должны будут пройти через все ипостаси Глейстера в процессе окончания цепи последовательности, пока не останется один-единственный Глейстер – как в самом начале.

Но пока он Император, ему, может быть, будет интересно. Он был рад, что уже не придется проходить через этап самоубийства – по крайней мере, пока через него не пройдут все остальные.

Перевел с английского
Сергей КОНОПЛЕВ

Иллюстрация Константина Рыбалко

Роберт ХАЙНЛАЙН

Кукловоды

Для тех читателей, кто не сумел приобрести первый номер журнала, предлагается краткое содержание первой части романа.

Повествование ведется от лица главного героя Элихью Нивенса (в романе он фигурирует под именем Сэм), агента суперсекретной службы, о существовании которой не знает даже ЦРУ. Вместе с главой службы Стариком и еще одним агентом Мэри они расследуют дело о загадочном исчезновении экипажа инопланетного корабля, приземлившегося в одном из штатов Америки. Вскоре обнаруживается, что существа, посетившие Землю, представляют собой организмы-паразиты. Войдя в тактильный контакт с человеком – скажем, разместившись на спине вдоль позвоночника – „наездники" подчиняют себе волю и разум землян, которые, сохраняя все профессиональные навыки, превращаются, по сути, в биороботов, управляемых „кукловодами„–пришельцами.

Секретная служба, находясь в непосредственном подчинении Президента США, сообщает ему всю собранную информацию, но тот, естественно, отказывается верить подобным „сказкам„. Старик пытается вести борьбу в одиночку и теряет Сэма, плененного пришельцами, – даже агент-профессионал не способен сопротивляться телепатическому внушению. Сэм успевает внедрить инопланетян в госдепартамент, пока Старик не освобождает его из-под власти чужого разума, после чего герой начинает испытывать к пришельцам чувства мистического ужаса и лютой ненависти. И все же, чтобы уберечь от тяжелейшего испытания Мэри, он соглашается вместо нее снова „войти в контакт" с захваченным в плен пришельцем. В результате „беседы" выясняется: инопланетяне прибыли из системы Титана и намерены подчинить Землю, руководствуясь – по традиции, свойственной пришельцам – причинами сугубо рациональными: лишь существование без воли и разума способно дать исстрадавшемуся человечеству долгожданный покой.

Человечество в лице Старика и его службы не готово согласиться с подобным предложением. Видеофильм с записью беседы убеждает, наконец, руководство страны в необходимости решительных мер. Но – поздно, к этому времени уже целые штаты находятся под влиянием пришельцев.

По мере поступления информации из центральных районов страны в середине карты расползалось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками заменил огромный электронный экран во всю стену конференц-зала, сердце страны горело ярким рубиновым огнем. Экран, разумеется, только дублировал сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две янтарные ленты – только там на самом деле велись активные действия, в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннесси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, не соединенной с основной.

Я сидел один и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Президент отправился на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими чинами отбыл чуть раньше. Я остался ждать просто потому, что шляться без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением глядел на экран-карту, где янтарные огни то и дело сменялись красными и, гораздо реже, красные – зелеными или янтарными.

И тут в зал вошла Мэри.

Я захлопал глазами.

– Я думал, ты с Президентом.

– Меня вытурили, – сказала она, улыбнувшись. – Там пока Старик.

Я решился.

– Знаешь, я давно хотел поговорить с тобой, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я... Короче, мне не следовало... Я имею в виду, что Старик сказал... – Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдавил: – В общем, я был не прав.

Она тронула меня за руку.

– Сэм. Ну что ты, успокойся. Из того, что ты знал, выводы у тебя сложились вполне логичные. Но для меня самое главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения, и я счастлива, что у нас все по-старому.

Окончание. Начало в № 1.

– Только не будь такой благородной и всепрощающей. Это невыносимо.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой, как первая.

– Сэм, мне кажется, тебе нравится, чтобы в женщинах было немного стервозности. Хочу тебя предупредить, я это умею. Ты, видимо, еще переживаешь из-за той пощечины. Мы можем рассчитаться. - Она протянула руку и легонько шлепнула меня по щеке. – Ну вот, мы в расчете, и можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась – и я решил, что у меня отвалилась голова.

– А это, – произнесла она зловещим шепотом, – за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, комната плыла перед глазами. Впечатление было такое, будто меня огрели дубиной. Мэри смотрела настороженно и непокорно – даже зло.

– Она вовсе не моя подружка, – сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня за шею. Она уже целовала меня один раз. Теперь же она сделала это по-настоящему. Я почувствовал, что тону в каком-то теплом золотистом тумане, откуда мне совсем не хотелось возвращаться. Наконец я оторвался от нее и выдохнул:

– Видимо, мне лучше сесть.

Когда совещание закончилось, Старик прихватил меня с собой и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя мы дошли только до Мемориальной скамьи Баруха. Там Старик сел и с мрачным видом уставился в пространство: —Сегодня в полночь начинается операция „Ответный удар", – сказал он, наконец. Помолчал и добавил: – Мы выбрасываем десант на все рентрансляционные станции, телестудии, редакции и отделения связи в „красной" зоне.

– Неплохо, – отозвался я. – Сколько людей участвуют в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

– Мне это совсем не нравится.

– Почему же?

– Президент вышел в эфир и приказал гражданам Соединенных Штатов – поверишь ли – раздеться до пояса. Однако нам стало известно, что его обращение не достигло пораженных районов. Что дальше?

Я пожал плечами.

– Видимо, операция „Ответный удар".

– Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

– А я должен догадываться?

– Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи. – Он протянул мне ключ от машины. - Сгоняй в Канзас-Сити и хорошенько осмотрись. Держись подальше от теле- и радиостанций, от полицейских и... Короче, ты знаешь их тактику лучше меня. Держись подальше от этих. – Старик взглянул на перстень с часами и добавил: – Тебе нужно вернуться не позже половины двенадцатого.

Машина – та же самая, на которой мы прибыли – стояла на платформе Рок-Крик-Парк. Движения почти не было, и я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

– Все грузовые и коммерческие перевозки приостановлены, – ответил он. – Чрезвычайное положение...

Взлетев, я запрограммировал нужное направление, набрал максимально допустимую скорость и, откинувшись на сиденье, задумался. Каждый раз, когда при переходе из одной системы транспортного контроля в другую машину цеплял радарный луч, панель управления отзывалась коротким „бип", но экран оставался чистым. Очевидно, даже при объявленном чрезвычайном положении машина Старика могла передвигаться где угодно. Я попытался представить себе, что произойдет, если я проскользну на этой машине в „красную" зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: „Что дальше?"

Как-то, разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно определить задание, а там пусть сам выбирается. Я тогда заметил, что его метод, должно быть, очень расточителен в смысле людских ресурсов.

– Пожалуй, – признал он. – Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

– По какому, интересно, принципу, – спросил я, – ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

– Это те, которые возвращаются с заданий.

„Элихью, – сказал я себе, подлетая к „красной" зоне, – еще немного, и тебе станет ясно, умеешь ли ты выживать... И чтоб ему пусто было!"

Запрограммированный курс пролегал по дуге мимо Сент-Луиса и вел к Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Карта показывала, что Чикаго все еще в зеленой. Янтарная линия уходила на запад где-то под Ганнибалом в штате Миссури, а мне хотелось пересечь Миссисипи на своей терри-

тории: над рекой шириной в милю машину будет видно на радарном экране, как осветительную ракету над пустыней.

Я просигналил в наземную службу, запросил разрешение на спуск до уровня местного движения и, не дожидаясь ответа, рванул вниз, затем перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На подлете к Спингфилду, держась поближе к земле, я свернул на запад и с выключенным ответчиком медленно пересек реку над самой водой.

Я не знал, в чьих руках управление движением на этом берегу, и уже собрался включить ответчик, решив, что так будет легче вписаться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии. Никакого притока на карте не было, и я рассудил, что это или залив, или новый, еще не отмеченный канал. Опустив машину чуть ли не на воду, я направился туда. Узкий приток петлял то влево, то вправо; местами кроны деревьев почти смыкались над головой, отчего я чувствовал себя, как пчела в тромбоне, но радарная „тень" получалась идеальная, и если меня кто и заметил раньше, то теперь след машины наверняка потерялся. Вскоре в деревьях появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и так резко затормозил, что меня чуть не разрезало ремнем надвое. Машина приземлилась, и мне уже не нужно было изображать зубатку в мутной воде.

Стерео я не включал от самого Вашингтона и теперь попытался отыскать программу новостей, но безуспешно. Передавали все, что угодно, кроме новостей. Лекция доктора медицины Миртл Дулайтли „Почему мужья начинают скучать" (спонсор – компания по производству гормональных препаратов „Утаген"); трио певичек, исполняющих „Если ты знаешь, о чем я думаю, то чего же ты ждешь?"; очередной эпизод из бесконечного сериала „Лукреция познает жизнь" и так далее.

Доктор Миртл выступала полностью одетой. Трио, как и следовало ожидать, было почти раздето, но они ни разу не повернулсь спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она снимала ее сама, но как только это случалось, или план менялся, или гас свет.

Впрочем, это все равно не имело значения. Программы могли записать задолго до того, как Президент объявил о режиме „Голая спина". Я щелкал переключателем каналов, пытаясь отыскать новости, и тут наткнулся на елейную улыбку ведущего какой-то программы. Тот был полностью одет.

На поиски шоссе у меня ушел целый час.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и это настораживало. О режиме „Голая спина" тут явно не слышали. Я начал думать, что, может быть, достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад. Двигаться вглубь территории, захваченной паразитами, не было никакого желания. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ходу.

Однако Старик сказал „Канзас-Сити". Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и машин. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте. Взлетную полосу обслуживала автоматика, и похоже было, что мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений.

17

Проехав по шоссе №40, я подкатил к заставе у бульвара Мейер. Очередь выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подъехала следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Однако служащий заставы принял деньги, даже не взглянув на меня.

Облегченно вздохнув, я миновал заставу, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился барьер, и я едва успел затормозить. В окно тут же сунул голову полицейский.

– Проверка, – сказал он. – Выходите.

Я попытался возразить, но он терпеливо объяснил:

– В городе проводится неделя безопасности. Вот квитанция – получите машину за барьером. А вам – вон в ту дверь. – Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

– Зачем?

– Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью контролируют паразиты, и следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах „наездника". Но выхода не было – разве что застрелить его и взлететь прямо отсюда. Я подчинился. Недовольно ворча, выбрался из машины и медленно двинулся к зданию. Поставили его наспех, и даже дверь там, как в старину, открывалась вручную. Я толкнул дверь ногой, посмотрел по сторонам и вверх, вошел и оказался в пустой приемной еще с одной дверью.

– Войдите, – крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я шагнул в кабинет. Там сидели двое мужчин в белых халатах, на лбу у одного из них блестело зеркальце.

– Это займет всего минуту. Идите сюда, – сказал врач с зеркальцем и закрыл за мной дверь. Я услышал, как щелкнул замок.

Устроились они тут даже лучше, чем мы в Конституционном клубе. Прямо на столе стояли транзитные ячейки с „хозяевами", уже прогретые и готовые к пересадке. Второй врач протянул ячейку первому – для меня, но так, чтобы я не видел „наездника".

Я не сомневался, что меня пригласят сесть и наклониться к окуляру прибора для проверки зрения.

Врач будет меня отвлекать, заставляя читать контрольные цифры, а его ассистент тем временем приладит мне наездника. Тихо, спокойно, без ошибок.

Как я узнал за время своей собственной „службы" под началом пришельца, для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы. Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

– Сюда, пожалуйста, – повторил приглашение врач.

Я быстро подошел к лабораторному столу, где стоял тестер, и резко повернулся.

Ассистент двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

– Доктор, – сказал я. – У меня контактные линзы. Может быть, снять?

– Не надо, – нетерпеливо ответил он. – Давайте не будем терять время.

– Но доктор, я бы хотел, чтобы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так... – Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз. – Вот видите...

– Здесь у нас не клиника, – сердито произнес врач. – Садитесь, пожалуйста...

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и хватил этих двоих что было сил между лопаток. Под халатами чувствовалось что-то мягкое, податливое, и меня передернуло от отвращения. Оба врача изогнулись в болезненном спазме, затем обмякли и повалились на пол.

В дверь постучали.

– Минутку! – отозвался я. – Врач сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я склонился над врачом, задрал на нем халат и проверил, что стало с его хозяином.

Вместо живой твари на спине расползлось отвратительное месиво. То же самое произошло и с наездником ассистента, что меня вполне устраивало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может, выжили и их вновь захватили титанцы – не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог.

А вот хозяева в ячейках – это совсем другое дело. Я настроил оружие на максимум и полоснул широким лучом по столу. У стены стояли еще два полных контейнера – их я поливал огнем до тех пор, пока дерево не обуглилось.

В дверь снова постучали. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери остановился. Не хватало одной детали.

На глаза мне попался чехол от прибора для проверки зрения. Я скинул куртку, сложил чехол в несколько раз и, запихив его под рубашку, пристроил между лопаток. С застегнутой курткой получался горб как раз нужного размера.

Так и вышел на улицу – „...испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной."

Хотя, по-правде сказать, я чувствовал себя совсем иначе.

Что-то в городе было не так. Что-то неуловимое, словно передо мной разворачивалось действие плохо поставленной пьесы. Я пытался понять, в чем дело, но безуспешно.

Погода стояла очень жаркая. Я вглядывался в прохожих, высматривая женщин в купальниках и мужчин в шортах. Люди здесь по-прежнему придерживаются довольно строгих нравов и не рискуют одеваться по погоде, как, скажем, в Лагуна-Бич или Корал-Гейблс. Застегнутый на все пуговицы человек ни у кого не вызовет здесь недоуменных взглядов. Поэтому люди в Канзас-Сити одеваются и так, и эдак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пятерых женщин и двоих мужчин с голыми спинами.

А их должно быть, по меньшей мере, пять сотен.

Вот и разгадка. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти захватчиков.

Они не просто контролировали Канзас-Сити, а буквально заполонили его. Пришельцы не только заняли все ключевые посты в городе – они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки у заставы и наверняка уже искали меня. Возможно, я был последним свободным человеком, разъезжающим по городу на машине, а вокруг – одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Воспоминания о том, каково это – быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась нелегко.

Сосчитав до десяти, я упокоился и попытался сообразить, в чем же здесь дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: как мы отбирали рекрутов и вели учет каждому новому носителю. Разумеется, там мы зависели от поставок ячеек, тогда как рядом с Канзас-Сити почти наверняка опустилась летающая тарелка. И все же получалась какая-то ерунда. Чтобы наводнить город наездниками, нужна дюжина тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка проследили бы посадочные траектории.

Может быть, корабли пришельцев просто не видны на наших радарах? Мы не знали, на что паразиты способны в техническом плане, а делать предположения, основываясь на собственных представлениях о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу.

Пока было ясно лишь одно: даже заполнив почти весь город, они, тем не менее, сохраняли маскарад, и жители Канзас-Сити выглядели как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь?

Не выбирая особенно направления, я проехал еще с милю и обнаружил, что приближаюсь к торговому району, раскинувшемуся у Плаза. Сразу свернул: где толпы, там полиция. Сворачивая, я заметил общественный плавательный бассейн. На дверях красовалась вывеска „Закрыто в связи с окончанием сезона". Бассейн, закрытый в самое жаркое время года?..

Итак, первое – ловушка у въезда в город. Второе – слишком мало людей в купальных костюмах. Третье – закрытый плавательный бассейн.

Вывод: паразитов гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить.

Заключение: операция „Ответный удар" планировалась, исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: то, что я увидел, в принципе невозможно.

На углу улицы я заметил газетный принт-автомат „Канзас-Сити Стар". Развернулся, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Несколько секунд нервного ожидания, и из автомата выползла готовая газета.

„Стар", как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме „Голая спина". Статья на первой полосе называлась „Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь", а чуть ниже шло кеглем помельче: „Солнечная активность изолирует город от внешнего мира". И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической сыпью ликом. Неожиданное, но вполне убедительное объяснение, почему какая-нибудь Мэми Шульц не может дозвониться бабушке в Питтсбург.

У меня оставалось всего полчаса, и я наконец решил, что возьму с собой в качестве доказательства пленника, который носил паразита и может рассказать, что происходит в городе. Короче, нужно вывезти живого носителя.

Времени, чтобы тщательно спланировать операцию, не оставалось. Действовать нужно было на ходу.

Мужчина средних лет поливал из шланга лужайку – выглядело это так естественно, что я чуть не проехал мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и лифчике.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову.

– Я только что из мэрии, – заученно повторил я. – Нам нужно срочно переговорить напрямую. Садись.

– Пойдем в дом, – пригласил он.

Я хотел отказаться, но этот тип уже повернулся и пошел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

– Осторожно. Женщина пока не с нами.

– Твоя жена?

– Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

– Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

Мы прошли в дом и направились в кабинет. Он пропустил меня вперед. Мне не хотелось поворачиваться к нему спиной, и, наверное, поэтому я был готов к удару, когда он двинул меня ребром ладони по шее. Я рухнул вперед, хотя удар не причинил мне вреда, и перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас лупили мешками с песком, и наука запомнилась. Я остался лежать, приготовившись ударить его ногами, если он на меня бросится. Очевидно, у него не было оружия, но свой лучемет я достать не мог. Однако в кабинете оказался настоящий камин – с кочергой, лопаткой и щипцами – мужчина рванулся туда. Я едва дотянулся до журнального столика и, швырнув его, попал прямо в лицо, когда человек схватился за кочергу.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах. Человека, получившего последний жуткий приказ, сотрясали конвульсии, и тут вдруг с диким испуганным воплем в дверях появилась его жена. Я вскочил, ударил ее, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола. Пригибаясь к земле, я затрусил со своим пленником к машине. Крики жены встревожили чуть не весь квартал, из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди. Я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой.

Я прыгнул в машину и рванул с места, даже не закрыв дверь и не пристегнув ремни. На первом же повороте дверца захлопнулась сама, но и я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал угол и, едва не сбив встречную машину, дал ходу.

Выскочив на широкий бульвар – кажется, Пасео, – я ткнул кнопку „Взлет". Возможно, из-за меня столкнулись несколько машин, но беспокоиться об этом было некогда. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении, истратив все запасные стартовые ускори-

тели. Видимо, эти безответственные действия в нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь: где-то над Колумбией, когда я спалил последний ускоритель, машину тряхнуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, и она взорвалась чуть не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, по мне не стреляли, а то без дополнительных ускорителей я был как утка на воде. Первая турбина начала перегреваться – возможно, от близкого взрыва или просто от натужной работы, – но еще минут десять я летел с прежней скоростью и молча молился, чтобы машина не развалилась. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в „опасную" часть шкалы почти до конца, пришлось отключить турбину, и машина полетела на одной левой. Больше трехсот миль она не протянет, но красная зона уже осталась позади.

Все случилось так быстро, что мне даже некогда было взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал, раскинув руки, на полу салона, и я не знал, мертв он или только без сознания. Но теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь ответа, переключил управление на автомат. Затем перебрался в салон и осмотрел своего пленника.

Он дышал. На лице краснела здоровенная ссадина, но вроде бы я ничего ему не сломал. Хотел привести его в чувство – шлепнул пару раз по щекам, пощипал за мочки ушей – однако ничего не помогало. Мертвый паразит уже начал вонять, но его просто некуда было деть. В конце концов я оставил пассажира в покое и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21:37 по Вашингтону, а лететь оставалось больше шестисот миль. Даже без учета того, что нужно еще сесть, добраться до Белого дома и разыскать Старика, получалось, что я смогу появиться перед ним чуть позже полуночи, а значит, слишком поздно, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я попробовал вызвать Старика по оперативной связи.

Оказалось, мой аппарат не работает. Наверное, я ударил его во время одной из „разминок", что навязали мне паразиты. Сунув аппарат обратно в карман, я подумал, что день складывается на редкость неудачно – в такие дни, как говорят, даже с постели вставать не стоит. Затем включил коммуникатор на приборной панели и принялся вызывать наземную транспортную службу.

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека : я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

– Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Какого черта вы делаете в воздухе? Я пытался связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

– Сейчас некогда объяснять, – резко сказал я. – Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но тут экран мигнул, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военный центр связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один сидели по пояс голые, включая и молодого офицера на первом плане. Я готов был расцеловать его, но вместо этого лишь сказал:

– У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

– Кто вы такой?

– Сейчас нет времени! Я агент секретной службы, но мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я уговорил бы этого офицера, но его вытеснил из камеры командир.

– Немедленно приземляйтесь!

– Послушайте, капитан, – сказал я. – У меня срочное сообщение. Вы должны соединить...

– А у меня приказ! – отрубил он. – Уже три часа, как гражданским машинам запрещено подниматься в воздух. Немедленно приземляйтесь!

– Но я должен...

– Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы отслеживаем вашу траекторию. Я запускаю ракету – она взорвется в полумиле впереди. Любой другой маневр, кроме захода на посадку, – и следующая будет ваша.

– Да послушайте вы ,наконец! Я приземлюсь, но мне нужно...

Он просто отключился, и я остался перед пустым экраном.

Первая ракета взорвалась даже ближе чем в полумиле. Пришлось садиться.

Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами, и не успел я проверить приборы, как рядом начали приземляться военные машины. Меня потащили в штаб, где я лично встретился с тем капитаном. Он даже дал мне поговорить с Белым домом. Правда, уже после того, как психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1:13. Операция „Ответный удар" началась один час и тринадцать минут назад.

Старик выслушал мои выводы, что-то неразборчиво и мрачно пробурчал, затем сказал, чтобы я отыскал его утром.

19

Операция „Ответный удар" провалилась так, как не проваливалась никакая другая в истории американской армии. Не операция, а „пшик". Десант планировался ровно в полночь, сразу более чем в 9600

пунктах, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, релейные телестанции и прочие важные учреждения. Группы состояли из парашютистов-десантников и техников – последние для того, чтобы наладить связь из захваченных пунктов.

После захвата все местные станции должны были передать обращение Президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим „Голая спина". И все. Война закончена, останется мелкая подчистка.

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о захвате отдельных пунктов. Чуть позже пошли просьбы о подкреплении из других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно – настолько успешно, что в некоторых случаях командиры соединений сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона поглотила ударную группировку, словно ее и не было. Одиннадцать с лишним тысяч боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер – стоит ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Черного Воскресенья поражение. Я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, объединенный штаб и, тем более, этих бедолаг-десантников. Операция планировалась, исходя из представлений, которые в то время казались правильными; положение требовало быстрых решительных действий с привлечением лучших людей.

Наверное, только после рассвета, как я понимаю, до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты попросту сфабрикованы их же людьми. Нашими людьми, но уже захваченными в рабство и участвующими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но они настолько ошалели от успехов, что не желали ничего слушать.

Старик просил Президента, чтобы тот настоял на визуальных проверках, однако связь с оперативными группами поддерживалась через орбитальную станцию „Альфа", и каналов для видеоинформации не хватало.

К утру они получили свои „видеоподтверждения". Телевизионные станции в центральных регионах страны гнали в эфир все те же заезженные передачи: „Мэри-Солнышко желает вам доброго утра", „Завтрак с Браунами„ и прочую чепуху. Обращение Президента не прозвучало ни по одному каналу, и ни одна станция не признала, что произошло что-то необычное. К четырем утра доклады десантных подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка „Освобождение" просто бесследно исчезла.

Со Стариком я увиделся только в одиннадцать. Он выслушал мой теперь уже более обстоятельный доклад, ни разу не перебив и даже не отчитав меня, отчего я почувствовал себя совсем гнусно.

Но когда он собрался вернуться к своим делам, я решился спросить:

– Как насчет пленного? Он подтвердил мои выводы?

– Он-то? Пока без сознания. Врачи полагают, не выживет.

– Я бы хотел его увидеть.

– Занимайся лучше своим делом.

– У тебя есть для меня какое-то дело?

– Съезди в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь все, что узнал в Канзас-Сити, в новом свете. Найдешь доктора Хораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

Доктор Хорас, небольшого роста, приятный, общительный человечек, здорово напоминавший одного из своих бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по экзобиологии, тому самому Варгасу, что участвовал во второй экспедиции на Венеру. Он-то и показал мне, что произошло. Если бы мы со Стариком вместо того, чтобы рассиживать на скамейке у Белого дома, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы лететь в Канзас-Сити. Десяток паразитов, которых мы поймали в Конгрессе, плюс еще два, пойманные на следующий день, были отправлены в зоопарк и пересажены на человекоподобных обезьян – в основном, на шимпанзе и орангутангов.

Директор распорядился запереть их в больничном корпусе. Двух шимпанзе, Абелардо и Элоизу, которые и раньше жили вместе, разделять не стали и поместили в одну клетку (это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами, – носителей по-прежнему воспринимали как обезьян).

В соседнем вольере размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Никакого сообщения между вольерами не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой на замке, а вентиляция у каждого была отдельная. Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе – вместе. Каким-то образом Абелардо и Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны открыть их не могут, но против „обезьяны-плюс-титанца" они не устояли.

Итак, пять гиббонов, два шимпанзе и два титанца. Но на следующий день ученые обнаружили семь обезьян и семь паразитов.

Известно об этом стало за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старику вовремя не сообщили, иначе он бы тут же догадался, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Да и я, видимо, понял бы, в чем дело. Если бы Старику сказали про гиббонов, операция „Ответный удар" не началась.

– Я видел обращение президента, – сказал доктор Варгас. – Не вы ли тот человек... Я имею в виду, не

вы ли...

– Да-да. Тот самый, – ответил я коротко.

– Тогда вы многое можете рассказать нам об этом феномене.

– К сожалению, не могу, – признался я.

– Хотите сказать, что пока вы были их... э-э-э... пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

– Верно. – Я задумался. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Но насколько я понял, после разделения э-э-э... жертвы сохраняют все воспоминания.

– Это и так, и не так... – Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

– Возможно, это случается во время сна.

– Может быть. Но кроме сна есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые „конференции".

– Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

– О, вы имеете в виду конъюгации!

– Нет, я имею в виду „конференции".

– Очевидно, мы говорим об одном и том же. Конъюгации и деление... Они размножаются по собственной воле, когда позволяет наличие свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем в считанные часы появляются два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Если он прав – а глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться, – тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или, может быть, я преувеличиваю нашу зависимость? На самом деле, я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадало на глаза. Но, во всяком случае, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое „стадо" носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Допустим, в том корабле, который, по нашим предположениям, приземлился около Канзас-Сити, прилетела тысяча паразитов. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день – тысяча паразитов.

Второй день – две тысячи.

Третий день – четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели – больше шестнадцати миллионов.

Однако точно нам ничего о них не известно. Может быть, они способны делиться чаще. Может, один корабль способен доставить десять тысяч ячеек. Или больше. Или меньше. Допустим, они начали с десяти тысяч и делятся каждые двенадцать часов. Через две недели получится...

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!

Цифра просто не укладывалась в голове. Совершенно чудовищная цифра. На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Похоже, на нас обрушится целая лавина паразитов. Причем очень скоро. Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так скверно.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу „Марс, Венера, Земля: исследование побудительных мотиваций". Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Макилвейн спросил:

– Мистер Нивенс, а как долго длятся эти „конференции"?

– Конъюгации, – поправил его Варгас.

– Конференции, – повторил Макилвейн. – Этот аспект более важен.

– Но позвольте, доктор, – не уступал Варгас, – конъюгация- это способ обмена генами, посредством которого мутации распространяются на...

– Антропоцентризм, доктор! Вы не можете с уверенностью утверждать, что эта форма жизни имеет гены.

Варгас покраснел.

– А вы способны предположить что-то еще?

– Сейчас нет. Но повторяю, доктор, вы оперируете недостоверными аналогиями. У всех, без исключения, форм жизни есть только одна общая характеристика, и эта характеристика – стремление выжить.

– И размножаться, – добавил Варгас.

– А предположим, существо бессмертно и ему не нужно размножаться?

– Но... – Варгас пожал плечами и махнул рукой в сторону обезьян. – Мы ведь уже знаем, что они размножаются.

– Я все же думаю, – ответил Макилвейн, – что это не размножение. Мне кажется, что мы имеем дело с

единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства.

– Но во всей Солнечной системе... – начал было Варгас.

– Антропоцентризм, терроцентризм, солоцентризм, – перебил его Макилвейн, – это все провинциальные подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

– Ничего подобного! – вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно мне снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

– Возьмите, к примеру, амебу. Кстати, по сравнению с нами, эта форма жизни проще, но гораздо более удачна в плане эволюции. Мотивационные особенности амебы...

Дальше я слушать не стал. Свобода слова есть свобода слова, и если человеку хочется, он может сколько угодно рассуждать о „мотивации" амебы, но слушать это никто не обязан.

Затем они занялись экспериментами, что несколько примирило меня с ними. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитом на спине в клетку с шимпанзе и гиббонами. Едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг спиной к спине и устроили переговоры.

– Вот видите! – Макилвейн ткнул пальцем в сторону клетки. – Эти „конференции" нужны им не для размножения, а, прежде всего, для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь соединился.

То же самое мог сказать им и я, только без этой трескучей терминологии: хозяин, который долго был без контакта со своими, первым делом вступает в прямые переговоры.

– Гипотеза! Где доказательства? – фыркнул Варгас. – Сейчас у них просто нет возможности размножаться.

Он подозвал лаборанта и велел доставить еще одну обезьяну.

Привезли Сатану, черного как уголь шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но сейчас вел себя очень тихо. Когда его запустили в клетку к обезьянам с паразитами, он прижался спиной к дверце и жалобно заскулил. Я держал себя в руках – человек, в конце концов, ко всему привыкает, – но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось сбежать.

Поначалу обезьяны с паразитами просто смотрели на Сатану, не отрывая глаз, – ну прямо суд присяжных, – и продолжалось это довольно долго. Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

– Смотрите, доктор! – вдруг воскликнул Варгас.

– Что? Где?

– Люси, старая самка. Вон там. – Он указал рукой.

Видимо, у чахоточных гиббонов она была за главного. Люси стояла спиной к нам, и мы увидели, что паразит у нее на загривке собрался в ком, а затем на нем появилась радужная линия – прямо посередине.

Паразит начал делиться. Сначала появилась трещина, как на лопнувшем яйце, и всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых паразитов устроился на позвоночнике Люси, второй медленно пополз вниз. Обезьяна присела на корточки, почти касаясь задом пола, и паразит с легким шлепком плюхнулся на бетон и заскользил к Сатане. Тот хрипло взвыл и полез под потолок.

И что вы думаете? Они отрядили команду, чтобы его притащили обратно, – двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и разложили на полу.

Паразит подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось фута два, он медленно вырастил псевдоподию – гибкое щупальце, которое тянулось и извивалось, словно змея. Щупальце взвилось в воздух и хлестнуло Сатану по ноге. Остальные обезьяны тут же его отпустили, но черный шимпанзе продолжал лежать без движения.

Титанец притянул себя щупальцем, устроился на ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, Сатана сел. Потом встряхнулся и двинулся к остальным обезьянам.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а у меня возникло дикое желание крушить и уничтожать – мстить за себя, за Сатану, за все земное.

Макилвейн утверждал, что мы стали свидетелями совершенно нового, в принципе незнакомого человеку явления: разумное существо, достигшее в ходе эволюции бессмертия и продолжающее себя в каждой отдельной личности. Или в групповой личности – здесь он сам начал путаться. Макилвейн предположил, что это существо хранит воспоминания с момента его формирования как вида. Затем он сравнил паразитов с четырехмерным червем в пространстве-времени, отдельные части которого переплетены в единый организм, и тут их понесло в такие дебри, что слушать это стало просто невыносимо.

Я же своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Паразитов я воспринимал только в одном плане: мне хотелось убивать их и как можно больше.

19

Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит. Меня представляли в качестве „эксперта", но добрая половина „учеников" почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Тем временем паразиты надежно удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными – во всяком случае, мы на это надеялись. Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. От ООН помощи ждать не приходилось. Президент предложил им ввести режим „Голая спина" на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. На самом деле, нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит прямо под ногами.

Самого Старика я все это время не видел. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно, я не знал, что охрана Президента передана другим людям и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились с ней совершенно случайно.

– Мэри! – крикнул я, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Она подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

– Здравствуй, милый!

Мэри не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, и даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я говорил без умолку:

– Нет, это просто замечательно! Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть. – Я начал было выстукивать на клавиатуре заказ для себя, но рюмка появилась на столе сама. – О! Как она здесь оказалась?

– Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

– Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

– Нет.

– Тогда слушай: ты бесподобна!

– Спасибо.

– Надолго ты освободилась? – спросил я.

– До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

– Но... И давно ты отдыхаешь?

– Со вчерашнего дня. Сижу здесь и жду тебя.

– Со вчерашнего дня! – Весь предыдущий день мне пришлось читать пентагоновским шишкам лекции, глупые лекции, которые совершенно их не интересовали. Я вскочил. – Хватай свои вещи. Мы уходим, – сказал я.

Она даже не спросила куда, просто встала. Я поднял свою рюмку и одним глотком вымахал содержимое. Мы даже словом перекинуться не успели, как оказались наверху, на пешеходном уровне. Только тут я спросил:

– Так. Где ты хочешь, чтобы мы поженились?

– Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

– Конечно, теперь мы просто это сделаем. Так где?

– Сэм, дорогой мой, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и, только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

– Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

– Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

– Как – зачем? Потому что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то обидел ее. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

– Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

– Как же? Не может быть!

– Нет, я уверена, что не говорил. Почему?

– Видимо, по недосмотру. И я не совсем понимаю, что означает слово „любовь".

– Я тоже, – тихо произнесла она. – Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи еще раз, а?

– О'кей. Я тебя люблю. Я люблю тебя, Мэри.

– Сэм...

Она прижалась ко мне.

– А ты? – обиженно спросил я.

– Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. С тех самых пор...

Я думал, она скажет: с тех пор, как я заменил ее в операции „Интервью".

– С тех пор, как ты залепил мне пощечину.

Ну, где тут логика?

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину – развалюхе исполнилось лет десять, но там стоял автопилот, так что нас она вполне устраивала. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, и я запрограммировал автоматику. Меня переполняло счастье, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла... Не знаю уж, сколько прошло времени,

но скоро – слишком скоро – послышалось „БИП! бип-бип БИП!“ радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий и направил машину на посадку.

– Где это мы? – спросила моя жена сонным голосом.

– Над моей хижиной в горах, – ответил я.

– Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

– Там же полно капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался при посадке в землю. Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем пошла вперед. Я ее догнал уже у дома.

– Бесподобно, милый!

– Адирондак! Этим все сказано, – согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутывавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенный, удивительно объемный вид.

В хижине не было даже бассейна. Приезжая сюда, я хотел, чтобы город оставался где-то там, далеко позади. Корпус – стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит особо прочными плитами – тоже пластик, но в форме бревен. Внутри все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами и низкими креслами. Необходимое оборудование находилось под фундаментом: кондиционер, энергоблок, фильтры, аудиооборудование, водоснабжение и канализация, радиационные датчики, сервомеханизмы – все, кроме морозильника и кухонного оборудования, упрятано вниз, и ни забот, ни хлопот. Даже стереоэкраны не сразу заметишь, пока они не включены.

– Очень уютная хижина, – сказала Мэри серьезным тоном. – Большой роскошный дом мне бы, наверное, не понравился.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гостиную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

Первым делом она зашла на кухню, и спустя секунду оттуда донесся радостный визг.

– Что случилось? – спросил я.

– Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме такую кухню.

– А я, кстати, неплохо готовлю, вот и купил все, что нужно.

– Бесподобно! Но теперь готовить для тебя буду я.

Домашняя жизнь началась у нас так гладко и естественно, словно мы были женаты уже несколько лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно или что мы не узнали друг о друге ничего нового – ни в коем случае. Но мы уже знали достаточно – особенно Мэри, – отчего и казалось, что нашей семье не первый год.

В памяти те дни сохранились не очень ясно. Помню только ощущение счастья. Видимо, я успел забыть, что это такое, или просто не понимал раньше. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Но счастлив я ни с кем не был.

Мы ни разу не включили стерео и ничего не читали. Никого не видели и ни с кем не говорили. Только на второй день сходили пешком до поселка, потому что мне хотелось показаться на людях с Мэри. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона по прозвищу Горный Козел, который присматривал за моим домом, и, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его насчет режима „Голая спина“, но передумал и вместо этого крикнул:

– Пришли ко мне Пирата!

– Кто такой Пират, дорогой? – спросила Мэри.

– Увидишь.

Едва мы вернулись домой, появился Пират, здоровый хулиганистый кот: дверца, что я для него сделал, открывалась на его „мяу“. Он вошел, высказал все, что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнулся мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и Пират отправился изучать Мэри. Он долго ее разглядывал, не скрывая своей подозрительности. Затем вдруг прыгнул на руки и, заурчав, уткнулся в подбородок.

– Ну, слава Богу, – произнес я с облегчением. – А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри посмотрела на меня и улыбнулась.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами; Мэри он уделял даже больше внимания, чем мне.

Спорили мы часто. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что не прав я. Несколько раз я пытался разговорить ее, заставить рассказать о себе – нужно же мне знать о своей жене хоть что-то, – и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

– Иногда мне кажется, что у меня и вовсе не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

– Мэри, – ответила она спокойно.

– Это твое настоящее имя? – Я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

– Конечно, настоящее. С тех пор, как ты назвал меня этим именем, я – Мэри.

– Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль, но она ответила:

– Одно время я носила имя Аллукьера.

– Аллукьера, – повторил я, наслаждаясь необычным звучанием. – Аллукьера. Какое странное и красивое имя. В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера.

– Теперь меня зовут Мэри. – Как отрубила.

Я понимал, что где-то, когда-то с ней случилось какое-то ужасное событие, и память о нем до сих пор отзывается болью. Но видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Что ж, нет, значит, нет.

Я продолжал называть ее Мэри, но имя, которое она носила в прошлом, не давало мне покоя. Аллукьера... Аллукьера... Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все-таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого невозможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония... Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные.

Точно. Уитманиты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, и они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке. (Антарктида). Когда-то мне попала в руки книга, написанная их пророком, „Энтропия радости", где было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

В мире все „за счастье", так же как все „против греха", но сектанты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасные ситуации, с какой бы культурой ни соприкасались уитманиты. Даже в Литл-Америке было неспокойно, и, если я правильно помню, остатки культистов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом – только забивать голову. Если Мэри была уитманиткой или выросла в их среде, это ее дело. И уж конечно, я не допущу, чтобы какая-то там культистская философия нарушала согласие в семье.

Вечером этого дня в хижине не оказалось Пирата, который всегда, когда начинало темнеть, приходил к нам.

– Вдруг его сцапает лиса? Если ты не возражаешь, я выгляну и позову его. – Мэри направилась к двери.

– Накинь что-нибудь, – крикнул я. – Там холодно!

Мэри вернулась в спальню, надела пеньюар и вышла за дверь. Я подбросил дров в камин и отправился на кухню. Раздумывая над меню, я услышал голос Мэри: „Вот негодник! Ну что же ты? Я же из-за тебя беспокоюсь." Таким тоном отчитывают только маленьких детей и кошек.

– Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! – крикнул я из кухни.

Мэри ничего не ответила. Не услышав стука двери, я вернулся в гостиную. Жена стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я хотел что-то сказать, и тут поймал ее взгляд. В глазах Мэри застыл невыразимый ужас.

– Мэри! В чем дело?

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и бросилась к двери. Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверное, лишь долю секунды, но в памяти это мгновение запечатлелось раскаленной до бела вечностью. Я прыгнул и схватил ее за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она попыталась ударить меня коленом, но я изогнулся, и мне досталось не так сильно. Да, я знаю, что опасного противника бесполезно хватать за руки, но ведь это была моя жена.

Однако у „кукловода" подобных сомнений на мой счет не было. Мэри – вернее, эта тварь – пыталась прикончить меня, используя все свое – ее – умение, а мне приходилось думать, как бы не убить жену. Не дать ей убить меня, суметь уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне – не так-то это просто, когда обо всем нужно думать одновременно.

Борясь, мы повалились на пол. Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и пришлось ударить ее головой в лицо.

Мне удавалось сдерживать ее только потому, что я был сильнее. Затем я попытался парализовать ее, воздействуя на болевые точки, но она знала их не хуже меня, и мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого паразита. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя. Мэри может умереть, но даже если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было лишить ее сознания, снять паразита и лишь потом только убить... Согнать его огнем или стряхнуть.

Согнать огнем...

Однако додумать я не успел, потому что Мэри впилась зубами мне в ухо. Я перекинул правую руку и схватил паразита.

Никакого результата. Пальцы наткнулись на плотный кожистый панцирь – все равно что футбольный мяч пытаться раздавить. Попробовал поддеть его, но он держался как присоска: я даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось. Я сумел перевернуть ее на

спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось освободить ее ноги, чем она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть Мэри через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину.

Она билась, как разъяренная пума, и едва не вырвалась. Но все же я дотащил ее, схватил за волосы и выгнул плечами над огнем.

Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял опору, ударился головой о верхний край камина и уронил ее на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что паразита на ней уже нет. Обернувшись, я увидел его на полу у камина. Рядом, принюхиваясь, стоял Пират.

– Брысь! – крикнул я. – Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и бросил на меня вопросительный взгляд. Я снова повернулся к Мэри и, убедившись, что нигде больше не тлеет, вскочил. Чтобы не брать паразита голыми руками – слишком рискованно, – нужен совок...

Пират застыл в какой-то неестественно жесткой позе, а паразит уже устраивался у него на загривке. Я прыгнул и, падая, успел схватить кота за задние лапы, когда он, повинуясь воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет паразит, просто невозможно. До камина было несколько шагов, но он за считанные секунды разодрал мне когтями и зубами все руки. Последним усилием я отодрал кота от себя и швырнул его в огонь. Мех на нем вспыхнул, и паразит свалился на раскаленные угли. Я выхватил Пирата и положил на пол, но он уже не двигался.

Я вернулся к Мэри.

Она еще не пришла в себя. Я опустился на пол рядом с ней и заплакал.

За час я сделал что мог. Слева волосы у нее сгорели начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако пульс бился, а дышала она хотя и неглубоко, но ровно. Я продезинфицировал и забинтовал раны и ввел ей снотворное. Затем занялся Пиратом.

Он лежал там же, у камина, но выглядел просто ужасно. Я думал, он уже мертв, но когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

– Извини, дружок, – прошептал я, и он тихо мяукнул в ответ.

Я обработал и забинтовал его, но побоялся вводить снотворное. После этого прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало.

Ухо уже не кровоточило, и я решил его не трогать. Но руки... Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Но забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и, в общем, стало терпимо. В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же – чтобы Мэри не видела, что от него осталось.

Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри лежала без движения. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить. Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

20

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

– Я здесь, родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них – уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и чуть успокоилась.

– Почему ты в перчатках? – Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она вспомнила.

– Не бойся, родная. Я его убил.

– Убил? Ты уверен? Ты должен рассказать мне все. Я помню огонь – и...

– Извини, ничего другого мне уже не оставалось. Я хотел снять паразита, а по-другому никак не получалось.

– Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. Ты снова меня спас.

– Ты хотела уйти, – сказал я, глядя ей в глаза. – Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

– Да мне и не удалось... Но я старалась изо всех сил.

Каким-то образом Мэри сумела воспротивиться воле паразита. Теперь я догадывался, кому обязан победой. Пусть она сдерживала паразита лишь чуть-чуть, но без этого я бы наверняка с ним не справился, поскольку просто не мог драться с Мэри так, как заслуживали ее боевые навыки.

– Сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее уже почти не действовало.

– Так я и знала, – мрачно произнесла Мэри. – У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела – мне самому ничего, кроме кофе, не хотелось. Но я настоял, чтобы она тоже пила много жидкости: ожоги на большой площади – это не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку и сказала:

– Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это. Теперь мы оба знаем.

Я тупо кивнул. Как говорится, и в радости, и в горе...

Мэри встала.

– Видимо, надо возвращаться.

– Да, – согласился я. – Нужно скорее доставить тебя к врачу.

– Я не это имела в виду.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри.

– Давай сразу вернемся в Отдел, – предложила она, когда мы взлетели. – Там и подлечат и все новости расскажут.

– Летим в Отдел, – согласился я.

Хотелось узнать, что происходит и поскорее вернуться к работе. Я попросил Мэри включить „ящик", но аппаратура в машине оказалась столь же дряхлая: мы даже звук не могли поймать. Хорошо еще автопилот работал, иначе пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил посоветоваться с Мэри:

– Как ты думаешь, паразит ведь не станет забираться на кота просто так, без какой-то цели?

– Видимо, нет.

– Тогда почему он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично – пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

– Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

– Да. Но как это можно планировать? Неужели их настолько много, что они позволяют себе разъезжать на кошках в надежде на случайную встречу с человеком?

– Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? Какой из меня аналитик?

– Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот паразит взялся? К Пирату он попал от другого носителя. От кого? Я думаю, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

– Старый Джон? – Мэри закрыла на секунду глаза. – Нет, я не помню никаких особых ощущений. Мы стояли слишком далеко.

– Больше некому. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима „Голая спина". Только зачем титанцам одинокий отшельник, живущий черт-те где в горах?

– Чтобы поймать тебя.

– Меня?

– Точнее, чтобы вернуть тебя.

Могло быть и так. Возможно, что каждый человек, которому удалось от них уйти, становится вроде как меченым. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, что мы спасли, подвергаются серьезной опасности. Не забыть бы рассказать об этом нашим аналитикам...

С другой стороны, может быть, им нужен именно я? Но что во мне особенного? Да, тайный агент. Правда, я знал о Старике больше кого бы то ни было. В моем представлении, Старик был их главным противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

Он даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Однако – стоп. Этот паразит сдох. Теория рухнула.

И снова встала из руин.

– Мэри, – спросил я, – ты ведь так и не была у себя дома с тех пор, как мы там последний раз завтракали?

– Нет. А что?

– Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, что, когда еще был с ними, предполагал устроить там ловушку.

– Но не устроил?

– Нет. Но возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один „Старый Джон" сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда ты придешь. Или когда я приду. – Я объяснил ей про Макилвейна и его теорию „групповой памяти". – В тот раз я подумал, что он просто фантазирует – любимое занятие всех ученых. Но сейчас мне кажется, это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты.

– Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна, каждый паразит – это часть целого, так? Другими словами, организм, что захватил меня вчера вечером, в такой же степени организм, который ездил на тебе?

– Да, примерно так. В отдельности – они самостоятельные особи, но после прямых переговоров происходит обмен памятью, и они становятся похожими, как две капли воды. Если это действительно так, то вчерашний паразит знает все, что знал я. Разумеется, если у него были прямые переговоры с моим или с каким-то другим титанцем, который с ним общался – пусть даже через длинную цепочку. И если Макилвейн прав, то на Земле сейчас сотни тысяч, а может быть, миллионы паразитов, которые знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя и где наша хижина.

Мы у них, как в справочнике.

– Но... – Мэри нахмурилась. – Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Мы ведь никому не говорили. Неужели они просто устроили ловушку и ждали?

– Должно быть. Мы не знаем, что для паразитов ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

– В любом случае, мы должны сообщить все это – и догадки тоже – нашим аналитикам.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся, в конечном итоге, именно за ним, но тут впервые с начала нашего отпуска зажужжал аппарат связи. Я услышал перекрывший оператора голос Старика:

– Явиться лично!

– Уже летим, – сообщил я. – Будем примерно через полчаса.

– Нужно быстрее. Ты пройдешь через „К-5“, Мэри пусть явится через „Л-1“. Поторопитесь. – И он отключился прежде, чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблюдали режим „Голая спина“, но понятия не имели о режиме „Загар“. Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

– Стоять на месте! – приказал один из них. – Не двигаться!

Если бы не манеры и не оружие в руках, я бы в жизни не догадался, что это полиция. Кроме ремней, ботинок и узеньких – чисто символических – плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

– Так, – распорядился первый полицейский, – вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рявкнул:

– Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

– Сделай, как они говорят, Сэм, – спокойно сказала Мэри.

Я сделал. На мне остались только ботинки и перчатки. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет.

Один из полицейских заставил меня повернуться, и его напарник сказал:

– Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский.

– Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их одевать!

– Боюсь, меня тогда заберут за появление в общественном месте в непристойном виде, – попытался урезонить его я.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику.

– Ты слышал, Скай?

Напарник решил объяснить:

– Слушай, приятель, ты сам знаешь правила, так что лучше не выпендривайся. По мне так хоть шубу надевай, тогда тебя точно заберут – только сразу в морг. Парни из добровольческих формирований не так терпеливы, могут и сразу пристрелить. – Он повернулся к Мэри. – Теперь вы, леди, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты, но тут полицейский смилостивился.

– Достаточно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто повернитесь, медленно.

– А как насчет бинтов? – спросил первый.

– У нее сильные ожоги, – ответил я. – Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на толстую, неровно намотанную повязку и пробормотал:

– Хм-м... А откуда я знаю, что это действительно ожоги?

– А что же еще? – Я чувствовал, что зарываюсь, но не мог сдержаться: в конце концов речь шла о моей жене. – Черт побери, а волосы? Она что, по-вашему, сожгла так волосы, только чтобы вас одурачить?

– Эти все могут, – с угрозой произнес первый полицейский.

– Карл прав, – сказал второй, более терпеливый. – Извините, леди, но придется проверить повязку.

– Вы не имеете права! – вспылил я. – Мы как раз едем к врачу. Вы...

– Помоги мне, Сэм, – перебила меня Мэри.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Тот, что был постарше, присвистнул и сказал:

– О'кей, я удовлетворен. Карл?

– Я тоже, Скай. Однако, как это вас угораздило?

– Расскажи, Сэм.

Когда я закончил рассказ, старший заметил:

– Вы еще легко отделались... В смысле, что вообще спаслись, мэм... Значит, теперь еще и кошки? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? – На его лицо словно набежала тень. – У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

– Да, тяжело, – посочувствовала Мэри.

– Всем сейчас тяжело. Однако ладно, друзья, вы свободны.

– Подождите-ка, – сказал первый. – Скай, если она пойдет по улице с такой повязкой на спине, кто-

нибудь наверняка пришкворит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

– Тоже верно. Видимо, придется вызвать вам патрульную машину.

Что они и сделали. Я расплатился за взятую напрокат развалюху и доехал с Мэри до входа в Отдел – через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе. Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на кнопках, а я поднялся, уже один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через „К-5“.

Очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, выдержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в Лету. Большинство мужчин носило такие же лоскутки с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным голым человеком на улице. Один мне запомнился особенно хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалей и нарукавной повязки с буквами „ДФ“, на нем ничего не было, но в руках он держал полицейскую винтовку марки „Оуэнс“. По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Обнаженных женщин было мало, но остальные могли с таким же успехом щеголять в чем мать родила – тоненькие бюстгальтеры и прозрачные трусики все равно мало что прикрывали. Главное, чтобы нигде не мог спрятаться паразит. Большинство женщин, правда, выглядели бы гораздо лучше в тогах – так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление вскоре исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные – с полным безразличием.

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старику. Он оторвал взгляд от бумаг и буркнул:

– Что-то ты долго.

– Где Мэри? – спросил я вместо ответа.

– В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка покажи, что у тебя с руками.

– Я их лучше врачу покажу, – сказал я. – Что тут у вас происходит?

– Если бы ты хоть изредка слушал новости, – проворчал Старик, – тогда тебе не пришлось бы спрашивать.

21

На самом деле я даже рад, что мы ни разу не включали стерео, иначе наш медовый месяц кончился бы, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу, какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Это доказали экспериментально еще до нашего отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик это знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

Вы скажете, нет ничего проще. На смену режиму „Голая спина“ приходит режим „Загар“, и население страны дружно скидывает одежду, оставаясь в чем мать родила.

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки, новая информация все еще держалась под грифом „совершенно секретно“. Только не спрашивайте меня почему. Наше правительство секретит все, до чего, по мнению „мудрых“ государственных мужей и всяческих бюрократов, мы еще не доросли. Им, мол, лучше знать, что нужно делать. Скрантонские беспорядки могли кого угодно убедить, что в зеленой зоне полно паразитов, но даже после этих событий режим „Загар“ ввели не сразу.

Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на восточном побережье на третий день нашего медового месяца. Властям потребовалось довольно много времени, чтобы разобраться в ситуации, хотя с самого начала было ясно, что освещение не может отключиться „случайно“ сразу в стольких бомбоубежищах. Я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в кромешной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а проклятые зомби, перебираясь от одного к другому, преспокойно насаживали им паразитов. В некоторых бомбоубежищах они, очевидно, добились стопроцентных результатов.

На следующий день начались беспорядки в других городах. Страну охватил страх. Строго говоря, первая добровольческая акция произошла, когда некий отчаявшийся гражданин попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т.Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним – толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах уполномоченные по гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги уполномоченным полагается оставаться наверху, почти никто из них не попался в лапы титанцам. Добровольцев хватало и помимо отрядов гражданской обороны: голых вооруженных людей с повязками уполномоченных по гражданской обороне или буквами „ДФ“ было на улицах примерно поровну. И те, и другие, случалось, стреляли по любому, кого могли

заподозрить – сначала стреляли, а разбирались после.

Пока мне залечивали руки, я входил в курс дела. Доктор ввел мне небольшую дозу „Темпуса“, и я около часа – субъективного времени прошло почти трое суток – сидел, просматривая стереопленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не продается населению, хотя известно, что кое-где студенты пользуются аналогичной техникой во время сессий. При работе с ней надо лишь подогнать скорость демонстрации к субъективной скорости восприятия. Глаза устают ужасно, но в моей работе это вещь незаменимая.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. К примеру, люди из добровольческих формирований перестреляли всех собак.

Ну что это за мир, где нет веры даже собакам?!

Кошек, похоже, титанцы почти не использовали. Бедняга Пират оказался редким исключением. Однако в зеленой зоне мало кто видел теперь собак днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте и на заре прятались. Порой так успешно, что их ловили даже на океанских побережьях. Поневоле вспомнишь об оборотнях.

Среди прочих я просмотрел несколько десятков кассет с записями стереопередач из красной зоны. Все их можно было разделить на три группы по времени выхода в эфир: период маскарада, когда паразиты продолжали „нормальное“ вещание; короткий период контрпропаганды, когда титанцы пытались убедить жителей зеленой зоны, что правительство сошло с ума; и последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культура у титанцев отсутствует; они паразитируют и в этом смысле тоже, просто адаптируя к себе ту культуру, которую встречают. В частности, они вынуждены поддерживать хотя бы на минимальном уровне хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им придется голодать вместе с носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения – правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако в целом фермеры оставались фермерами, механики – механиками, а банкиры – банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономическая система, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета.

Другое дело, зачем они сохраняли наши развлечения. Или потребность в развлечениях носит всеобщий характер? Их выбор человеческих забав, которые они сохранили и „улучшили“, характеризует нас самих не с самой привлекательной стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания – например, корриды в Мексике, где быку предоставлялись равные шансы с матадором.

Но все остальное просто мерзко, и я не хочу на этом останавливаться. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи без купюр, но я смотрел их профессиональным взглядом. Хотелось бы надеяться, что Мэри, которая тоже проходила инструктаж, ничего этого не видела.

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих.

22

Войну с паразитами мы проигрывали. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать их распространение, и при этом далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем без всякой уверенности, что такими мерами можно избавиться от паразитов. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, от чего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого оружия не существовало, хотя ученые работали не покладая рук. Тут идеально подошел бы какой-нибудь „сонный газ“, но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали все происходящее неким тираническим замыслом Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому, что они меняли свои убеждения, – просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип – этакие открытые, без предрассудков, деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в Конгрессе, даже попыталась реализовать эту идею. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по

телевизионному каналу, наспех проложенному через янтарную зону, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность. Титанцы пообещали, и они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое – воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить так: „Давайте все к нам! Вода отличная!"

Разве скот когда-нибудь подписывал соглашения с мясозаготовителями?

Северная Америка оставалась пока единственным известным местом высадки титанцев. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и переехала в Женеву. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие „гражданскими беспорядками", после чего секретариат обратился ко всем странам, членам организации, с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали об их начале. Обычное оружие годилось разве что при наведении порядка в янтарной зоне – теперь две ничейные полосы тянулись через всю страну от канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там бывали только наши патрули. Ночью же, когда они отступали, через границу пытались пробраться собаки – естественно, с паразитами.

За всю войну только один раз было использовано ядерное оружие – чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлингейма. Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но в данном случае сама доктрина подверглась резкой критике: тарелку нужно было захватить для изучения. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто расколотил этот проклятый корабль.

На страну, словно плотный туман, опустился Страх. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей, и так далее. Малейший слух о появлении титанца мигом собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением. Постучав ночью кому-нибудь в дверь, можно было получить пулю. Все честные люди оставались по ночам дома, а по улицам бродили только собаки.

Даже самый минимум одежды вызывал подозрительные взгляды, а подозрения, случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Сиэтле. На ней были только босоножки, а в руке – средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных заметил, что она не выпускает сумочки из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих „запасных частей" хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

23

В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка.

Всего третья тарелка, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гриннелла, паразиты сумели спрятать; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиан, засекли радары и видели на земле.

Когда тарелка садилась в районе Пасс-Кристиана, в десяти милях от Галфпорта патрулировал побережье красной зоны подводный крейсер „Роберт Фултон". Он двигался, выставив над поверхностью моря одни только рецепторы, и, когда тарелка снизила скорость (по данным орбитальной станции – с пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара, на контрольных экранах крейсера вдруг возник новый объект.

Возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала – в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что паразитам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее, он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: „К западу от Пасс-Кристиан на Миссисипи совершил посадку космический корабль". Второе было еще короче: „Высаживаю группу захвата".

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой – все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

– Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель назад: Старик, Мэри и я. В воздухе, когда мы, нарушая все ограничения скорости, рванули на юг, старик объяснил в чем дело.

– Но почему только наша „семейка"? – спросил я. – Туда надо направить целую десантную часть.

– Уже направлена, – серьезным тоном ответил Старик, затем вдруг ухмыльнулся. – А что ты так беспокоишься? В наступление идет неустрашимое семейство Кавано. А, Мэри?

Я фыркнул.

– Если ты опять хочешь поручить нам роль брата и сестры, тебе лучше подыскать другого агента.

– Ладно, но ты по-прежнему защищаешь ее от собак и посторонних мужчин, – сказал Старик. – Не

исключено, сынок, что сегодня решается все.

Он перебрался к пульту связи, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне и шепнула:

– Привет, братишка.

24

Я посадил машину на шоссе у побережья, к западу от Пасс-Кристиана (могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа „земля-воздух"). И вокруг, и над нами продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас. Выглядел он так же зловеще и убедительно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из пластика в Айове – огромный диск, чуть наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка раздавила дом, один из тех особняков с остроконечными крышами, что строят вдоль всего побережья, и теперь сидела между развалинами дома и стволом толстенного дерева.

Из-за того, что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около двенадцати футов диаметром в центре – без сомнения, вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футах в шести-восьми над корпусом тарелки. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должна быть центральная колонна, как у тарельчатого клапана. Почему они не закрыли шлюз и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом „болотная черепаха", легкий плавающий танк из группы захвата, высаженной с „Роберта Фултона".

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-водитель Флоренс Берзовска и стрелок Букер Т.У.Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием молодого розовощекого офицера, которому явно не терпелось кого-нибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не разрешил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего непосредственного командира, который в свою очередь связался с капитаном „Фултона". Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев – отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в его облике, в общем-то, не было.

Другое дело, что корабль выглядел не так . Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность – сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, ни единой отметины. Как его собирали – непонятно. Сплошная гладкая поверхность, и все.

Мы поднялись к этому „грибу" в центре тарелки – к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Один край „гриба" зажал „болотную черепаху" – танковую броню смяло, будто картонную коробку, но все же она выдержала. „Черепахи" могут погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они очень прочные.

Шляпка „гриба" смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле – или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли, – все равно не осталось ни следа.

25

Сам не знаю, что я ожидал увидеть внутри. Не то чтобы все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях или не считал эти элементы необходимыми. Мы оказались в небольшой, как бы приплюснутой круглой камере и оттуда поползли по змеящейся трубе около четырех футов диаметром: туннель уходил, наверное, в самое сердце корабля и по всей поверхности светился красноватым светом.

В корабле стоял странный тяжелый запах – словно болотный газ с душком от мертвых паразитов. Это, плюс красноватое свечение, плюс полное отсутствие ощущений тепла или холода под ладонями создавало неприятное впечатление, будто мы обследуем не космический корабль, а ползем по пищеводу какого-то чудовища.

Вскоре труба разделилась, словно артерия, на два прохода, и там мы впервые обнаружили титанского гермафродита-носителя. Он – пускай будет „он" – лежал на спине, будто спящий ребенок с паразитом вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв.

На первый взгляд, у титанца и человека больше сходных черт, чем различий. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет, что мы видим на самом деле. Взять хотя бы его „рот" – с чего я решил, что они им дышат?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство – четыре конечности и похожий на голову нарост, – они напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого быка. Тем не менее, что-то в нем было почти человеческое. „Маленький эльф", – подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна.

Обернувшись, Старик произнес:

– Он мертв. Они все погибли, когда танк нарушил герметизацию.

Мэри прижалась ко мне, словно искала защиты и утешения. Дышала она неровно, будто всхлипывала. Старик остановился и терпеливо спросил:

– Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула.

– Пойдем назад! Я не могу здесь!

– Мэри права, – сказал я. – Это работа не для троих агентов. а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

– Мэри, это необходимо сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, некому.

– Что это еще такое? Почему она должна здесь оставаться? – разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

– Мэри?

Каким-то образом ей удалось справиться с собой. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, пошла дальше, прямо через лежащего титанца. Я двинулся следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило титанцам командным отсеком – мертвых „эльфов" там оказалось еще больше. Вогнутые стены светились гораздо ярче, чем в туннеле, и были покрыты какими-то наростами с извилинами, похожими на кору головного мозга и столь же непостижимыми. Мне снова почудилось, что сам корабль – это большой живой организм.

Старик не остановился и нырнул в следующий туннель со светящимися красными стенами. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до десяти – даже встать можно было. Но не это главное – стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам, извиваясь и переворачиваясь, плавали в питательной среде тысячи и тысячи паразитов. Каждый контейнер освещался мягким рассеянным светом, и было очень хорошо видно, насколько они велики. Я с трудом сдерживался, чтобы не закричать.

Пистолет дрожал у меня в руке.

– Не вздумай! – сказал Старик. – Не приведи Господи, если они оттуда вырвутся.

Мэри смотрела на паразитов, не отрываясь, но лицо ее казалось мне чересчур спокойным. Наверное, она даже не понимала, что видит перед собой. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

– Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разбомбим их к чертовой матери.

– Нет, – тихо ответил Старик. – Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в зале чуть меньших размеров. Опять прозрачные стены и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо напротив меня, лицом вниз колыхалось тело мужчины. Тело человека. Земного человека лет сорока-пятидесяти. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени, как во сне.

Я смотрел, не в силах отвести взгляд и мучаясь ужасными догадками. Человек был в аквариуме не один – рядом колыхались другие тела: мужчины и женщины, молодые и старые – но этот почему-то задержал мое внимание. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но он вдруг шевельнул губами – Боже, лучше бы это был мертвец.

26

Мэри бродила вдоль прозрачной стены, словно во сне, полностью погруженная в себя, – останавливалась, вглядывалась в мутные заполненные телами аквариумы.

Старик смотрел только на нее.

– Ну что, Мэри? – спросил он мягко.

– Я не могу их найти, – чуть не плача, произнесла она голосом маленькой девочки и перебежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

– Ты не там их ищешь, – сказал он на этот раз твердо. – Тебе нужно вернуться к ним. Вспомнить.

– Но я не помню! – Как стон.

– Ты должна вспомнить! Уж это, по крайней мере, ты способна для них сделать. Тебе нужно вернуться к ним, отыскать их у себя в памяти.

Мэри закрыла глаза, и по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух.

Я протиснулся между ними и повернулся к Старику.

– Прекрати. Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

– Не лезь, сынок. Сейчас ты не должен мне мешать.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок. Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее за запястье.

– Назад, возвращайся назад, – донеслось до меня. – Туда, где все это началось.

– Нет... нет... – едва слышно откликнулась Мэри.

– Сколько тебе было лет? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

– Да... да, раньше. – Она всхлипнула и упала на пол. – Мама! Мамочка!

– Что тебе говорит мама? – мягко спросил Старик.

– Ничего не говорит. Только смотрит на меня так... странно. У нее что-то на спине. Я боюсь. Боюсь!

Пригнув голову, я двинулся к ним. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился на полпути.

– Я помню корабль, – пробормотала Мэри. – Большой, сверкающий корабль...

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я не расслышал. Происходило явно что-то важное, настолько важное, что целиком захватило внимание Старика.

Он говорил – успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно погрузилась в гипнотический транс. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо. Спустя какое-то время ее просто понесло, как бывает, когда срывается какой-то эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял рассказ.

Я услышал шорох в туннеле за спиной, и, выхватив пистолет, мгновенно повернулся. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил того молодого офицера, которого мы оставили охранять вход.

– Срочно на выход! – произнес он, задыхаясь, затем пролез мимо меня к Старику и повторил то же самое.

Старик зыркнул на него, как на смертельного врага.

– Заткнись и не мешай!

– Но, сэр, это необходимо, – настаивал офицер. – Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Возможно, придется уничтожить этот корабль. Если мы останемся, они разнесут его вместе с нами.

– Хорошо, – неожиданно спокойным тоном произнес Старик. – Мы идем.

Через час мы высадились на базе Мобил.

С базы мы вылетели на штабной машине в сопровождении нескольких истребителей. Я думал, мы направляемся к себе в Отдел или в Вашингтон, но вместо этого пилот доставил нас на другую базу, скрытую в теле горы, и лихо сел прямо в ангар – влетел в пещеру и сразу затормозил.

– Где это мы? – спросил я.

Старик, не ответив, выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним. Ангар был небольшой – всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, уловитель и единственная стартовая платформа. Охрана направила нас к двери посреди каменной стены, мы зашли внутрь и оказались в крохотном холле. Голос из динамика тут же приказал нам раздеться. Как ни жаль было расставаться с оружием и телефоном, но пришлось.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше – только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый по своему, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав, наконец, нашу компанию капитану.

– Мы получили ваше сообщение, – сказала женщина-капитан. – Доктор Стилтон уже ждет.

– Хорошо, – сказал Старик. – Но ты, сынок, останешься здесь.

– Почему это? – спросил я.

– Потому что ты чуть не испортил мне первую попытку.

– Офицерская кают-компания будет в первом проходе налево, – подсказала капитанша. – Можете подождать там.

Ничего другого мне не оставалось. По пути в кают-компанию я наткнулся на дверь, украшенную красным черепом с костями и надписью: „Осторожно! Живые паразиты. Только по специальным пропускам! Используйте процедуру „А“.

Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

В кают-компании прохлаждались трое или четверо мужчин и две женщины. Я нашел свободное кресло и сел, пытаясь сообразить, кем тут нужно быть, чтобы получить рюмку. Спустя несколько минут ко мне присоединился крупный общительный мужчина с цепочкой на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звездами.

– Новичок? – спросил он.

Я согласился.

– Гражданский эксперт?

– Не знаю, потяну ли я на эксперта, но для оперативной работы вроде бы гожусь.

– А как зовут? Извините за навязчивость, но я отвечаю здесь за режим секретности. Фамилия – Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

– Вообще-то, я видел, как вы появились на базе. Ладно, мистер Нивенс, а как вы насчет того, чтобы промочить горло?

– Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтоб налили?

– ...и насколько я понимаю, – говорил Келли, – режим секретности здесь нужен, как роликовые коньки кобыле. Результаты нашей работы надо публиковать в открытой печати и как можно скорее.

Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожать паразитов, не убивая носителя? Увы. Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, надо только подобраться достаточно близко и насыпать на хвост соли. Сам я не ученый – всего лишь полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству, – но я разговаривал с теми, кто здесь работает. И одно ясно уже сейчас: для победы в войне нужно биологическое оружие – микроб, который поражает паразита, но не носителя. Вроде бы не так сложно, да? Нам известны сотни болезней, которые смертельны для титанцев – оспа, тиф, сифилис, энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и людей.

– А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? – спросил я. – Всем, например, делают прививки от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

– Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда они научились отращивать себе этот наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, что наверняка убьет паразита, а у человека разве что вызовет насморк.

Тут я заметил в дверях Старика и, извинившись перед Келли, встал из-за столика.

– Где Мэри?

– Сейчас к ней нельзя.

– С ней что-то случилось?

– Я же обещал: все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать ее сопротивление. Это всегда тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

– Ты получил, что хотел?

– И да, и нет. Мы еще не закончили.

– А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

– Частная беседа.

– Да, сэр, – послышалось в ответ.

Одновременно на потолке зажегся зеленый сигнал.

– Верить им, конечно, нельзя, – пожаловался Старик, – но, по крайней мере, пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь о том, что ты хотел узнать... Хотя, по правде говоря, я не уверен, что тебе положено это знать. Да, она твоя жена, но душа ее тебе не принадлежит, а то, что нам стало известно, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжил задумчивым обеспокоенным тоном:

– С другой стороны, может быть, лучше рассказать тебе, иначе ты начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Ты невольно можешь вызвать у нее какой-нибудь нервный срыв. Она вряд ли что-то вспомнит – Стилтон работает предельно осторожно – но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Сам решай.

– Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы – на некоторые из них, – если ты поклянешься никогда не беспокоить по этому поводу свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

– Хорошо, сэр. Я обещаю.

– В общем, не так давно на Земле существовала группа людей – можно назвать их сектантами – к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

– Я знаю. Уитманиты.

– А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать; она сама не помнила.

– Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с удивлением и уважением одновременно.

– Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитманиты. И Мэри была в детстве с ними в Антарктиде...

Кстати, помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать? Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

27

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее, наоборот, – мягче, сентиментальнее... Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая, не мертвая – законсервированная, словно саранча в банке, – нет, это было уж слишком.

Откуда-то издалека вновь донесся голос Старика:

– Спокойно, сынок. С ней же все в порядке.

– Ладно... Дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем у северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя – Аллукьера. Никто не счел имя важной деталью, да и

вряд ли кому пришло в голову искать связь между маленькой девочкой-найденышем и крахом уитманитов: задолго до того грузовой корабль, доставлявший припасы в их колонию в Новый Сион, сообщил, что там никого не осталось в живых. Целых десять лет и двести миль непроходимых джунглей разделяли крохотное поселение Кайзервиль и забытую Богом колонию уитманитов.

Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? Да, событие невероятное, но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим и захотел разобраться. Кайзервиль в то время – это горняки, шлюхи, несколько представителей „Двухпланетной компании" и, пожалуй, все. А когда целыми днями ворочаешь на болотах радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении „мамами" или „тетями", а игрушки ей заменяли покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя и стали называть девочку просто Лукки. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитманитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри – вместе с ужасом и отчаянием.

Скорее всего, титанцы прилетели на Венеру на разведку. Но может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение двух веков, как минимум, и кто-то из последних пленников мог знать, где находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не проясняли.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители, превратившись в зомби, вдруг потеряли к ней всякий интерес. Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя, решив, что слабенькая девочка-несмышленыш ни на что не годится. Так или иначе, она целую вечность – в ее детском восприятии – оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Ее не трогали, но даже есть девочке приходилось то, что удастся стащить. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали, в основном, венерианцев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер – возможно, для использования в дальнейшем против Земли.

В конце концов, она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их базе на Венере. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли венерианские паразиты от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь и на Венере, и на Земле имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходится подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремниево-кислотную основу – как на Марсе – или фторовую, одни и те же паразиты не могли бы использовать и венерианцев, и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из „инкубатора". Планы титанцев захватить Венеру провалились – во всяком случае, она застала последние дни господства паразитов. Ее начали использовать в качестве носителя сразу же после анабиоза, но она пережила своего паразита.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

– И это все? – спросил я.

– А по-твоему мало? – ответил Старик.

– Но тут больше вопросов, чем ответов.

– На самом деле, нам известно больше, – сказал он. – Но ты не специалист по Венере и не психолог. Я рассказал тебе, что знаю, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не спрашивал. Будь с ней поласковей, на ее долю и так выпало слишком много.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

28

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они подцепили – в этом мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиан сообщили, что тарелку удержать не удалось, и, чтобы она не досталась титанцам, на нее сбросили бомбу.

Короче, другого источника информации, кроме Мэри, у нас не было. Если какая-то болезнь на Венере оказалась смертельной для титанцев, но не принесла вреда людям – Мэри, во всяком случае, выжила, – тогда нам оставалось определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно что проверять каждую песчинку на берегу моря. Список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, огромен. С точки зрения венерианских микробов, мы, видимо, слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры. Это, в общем-то, можно было поправить – но лет так за сто

дополнительных исследований чужой планеты.

А тем временем приближались заморозки. Режим „Загар“ не мог держаться вечно.

Оставалось искать ответ там, где его можно было попытаться найти, – в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделать я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась. В конце концов я не выдержал и сказал Старику, что пора.

– Ты же сам понимаешь, что у нас нет другого выхода, – тихо сказал Старик.

Я закусил губу.

– Почему ты оставил меня на базе, а не отправил, скажем, в Россию?

– Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя как испорченный ребенок. И кроме того, в России тебе делать нечего.

– Кто-то из агентов раздобыл информацию?

– Если бы ты хоть изредка интересовался новостями, тебе не пришлось бы задавать глупые вопросы.

Я торопливо вышел, узнал, что происходит в большом мире и вернулся. Оказалось, я прозевал сообщение об охватившей целый континент Азиатской чуме, втором по значимости событии после нападения титанцев. Эпидемия такого масштаба последний раз зафиксирована на Земле в семнадцатом веке.

Новости не укладывались в голове. Здравоохранение и санитария, насколько я знал, поставлены в России неплохо. Чтобы в стране разразилась эпидемия, необходимо буквально нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы.

Сейчас же оба заболевания быстро распространялись по всей территории Китая и России. Положение было настолько критическим, что правительство обратилось в ООН за помощью. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой. Я посмотрел на Старика.

– Босс, в России действительно полно паразитов.

– Да.

– Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно торопиться, а не то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса и... – Титанцы совершенно не заботились о санитарии. И видимо, с тех пор, как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нью-Орлеана не мылся ни один человек. Вши... Блохи... – Если мы не найдем выхода, можно с таким же успехом закидать их бомбами. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

– Да, пожалуй, – вздохнул Старик. – Может быть, это наилучшее решение. Может быть, единственное. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока остается хотя бы малейший шанс, мы будем искать выход.

Я задумался. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся? Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Теории, одни теории. Но одно было ясно: если мы не найдем способ уничтожить паразитов, в красной зоне разразится чума, причем очень скоро. Я наконец собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс „просеивания памяти“. Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет справиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть то, что пропустили другие. Понравится ли это Старику со Стилтоном, или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то как с принцем-консортом, не то как с нежеланным ребенком.

29

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона.

После довольно жаркого спора о моем праве присутствовать на сеансе (последнее слово осталось за Мэри), я, наконец, победил. В „операционной“ стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра, и несколько кресел. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал впрыскиватель.

– Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

– Стойте, – сказал я. – У вас есть записи предыдущих сеансов?

– Разумеется.

– Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

– Хорошо. Миссис Нивенс, может быть, вы подождете в моем кабинете? Я позову вас позже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: после спора со Стариком я здорово завелся.

– Давайте все-таки узнаем, хочет ли она уходить, – сказал я.

Стилтон удивленно вскинул брови.

– Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, нанести вред психике.

– Подобная терапия вызывает у меня серьезные сомнения, молодой человек, – добавил ассистент Хазелхерст.

– А вас, черт побери, никто не спрашивает! – взорвался я. – И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены и принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя олимпийцев. Я ненавижу эти замашки у паразитов и точно так же ненавижу их у людей. Так что потрудитесь узнать мнение Мэри.

– Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? – спросил Стилтон.

– Да, доктор, – ответила Мэри. – Очень.

Он явно удивился.

– Э-э-э... как скажете. Вы будете смотреть их одна?

– Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи.

Первые кассеты относились к раннему детству.

Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я понял, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось – начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились в ее памяти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула мне свою руку. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала пальцы, но больше никак себя на выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью „Период анабиотического сна“, и мы перешли к следующей группе – от пробуждения Мэри до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица – это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудость воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем совершенно неожиданно паразит исчез, и она вновь стала маленькой девочкой, больной и испуганной. Сохранившиеся в памяти мысли путались и расплывались, но потом возник новый голос, громкий и чистый:

– Чтоб я сдох, Пит! Здесь маленькая девчонка!

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и много других голосов и мыслей.

– Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода, – сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора. – Они все немного отличаются друг от друга, а период для нас ключевой.

– Почему, доктор? – поинтересовалась Мэри.

– Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который э-э-э... управлял вами, тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов.

– А вы не знаете? – удивленно спросила Мэри.

– Что? Нет еще, но узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные записи.

– Но я думала, вы уже знаете. Это „девятидневная лихорадка“.

– Что? – Хазелхерст выскочил из кресла.

– Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь – я имею в виду „маску“. В Кайзервиле мне случалось ухаживать за больными „девятидневной лихорадкой“, потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

– Что вы на это скажете, доктор? – спросил Стилтон. – Вам приходилось видеть таких больных?

– Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина. Но я, разумеется, знаком с клиническими характеристиками.

– А можете вы сделать вывод на основе этих записей?

– Х-м-м... – Хазелхерст осторожничал. – Я бы сказал, что увиденное совпадает с этой версией, но не доказывает ее.

– Какая еще версия? – резко спросила Мэри. – Я же сказала, что это „девятидневная лихорадка“.

– Мы должны быть уверены на все сто процентов, – извиняющимся тоном произнес Стилтон.

– А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась. Я помню их лица перед смертью – точь в точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного „девятидневной лихрадкой“, ни с чем другим эту болезнь не спутает.

– Хорошо, я думаю, вы свою точку зрения доказали вполне убедительно. Но объясните, пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

– Да, теперь помню, – произнесла Мэри несколько озадаченно. – И очень отчетливо.

– Кажется, я понимаю. – Стилтон повернулся к Хазелхерсту. – Ну, доктор? У вас есть культура „девятидневной лихорадки“? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст смотрел на нас такими глазами, будто его только что двинули по голове.

– Работали?! Нет, конечно! Это исключено! „Девятидневная лихорадка“... С таким же успехом мы можем применять полиомиелит или тиф. Все равно что заусенец рубить топором!

Я тронул Мэри за руку.

– Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я повел ее сразу в кают-компанию и применил свое лекарство – неразбавленное...

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом и дождался, когда она заснет. Затем отыскал Старика в выделенном ему кабинете.

– Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд.

– Я слышал, Элихью, ты нашел-таки „горшок с золотом“.

– Пусть лучше будет „Сэм“, – ответил я.

– Что ж, хорошо, Сэм. Победителей не судят. Однако горшок оказался до обидного мал. „Девятидневная лихорадка“... Не удивительно, что вся колония вымерла вместе с паразитами. Видимо, мы не сможем воспользоваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то, что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я все понимал. При „девятидневной лихорадке“ смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных – ноль, но к нашей ситуации это не относилось. Нам нужна болезнь, от которой умирали бы паразиты, а не люди.

– Видимо, это и не имеет значения, – заметил я. – Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы – может быть, и то, и другое сразу.

– Если только паразиты не извлекут урок из ситуации в Азии и не введут жесткие санитарные меры, – ответил Старик.

Эта мысль настолько меня поразила, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

– Однако, Сэм, придется тебе разработать план получше.

– Мне? Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.

– Был. Теперь ты его возглавляешь.

– Что за чертовщина? О чем ты говоришь? Я ничего не возглавляю, да и не хочу. У меня уже есть босс – ты.

– Босс – это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия приходят позже. Как ты полагаешь, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я покачал головой. Первый заместитель Старика был, скорее, кабинетным руководителем. Он отлично справлялся с задачами, которые на него возлагались, но на „мыслителя“ и стратега не тянул.

– Я никогда не продвигал тебя по службе, – продолжал Старик, – потому что был уверен: придет время, и ты сам себя продвинешь. Что и произошло. Ты не согласился с моим мнением по важному вопросу, навязал мне свою волю и оказался прав.

– О боже, чушь какая! Я просто уперся и заставил вас один раз поступить по-моему. Почему-то вам, умникам, так и не пришло в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере – я имею в виду Мэри. Но я вовсе не ожидал найти какие-то ответы. Это просто удача.

Старик задумчиво покачал головой.

– Я не верю в удачу, Сэм. „Удача“ – это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев.

Я оперся руками о стол и наклонился к Старику.

– О'кей, пусть так, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все это кончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь всю жизнь распекать чокнутых агентов.

– Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле. Но хотелось бы знать, каковы ваши планы, сэр.

30

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел. Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии. Однако Старик обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их „ведут“.

Но я-то его знал. А когда на тебя смотрят все, гораздо легче высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более, что у меня было свое мнение.

В основном, собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать „девятидневную лихорадку“. Да, конечно, она убивает титанцев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить, и ничего им не делается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства исход может быть только один. Семь – максимум, десять дней после инфицирования – и конец.

– Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? – обратился ко мне командующий базой генерал.

Сам я не вызывался, но Старик смотрел только на меня и ждал.

– Мне кажется, – начал я, – здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении, и слишком много прозвучало оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

– Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

– Вот, скажем, все говорят о „девятидневной лихорадке" так, будто эти девять дней абсолютно неизменная характеристика болезни. Что не соответствует истине.

Генерал нетерпеливо пожал плечами.

– Но это просто удобное наименование. По статистике, болезнь протекает в среднем девять дней.

– Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней для паразита?

По ответному ропоту я понял, что попал в точку. Мне предложили объяснится,

– Что касается первой части вопроса, – начал я, – то в одном известном нам случае паразит действительно умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены – а на мой взгляд, их видело уже слишком много людей – знают, что паразит оставил ее задолго до кризиса, который обычно случается на восьмой день. Если эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный „девятидневной лихорадкой", может избавиться от паразита, допустим, на четвертый день. У вас остается пять дней, чтобы вылечить „носителя".

Генерал присвистнул.

– Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Допустим, мы спровоцировали в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия – кстати, встречающие активное сопротивление – чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Я тут же отшвырнул „горячую картофелину" назад. Наверное, не один „эксперт" сделал себе имя подобным маневром.

– Вторая часть вопроса – это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению. Ваша задача. А что касается первой, то вот ваш эксперт. – Я указал на доктора Хазелхерста.

Тот пыхтел, сопел – в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. Недостаток опыта... необходимость дальнейших исследований... дополнительные эксперименты... Хазелхерст вспомнил, что в свое время велись разработки антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько результативной, что он даже не был уверен, доведена ли работа до конца. В заключение Хазелхерст заявил, что изучение венерианских болезней находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

– Насчет этого антитоксина – когда вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что ему нужно позвонить в Сорбонну.

– Звоните. Прямо сейчас, – приказал генерал. – Можете идти.

На следующее утро, еще до завтрака, Хазелхерст появился у двери в нашу комнату. Я вышел в коридор.

– Извините, что разбудил вас, – сказал он, – но вы оказались правы насчет антитоксина.

– В смысле?

– Мне уже выслали партию из Парижа. Груз прибудет с минуты на минуту. Надеюсь, антитоксин еще действует.

– А если нет?

– Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае, потребуются, если этот дикий план будет запущен, миллионы ампул.

– Спасибо, что сообщили, – сказал я и уже собрался идти в комнату.

– Мистер Нивенс! Есть еще вопрос переносчиков...

– Переносчиков?

– Да, переносчиков инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей и прочих. Вы в курсе, как передается болезнь на Венере? Маленькими летающими коловратками – я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого. На Земле таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

– Вы хотите сказать, что при всем желании не можете меня заразить?

– Нет, почему же. Я могу ввести вирус вам в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы. – Он развел руками.

У меня в голове начал складываться план. Миллион парашютистов, разом...

– А почему вы обращаетесь ко мне? – спросил я. – Это, скорее, по части медиков или биологов.

– Да, конечно. Я просто подумал... Вам как-то легко удается...

– Спасибо. – Мой мозг пытался решить сразу две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора. Сколько, интересно, всего людей в красной зоне? – Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка. Вы не можете меня заразить?

– Это нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок и он попадет вам в носоглотку, тогда вы, видимо, заболеете. При переливании крови от меня к вам, заболеете наверняка.

– Значит, нужен непосредственный контакт, да? Сколько человек сможет „обработать“ один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

– Как это?

– А что прежде всего делает паразит, встречаясь с другим, которого он долгое время не видел?

– Конъюгация!

– Я всегда называл это „прямые переговоры“. Вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

– Полагаю? Я в этом абсолютно уверен! Мы уже доказали – здесь, в лаборатории – что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию. И как я сам до этого не додумался?!

– Вы пока не очень-то настраивайтесь на победу, – сказал я. – Хотя лично я думаю, этот трюк сработает.

В своем докладе Хазелхерст назвал способ распространения информации „вектором Нивенса“. Сразу после него меня попросили высказать свои соображения.

– Я согласен с доктором Хазелхерстом, – начал я, – хотя здесь требуются экспериментальные подтверждения. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а, скорее, тактический характер. Такой важный аспект, как задержка перед высадкой десанта с антитоксином – можно даже сказать, краеугольный аспект... – Речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды. – Это требует начала распространения инфекции сразу во многих точках. Если мы хотим спасти сто процентов населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены почти одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне после того, как паразиты перестанут представлять опасность, но до того, как носители пройдут кризисный срок, после которого антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу... – Сэм, сказал я при этом себе, старый ты шарлатан, тебе самому с такой задачей даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться. – Соответствующую задачу следует поставить и перед аналитическим отделом. Однако я позволю себе обрисовать проблему хотя бы в общих чертах. Количество векторов обозначим „X“, а количество спасателей „S“. Существует бесконечное число вариантов этой задачи, но оптимальное решение зависит от возможностей материально-технического обеспечения. Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на собственном – к сожалению, слишком близком — знакомстве с их привычками... – Цифры я, как мог, прикинул на логарифмической линейке, но им, разумеется, этого не сказал. – ...полагаю, что нам понадобится...

Все затаили дыхание. Когда я дал для „X“ слишком низкую оценку, генерал меня перебил:

– Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет столько, сколько нужно.

Я покачал головой.

– Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

– Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то.

Сделать все это, конечно, несложно, но я возражал против добровольцев по другой причине – отвратительной казалась сама мысль, что людям придется подчиняться паразитам.

– Нет, использовать добровольцев нельзя. Паразит узнает все, что знает его носитель, и на „прямые переговоры“ будет наложено вето. Я думаю, нам придется использовать животных – обезьян, собак. Их должно быть достаточно, чтобы заразить всю красную зону прежде, чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по операции „Милосердие“.

– Первый этап операции „Лихорадка“ можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина. И через неделю после этого на континенте не должно остаться ни одного паразита.

Никто не аплодировал, но атмосфера очень напоминала зал после премьеры. Генерал отправился на переговоры с маршалом Рекстоном и вскоре прислал своего помощника с приглашением на ленч. Я ответил согласием, но при условии, что приглашение распространяется на жену.

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке – Сатана – полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от паразита. Старик вызвался добровольцем для проверки „теории Нивенса-Хазелхерста“, но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане. Откровенно говоря, я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтобы он оказался на их стороне даже в лабораторных условиях – слишком уж Старик хитер и изворотлив. Люди, которые не испытали на себе власть паразитов, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители – и при этом сохраняют все свои профессиональные качества.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев На-

ционального зоопарка, но и множество других из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Сатану инфицировали „девятидневной лихорадкой“ в среду, двенадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Титанцы тут же соединились для прямых переговоров, после чего вторую обезьяну снова посадили отдельно.

В субботу шестнадцатого паразит Сатаны съежился и отвалился. Шимпанзе сразу ввели антитоксин. В понедельник сдох второй паразит, и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фонтлерой, тоже поправлялась. На радостях я дал Сатане банан.

Конечно, миллион с лишним человек для операции „Милосердие“ у нас разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги, когда каждому из них выдадут пистолет и аптечку с индивидуальными впрыскивателями антитоксина. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне: если титанцы узнают о наших планах – все пропало.

Утечка информации за пределы базы практически исключалась. Неделей раньше генерал, Старик, полковник Гибси и я побывали в Белом доме. Старик долго скандалил, но своего все-таки добился: в конце концов о плане не сообщили даже шефу службы безопасности Мартинесу. Если Президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

31

Все собрались в том же президентском конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения президента к нации. Присутствовали: Старик, Мэри, Рекстон, Мартинес, а также генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гибси. Все следили за электронной картой на стене; прошло уже четыре с половиной дня от начала операции „Лихорадка“, но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно, и мы потеряли только три десантные машины. По расчетам, каждый паразит – за исключением тех, которые по каким-то причинам не вступили в „прямые переговоры“, – должен был заразиться три дня назад. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около восьмидесяти процентов титанцев в первые двенадцать часов – в основном, в городах.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там, за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов мертвых паразитов – или всего две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Или предал нас? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку?

Неожиданно на красном поле вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора раздался голос, хотя изображение так и не появилось.

– Говорит станция Дикси, Литл-Рок. Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках... – Голос растаял – то ли от слабости, то ли что-то случилось со связью.

Я обнаружил, что перестал дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как полегчало на душе. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме. Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой – чуть к северу от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос – со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

– Как во время выборов под конец дня, да? – пошутил Мартинес.

– Похоже, но обычно мы не получаем сведений из Мексики, – согласился Президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелись сразу несколько зеленых огней.

– А черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава Богу, умолк. Я посмотрел на Президента. Тот вдруг сказал: – Кто-нибудь будет ужинать? У меня впервые за несколько месяцев разыгрался аппетит.

32

С лучеметом в левой руке и впрыскивателем в правой я пробирался от дома к дому в назначенном мне квартале – старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные жилыми домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум с половиной десяткам больных, еще тридцать ампул оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но, по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел вместе с десантниками. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подыхают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел. Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только одного – забыть.

Работа была не тяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку, у которой, как мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы на закате, и вскоре стало совсем темно.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже – то же самое.

На самом последнем – три пустые квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них мне пришлось выжечь замок. В четвертой жили – если можно так сказать. На полу кухни лежала женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате в старинной чугунной ванне сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми венами. Мне показалось, что он мертв, но когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и тупо произнес:

– Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, пятью минутами позже было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

– Моя дочь...

– У вас есть дочь? – громко спросил я. – Где она?

Веки его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я прикрикнул на него, надеясь, что он очнется, потрогал подбородок и приложил палец к горлу. Пульса не было.

Его дочь лет восьми я нашел в постели в одной из комнат. Она проснулась, заплакала и назвала меня „папочкой".

– Да, папочка здесь. Сейчас папочка тебя вылечит, – сказал я и ввел ей антитоксин в ногу. Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

– Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил.

– Да. Что случилось?

– Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

– Иду.

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же было оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на мертвых родителей. Я взял девочку на руки и отнес на второй этаж, зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире лежали без движения, но что еще я мог сделать?

– Скорее, сынок!

– Иду! – Я метнулся на улицу. Обогнув дом, я не заметил Старика и пробежал мимо.

– Сюда, сынок. Я – в машине! – Обернувшись, я увидел машину, большой летающий „кадиллак", вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть кто.

– Слава Богу! Я уж думал, куда ты запропастился.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он и двинул меня по затылку.

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал на втором водительском сиденье, а Старик вел машину. Руль на моей стороне был убран. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я окончательно очнулся.

Старик повернулся ко мне и спросил довольным тоном:

– Ну как, уже лучше?

– Пожалуй, – ответил я, глядя на сидящего у него на плечах паразита.

– Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

– Да, наверное.

– Придется пока оставить тебя связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше. – Он улыбнулся своей такой знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает „что-нибудь получше", – не хотел знать.

– Куда мы летим?

– На юг, – ответил он, склонившись над приборами. – Далеко на юг. Подожди, я задам колымаге программу и тогда объясню тебе все наши планы. – Он еще несколько секунд работал с автопилотом, затем выпрямился. – Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на отдельскую, это и была одна из наших специально переделанных машин.

– Где ты ее взял? – спросил я.

– Отдел держал ее в тайнике в Джефферсон-Сити. Я проверил, и вот, ее действительно никто не нашел.

Я пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал с другой стороны, подальше от меня.

– Но это еще не все, – продолжал Старик. – Мне посчастливилось быть пойманным: возможно, единственным во всем Джефферсон-Сити здоровым титанцем. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим. – Он усмехнулся. – Это очень похоже на сложную шахматную партию, когда играешь сразу за обе стороны.

– Ты не сказал, куда мы летим.

Он на секунду задумался.

– Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, что кроме моего хозяина, на всем континенте больше нет ни одного незаболевшего титанца, и я не хочу рисковать. Полуостров Юкатан нас, видимо, вполне устроит – как раз туда я и направил машину. Во второй раз – а мы обязательно вернемся! – мы не повторим тех же ошибок.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе ей требовалось время, чтобы набрать тридцать тысяч футов: в конце концов, с конвейера она сошла как обычная серийная модель.

– Мы с тобой еще погуляем, сынок, – сказал Старик. – Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

– Кстати, ты ведь сам носил титанца. Почему ты мне ничего не сказал?

– О чем?

– Каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно – покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что... – на лице у него промелькнуло удивленное выражение. – Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказал мне об этом.

Меня охватило отвращение.

– Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

– Не кипятись, сынок, – сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно немного меня успокоил. – Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу – добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

– Осталось совсем немного, – сказал отец, бросив взгляд на приборную панель. – Сейчас я задам направление, и приступим. – Он настроил автопилот и проверил еще раз приборы. – Следующая остановка – Юкатан. А теперь пора к делу.

Отец поднялся с сиденья и наклонился.

– Это на всякий случай, – сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

И в этот момент я двинул коленями ему в лицо.

Отец уклонился и бросил на меня беззлобный взгляд.

– Нехорошо, нехорошо. Я мог бы обидеться, но хозяева выше этого. А теперь сиди смирно.

Он сел на свое место и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Теперь мне хорошо было видно его паразита.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая силы, пытался хоть немного ослабить веревки.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия. Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из моего отца жизнь, чтобы хватило на двоих титанцев.

И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой воли, я бы это сделал. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилев и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия – верный признак того, что процесс деления вот-вот закончится. Именно это, пожалуй, и заставило меня подумать о другом выходе, если то, что происходило у меня в голове, можно охарактеризовать словом „думать“.

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сидению ремнем безопасности. Но ноги, хотя и связанные вместе, не были привязаны к креслу. Я сполз по сиденью и изо всех сил ударил ногами по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась дай Бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей и поэтому не могу сказать, сколько вышло „g“, но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был пристегнут. Его бросило на спинку сиденья, и потерявший панцирь, беззащитный паразит оказался словно между молотом и наковальней.

Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в этом жутком спазме, который я видел уже три раза. С искаженным лицом, со скрюченными пальцами он буквально воткнулся в руль.

Машина резко пошла вниз.

Я бессильно следил за тем, как она падает.

Альтиметр деловито щелкал. Когда я нашел взглядом прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять... семь... шесть, и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка, и один за другим выстрелили тормозные ускорители. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что машина не разобьется. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на руле.

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

Я начал приходить в себя, когда почувствовал какое-то мягкое покачивание. Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль „Когда же это кончится?" Каждое, даже самое легкое движение вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз – второй вообще не открывался – и тупо огляделся, пытаясь сообразить, что же вызывает это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнился стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать. Второй глаз не открывался, дышал я с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я повернул голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверное, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Я почти касался щекой его щеки. Никаких признаков жизни, и судя по тому, как он лежал – изломанный, словно кукла – на чудо рассчитывать не приходилось.

– Папа, – хрипло позвал, а затем закричал я. – Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

– Привет, сынок. Спасибо... Я тебе очень благодарен... – прошептал он и умолк.

– Папа! Очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово давалось ему с болезненным усилием:

– Твоя мать... просила передать тебе... она очень тобой гордилась...

Отец затих, и его дыхание вдруг стало сухим и хриплым – зловещий предсмертный хрип.

– Папа, – закричал я сквозь слезы, – не умирай! Я не смогу без тебя!

Он открыл глаза.

– Сможешь, сынок, сможешь. – Пауза, хриплый натужный вздох, затем: – Мне так больно... – И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

33

Мы вычистим этот Титан!

Несмотря на успешное завершение операции „милосердие", мы не можем полагать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять – если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки. Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского „года", но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего „года".

Меня направили, помоги нам Бог, как „специалиста по прикладной экзопсихологии", но кроме того, я еще и боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам, что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Я втайне надеюсь, что мы сумеем спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. С эльфами, мне почему-то кажется, мы поладим).

Справимся мы с паразитами или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную по части свирепости репутацию. Цена свободы – это готовность вступить в драку, в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только одно: „Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!"

Никому ведь неизвестно, какую еще грязную шутку может сыграть с нами большая вселенная. И па-

разиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез приготовиться к первому действию. Мы считали, что вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после „завоевания" космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже стар, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль – или хотя бы на роль уважаемого соседа, – ему придется доказывать это в борьбе.

Каждый из участников операции хоть раз был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на секунду нельзя терять бдительность – и как нужно ненавидеть. Полет продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать лет – не просто путешествие, это образ жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: „Хорошо, дорогой".

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, раса должна идти дальше, даже если еще не ясно куда.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем, как сдавать в Отдел, его придется доработать. Но я все изложил так, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой – это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее того, что я делал.

Отчет я заканчиваю уже на космической станции „Бета", откуда мы должны перейти на крейсер „Мститель". Похоже, у меня не будет времени доработать свое „сочинение", так что оставляю его как есть – пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайкс-Пик-Порт с отцом. Он меня сразу поправил:

– Не „прощай", а „до свидания". Вы вернетесь. А я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудаковатей и ворчливей.

Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул.

– Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и таких, как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе – волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды: свободные люди летят по ваши души!

Перевел с английского
Александр КОРЖЕНЕВСКИЙ

Бремя свободы

Александр АСМОЛОВ,
вице-президент
Общества психологов СССР

В романе Роберта Хайнлайна "Кукловоды" человек под воздействием чужой воли превращается в роботв, причем даже не робота Айзека Азимова, в которого, по крайней мере, были вмонтированы законы роботехники, а в самую страшную разновидность машины – неинтеллектуального социального робота, лишенного памяти. Но расчлененная личность, айтматовский манкурт – объект, к сожалению, далеко не фантастический. Проблему обезличивания человека, затронутую в предыдущем номере журнала публицистом Виктором Белицким, рассматривает психолог.

Как в истории культуры возникает личность? Все начинается, когда мы задаем себе этот вопрос, которым болели долгие годы, пока психология была наукой уха-горла-носа; человек был как бы разделен, расчленен на отдельные функции (восприятие, память и т.д.). Вспоминаются слова Гете: "Во всем подслушать связь стремясь, хотят явленья обездушить, забыв, что если в них нарушить одушевляющую связь, то больше нечего и слушать"... Вопрос этот называли то телеологическим, то теологическим, но в любом случае предполагалось, что есть провидение, которое нами управляет. Провидение есть, и возникает идея о том, что каждый из нас – одна из возможностей эволюционного процесса истории, каждый рождается, если угодно, для ответа на вопрос: "ЕСЛИ?". Если сбывается его судьба, если он вносит вклад в развитие истории, все может пойти не по противоположному, другому, но по иному пути. Не "контркультура", но иная культура.

Есть замечательный рассказ Роберта Шекли о том, что где-то в Космосе существует Ответчик. К нему приходят представители разных цивилизаций, разных форм жизни, и задают вопросы. Человек спрашивает: что такое жизнь и смерть? Люди? И получает ответ: частность. Все уходят неудовлетворенными. Между тем, можно получить ответ на любой вопрос, если только правильно его поставить.

Это гениальный рассказ, в нем ключ к многим происходящим в нашей жизни процессам. Что порождает социальных роботов? Насколько каждому из нас грозит опасность в определенных обстоятельствах превратиться в манкурта?

Вопрос об обезличивании, о манипуляции человеческим сознанием нужно ставить в историко-культурном контексте, в системе координат, связанной с именами выдающихся ученых, скажем, нашего соотечественника, психолога Л.С.Выготского или культур-антрополога Леви-Стросса. Этой проблемой много занимался Бруно Беттельгейм, воспитанник знаменитой Венской школы психоанализа. Полтора года он просидел в гитлеровских лагерях Дахау и Бухенвальд, где имел трагическую возможность изучать разрушительное воздействие лагерной жизни на личность заключенного, превращение нормального человека в "идеального заключенного". И каждый раз, отвечая на этот вопрос, мы должны не только погрузиться в прошлое, но и попытаться заглянуть в будущее.

Весьма условно мозаику культуры в ходе человеческой истории можно расположить у двух полюсов – полюса **полезности** и полюса ***достоинства.*** В первом случае люди, как муравьи в муравейнике, оцениваются по своей служебной функции. Они винтики единого механизма. Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы **выжить, а не жить.** Ее цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, – воспроизводство самой себя без каких-либо изменений.

Опознавательный "знак" такой культуры – операция пересчета (естественно, не арифметическая, а культурная). Мы помним замечательный мульфильм о козленке, который научился считать до десяти и которого все сначала хотели забодать, а потом с восторгом сами принялись "считаться". Что есть стремление одеть человека в форму, присвоить номер, как не лишение имени? В обществе культуры достоинства личность самоценна, в культуре полезности ее ценность вторична – лишь в отношении какой-либо деятельности, функции.

Наша культура, понятно, первого

типа. Предпосылки обезличивания вмонтированы в нее, и многие наши сограждане существуют манкуртами. Как-то Алексею Николаевичу Толстому принесли в дом поросят в мешке и попытались вытряхнуть их прямо на паркет. Он попросил: не трогайте их, пожалуйста, им там тепло и вонько. Так вот, многие наши личности (употребляю это слово без малейшей иронии, поскольку психологически любой человек имеет личность) в управляемом обществе именно так себя и чувствуют: уютно, тепло и вонько. Но мы так надышали все эти запахи, так к ним привыкли... и так тревожно, когда начинаются социальные сквозняки. Проще остаться в мешке существующей культуры.

Десятилетиями этой проблемы предпочитали не касаться (хотя мастера всегда ее осознавали), и публикация сочинений, подобных антиутопиям Оруэлла и Хаксли, была невозможной. Советский человек прежде всего должен был быть полезным. И не обижаться. "Мы люди маленькие", "я как все", "сверху видней", "сиди и жди – придумают вожди"... Сейчас же проблема манипуляции осознается не только индивидуальностями, но самими массами, она воспринимается частью общества как оскорбление. Стало понятно, что эксперменты на обезличивание являются, можно сказать, краеугольными камнями советской истории. И пропаганда (в прошлом номере журнала Виктор Белицкий подробно писал о телевидении, подобных ему формах воздействия на личность, что избавляет меня от необходимости об этом говорить) отнюдь не единственное средство.

Для того, чтобы превратить народ в контролируемую управляемую массу, необходимо обеспечить поголовную занятость людей, особенно молодежи, включив их в конвейер "общественного воспитания". Так, например, гигантские пирамиды в Древнем Египте, вовсе не необходимые для строящих их сотен тысяч людей, бросаемые вскоре после завершения строительства храмы древнеамериканских индейцев, Великая Китайская стена – все это, по мнению эстонского социолога Ю.Круусвала, орудия ограничения свободы выбора деятельности человека. Прагматически, экономически эти стройки вряд ли были необходимы обществу. Но благодаря им в культуре полезности осуществлялось управление людьми. Аналогичный механизм, на мой взгляд, лежит за стройками типа Беломорско-Балтийского канала, вообще ГУЛАГа. А что предпринял Н.С.Хрущев? Для решения проблем молодежи было предложено осваивать целину. Не берусь судить об экономическом эффекте, но одно несомненно: молодежь "оттепели" стала управляемой социальной группой. Брежневский БАМ... Когда я слышу критику идеи поворота сибирских рек за ее экологическую вредность и экономическую несостоятельность, то всегда помню, что идея эта вполне укладывается в логику управления наиболее подвижной частью общества. Кстати, общество устроено очень хитро, с помощью подобных строек оно уничтожает собственное время развития личности, которое мы иногда называем странным термином "свободное время". Все это – мощные эксперименты на оболванивание, потому что ЕСЛИ КУЛЬТУРА ХОЧЕТ ИСКЛЮЧИТЬ НЕОЖИДАННОСТИ, если она хочет взять власть над провидением, конечно, она пойдет по этому пути. Есть замечательный рассказ Саймака – "Поколение, достигшее цели". Ракета, запущенная к одной из планет, летит долго-долго. Путешествие становится самоцелью, и, когда планета достигнута, непонятно, зачем вообще выходить из корабля. Это и о нас написано – поколение, достигающее цели, но не достигшее жизни.

Оболванивание приходит в разных обличьях. Не обязательно на БАМе – это может случиться и у Белого Дома. Кстати, по наблюдениям людей, бывших там в дни путча,участники, собравшиеся 19 августа, и те, кто пришли на митинг 22-го, – разные. "Я никогда не видела более нежной толпы, чем в день начала путча у Белого дома", – такую странную фразу сказала мне одна женщина. Но дело-то в том, что нежной толпы в принципе не бывает; психологически то, что она видела, есть группа общающихся индивидуальностей, где каждый сделал выбор, прежде чем прийти защищать демократию. Это было явление культуры достоинства, а не культуры полезности. А 22-23-го, когда люди пришли по призыву победителей, мы имели явление совершенно другого порядка: выбор уже был сделан, новый вождь найден.

Всю жизнь мы выбираем. Есть люди, которые даже в мелочах боятся поступать не как все. Формула Гете: А ты куда? – Туда, куда и люди... Они-то и составляют толпы, а для толпы характерно то, что называется героизацией, которая на самом деле родная сестра оболванивания. У нас таких людей много: сошлюсь на цифру, приведенную в статье Виктора Белицкого: в советском обществе треть граждан составляют гипнотики, то есть люди, легко поддающиеся внушению. Эксперименты в стиле Кашпировского наглядно показывают, насколько многие хотят, чтобы ими обладали, управляли, чтобы за них принимали решения. Эти эксперименты не прошли в США, что опять же показательно.

Для героя толпы конечная цель задана. Но есть героизм другого типа, сахаровского, когда один-единственный человек способен противостоять огромному залу, огромному обществу, которое стоит за этим залом, и исход борьбы неизвестен. Для индивидуальности решение возникает в силу внутренней необходимости, здесь нет игры в личность, когда человек должен вести себя "как герой". Он сам рискует и платит за риск, сам несет бремя выбора, и никогда его не покидают сомнения.

Конечно, все можно довести до логического абсурда и самостоятельно принять решение, например, одевать пиджак через голову. Если бы мы всегда жили в море сомнений, ситуация напоминала бы ту самую многоножку, которая никак не могла решить, с какой ноги ходить, и не сделали бы ни шагу. Природа каждого из нас вырастает из природы культуры: словами П.Флоренского, культура есть среда, растящая личность. В этой среде существует опыт, традиции, представления, по которым и формируются привычки, навыки человека. Иногда мы дорого готовы заплатить за то, чтобы ничего не видеть, не слышать, не решать. Вот пример не из области политики. Когда вы знаете, что близкий вам человек заинтересовался другим человеком, а к вам охладел, как хочется быть слепым и глухим и делать вид, что ровно ничего не происходит... Так бывает со всеми, разница только во времени, на которое затягивается решение. Но ведь это плата за стабильность вашего поведения, которое, в свою очередь, есть плата за стабильность вашего мира. Все мы на словах любим удивительное и необычайное, но как чудно жить в прогнозируемом мире, где точно знаешь, что будет – что оденешь, что приготовят на завтрак, где стоит лампа, и так завтра, послезавтра... На самом деле это, так сказать, эйфория успокоения, без которой очень трудно обойтись.

Интересно другое: эти реакции, шаблоны, спаянные в то, что Э.Фромм называл социальным характером, – они-то и освобождают нас от принятий решений по мелочам, от рефлексии на тему, надо ли, скажем, чистить зубы. В типичных ситуациях эти реакции ведут черновую работу; но где грань, за которой они перестают обслуживать принимаемое решение и становятся смыслом существования? Иными словами, управляемый человек от типовых реакций, которые необходимы и оправданы, рвется в типовое поведение на макроуровне, стремясь свести ВСЕ общественные отношения к типовым ситуациям. Общество инкапсулируется в своем развитии.

Где грань, разделяющая привычное и удивительное? Ответ в решении проблемы выбора. Выше мы говорили о двух видах выбора: личностном, с неопределенностью исхода, и выборе, за которым все прогнозируется, все предсказывается. Если в историю культуры, как лакмусовые бумажки, опустить эти характеристики, станет ясно, что борьба всегда идет между типовыми и нетиповыми ситуациями. В одних культурах обычно побеждают типовые ситуации, это культуры полезности. Однако существуют ситуации, когда даже малое воздействие может изменить историю, сбить ее плавное движение. Лауреат Нобелевской премии бельгиец Илья Пригожин называет такие периоды бифуркацией. До них события развиваются по закону маятника, когда стимул определяет реакцию, а сказанное слово вызывает соответствующее действие. Но стоит попасть в зону бифуркации – и все. Нарушаются причинно-следственные связи, даже малый сигнал может повести всю систему в непредвиденную сторону. Помните рассказ Бредбери: человек, попавший в прошлое, нечаянно раздавил бабочку – и вернулся в абсолютно другой мир. Если переходить к личностям, появись тот же Сахаров в какой-то другой системе, в другой стране, он мог бы писать сколько угодно. Для советского общества его путь остался бы нереализованным. Видимо, не только Андрей Дмитриевич – существовала группа, которую я бы назвал группой возможностей и которая "взорвала" манкуртский путь развития. Они были неадаптантами, неприспособленцами, они работали на культуру достоинства. Мне страшно нравится высказывание Стругацких: ты немножко мутант, но ты хороший парень. Оно точно отражает отношение "простых людей" к индвидуальности в культуре, которой "прощают" некоторую необычность поведения за то, что "ты хороший парень" (а средний человек обычен и уж, конечно, хороший парень).

Да, общество не может состоять только из лидеров, в нем должны быть люди ведомые. Однако, по Гегелю, феноменологию духа надо прострадать. Одно дело сознательный выбор. И другое, когда люди следуют указке подобно стаду овец, бегущих за бараном. В каждом из нас сидит сверх-я, инструктор или инспектор, который корректирует наши решения. Он есть всегда, идешь ли ты на митинг или целуешься в постели. Но одно дело, когда человек вступает в диалог с этим инспектором, и совсем другое – когда инспектор восседает в пространстве личности на некоем троне и, словами Галича, "знает, как надо", а человек забывает о его существовании. Отсюда и стремление сидеть в воньком уюте, страх войти в открытую дверь, где ты ответчик за собственные решения. Манкуртное поведение освобождает от ответственности – оно же освобождает и от комплексов неполноценности. Дает защитный слой. Мы как все, даже лучше всех. Вот простой ключ к очарованию национализма. Мы правы, потому что мы русские (евреи, украинцы и т.д.), а они не могут быть правы, потому что не русские (не евреи, не украинцы...) А ведь комплекс неполноценности, по Адлеру (один из последователей Фрейда), – двигатель развития личности. Он защищает ее от опасности ограниченности, самонадеянности, от "я знаю, как надо".

Какой здесь может быть прогноз? Узловые этические проблемы отечественной культуры, я имею в виду традиционную русскую культуру, сосредоточены вокруг боли человеческой, того, чтобы понять, пожалеть, со-страдать. Мы привыкли быть страдающим обществом. Проводились эксперименты с шестилетками: выяснилось, что дети явно со-радовались успеху, победе другого. В семь лет девочки перестали со-радоваться, мальчики еще некоторое время продолжали... А потом они могли сострадать, помогали в беде, но во втором-третьем классе не осталось уже никого, кто мог бы радоваться успеху другого человека как своему. Люди могут сострадать, а сорадоваться только ангелы, сказал один немецкий поэт. Ангелы, подобные Янушу Корчаку, сказавшему: "Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается", – предвестники, я на это надеюсь, культуры достоинства.

P.S.

"Не думаю, чтобы мысль о продолжении жизни целого "человечества" могла бы успокоить личность. Ведь все наши интересы, все связано с личностью именно потому, что мы живем мыслью... Далее, ведь если гибнет личность, то гибнет и "человечество", потому что и его дорогая нам сторона того же характера, что и дорогая сторона личности. Кроме того, совершенно одинаковы условия, указывающие нам на гибель личности, как и на гибель "человечества", или масс организованных. Все дело лишь в численных отношениях, но они уже теряют значение, раз мысль уже привыкла орудовать с численными отношениями".

В.И.Вернадский. Дневники.

Автора представляет переводчик

Если бы Хайнлайн стал президентом

Удивительно, как быстро советские издатели и читатели признали Роберта Хайнлайна. Впрочем, стоит ли удивляться: когда в 1987 году "Локус", ведущий информационно-критический журнал США, освещающий новости и проблемы фантастики, опубликовал результаты опроса читателей, Хайнлайн был признан лучшим писателем-фантастом за всю историю существования жанра, причем с колоссальным отрывом по числу голосов. Ранее подобный опрос проводился в 1973 году – результат был тот же.

Более удивительно, скорее, то, как долго этого писателя, издаваемого и читаемого во всем мире, не признавали у нас. Хотя, наверное, тоже все понятно. Любое произведение Хайнлайна это— яркая, нередко категоричная иллюстрация его убеждений, которые, надо сказать, довольно часто не совпадали с представлениями нашей литературно-переводческой номенклатуры.

Теперь этих "критиков" не вспоминают, а Хайнлайна, к счастью, печатают и читают. Однако мне всегда было немного жаль тех, чье детство и юность прошли без его замечательных книг.

* * *

Роберт Ансон Хайнлайн родился 7 июля 1907 года в городке Батлер, штат Миссури, в семье, где, кроме него, было еще шестеро детей. Закончил школу в 1924 году, два года проучился в университете Миссури, затем поступил в Военно-Морскую Академию в Аннаполисе. С 1929 года служил на флоте, но был уволен в запас по состоянию здоровья. Однако сидеть без дела он не мог просто по складу характера и в 27 лет поступил в Калифорнийский университет, где изучал математику и физику. В предвоенные годы ему довелось перепробовать множество профессий – приходилось заниматься и продажей недвижимости, и политикой, работать в добывающей промышленности и в строительстве, так что в литературу он пришел довольно поздно – первый его фантастический рассказ "Линия жизни" увидел свет только в августе 1939 года.

Надо сказать, что Хайнлайн увлекался фантастикой с детства, лет с девяти, постепенно добавляя к классическим произведениям Верна, Уэллса, Хаггарта и Бэрроуза все, что выбрасывалось в те годы на книжный рынок,– от "Электрического экспериментатора", который издавал Хьюго Гернсбек, до появившихся позже "настоящих" фантастических журналов. Возможно, столь подробное знакомство с жанром и привело к той удивительной изобретательности начинающего автора, которую сразу же отметили в его произведениях читатели.

Любимым писателем-нефантастом стал для Хайнлайна Синклер Льюис. Тщательно "сконструированный" мир, который продуман автором до мелочей, заставляет поверить читателя в реальность вымысла. Таковы книги Льюиса – такова проза Хайнайна. Хотя фантасту, естественно, сложнее убедить аудиторию в достоверности вымышленных образов – но на помощь приходит вера и литературный темперамент самого автора. Плюс богатство идей, нестандартные сюжеты, динамичные диалоги, живые, а не ходульные герои.

В июле 1941 года он уже был почетным гостем Всемирного конвента любителей фантастики в Денвере, а всего через девятнадцать месяцев после публикации его первого рассказа Роберта Хайнлайна признали самым популярным автором по результатам анкетирования среди любителей фантастики США.

Однако после нападения Японии на Пирл-Харбор Роберт Хайнлайн поступил на службу в Военный порт в Филадельфии, где (вместе с Айзеком Азимовым и Спрегом Де Кампом) проработал инженером-механиком до окончания войны. На этот срок фантастика, кроме него самого, потеряла еще несколько "заметных писателей": часть своих произведений Хайнлайн публиковал под псевдонимами Ансон Макдональд, Лайл Монро, Калеб Сандерс и Джон Риверсайд.

В творчестве писателя условно можно выделить три группы произведений, три периода – пусть не с очень четкими временными границами, но при знакомстве с его произведениями в полном объеме это деление достаточно очевидно.

К первому периоду относятся все довоенные рассказы и повести, переизданные в начале пятидесятых в сборниках "Человек, который продал Луну", "Вселенная", "Зеленые холмы Земли", "Восстание в 2100-м" и др. Кроме того, романы, опубликованные до конца сороковых, – такие, как "За этим горизонтом", "Шестая колонна", "Пасынки вселенной". Большинство этих произведений казались новаторскими и техникой, и

идеями, но технику Хайнлайна быстро растиражировали, а фон произведений, что, в общем-то, характерно для фантастики 30-40-х годов, выглядит сейчас уже несколько архаично. Показательно, что к этому периоду относятся почти все его произведения, связанные общей концепцией "Истории будущего".

В течение второго периода (конец 40-х – начало 60-х) Хайнлайн писал гораздо меньше рассказов, хотя, по мнению американских историографов жанра, именно ему в значительной степени обязана фантастика прорывом из узкого круга любителей к широкой читательской аудитории, от дешевых журналов с белокурыми красавицами на обложках – на страницы национальных еженедельников и изданий с "солидными" подписчиками.

Однако главный результат этого периода – более полутора десятков замечательных романов, среди которых "Красная планета" (49), "Фермер в небе" (50), "Катящиеся камни" (52), "Пилот Джонс" (53), "Звездный зверь" (54), "Туннель в небе" (55), "Гражданин галактики" (57).

В 1956 и 1960 годах Роберт Хайнлайн получил две премии "Хьюго", присуждаемые за лучшие произведения года на Всемирных конвентах любителей фантастики, – за романы "Двойная звезда" и "Звездная пехота".

А в 1961 году появился "Чужак в чужой стране" (третья премия "Хьюго", 1962 год), и этот роман положил начало третьему периоду в творчестве Хайнлайна. Фантастика постепенно выходила из своего гетто, и писатель, завоевавший огромное число поклонников, получил возможность писать вещи не просто увлекательные, но часто сложные, неожиданные, противоречивые, подчас даже скандальные по тем пуританским меркам, которые по привычке применялись к фантастике как к литературе детской, хотя она давно уже вышла за рамки этого возраста. Надо сказать, Хайнлайн нередко пренебрегал какими бы то ни было литературными канонами, порой бывал чрезмерно нравоучителен, но популярности его уже ничто не угрожало – он надежно завладел сердцами и воображением читателей. В 1967-м он получает четвертую премию "Хьюго" за роман "Луна – суровая хозяйка". А в 1974 году Ассоциация Американских писателей-фантастов присудила ему звание Грандмастера и первую премию "Небьюла", врученную за обладание этим титулом. В 1976 году Роберт Хайнлайн снова почетный гость Всемирного конвента любителей фантастики. Романы "Не убоюсь зла" (70), "Достаточно времени для любви" (73), "Число зверя" (80), "Пятница" (82), "Иов" (84), "Кошка, проходящая сквозь стены" (85), "За закатным горизонтом" (87) неизменно оказываются в числе лучших произведений года и в списках национальных бестселлеров. Большинство книг Роберта Хайнлайна до сих пор успешно переиздаются в США и Англии, и это тоже свидетельство огромной популярности, поскольку в одних только США уже давно выходит около тысячи новых фантастических книг в год.

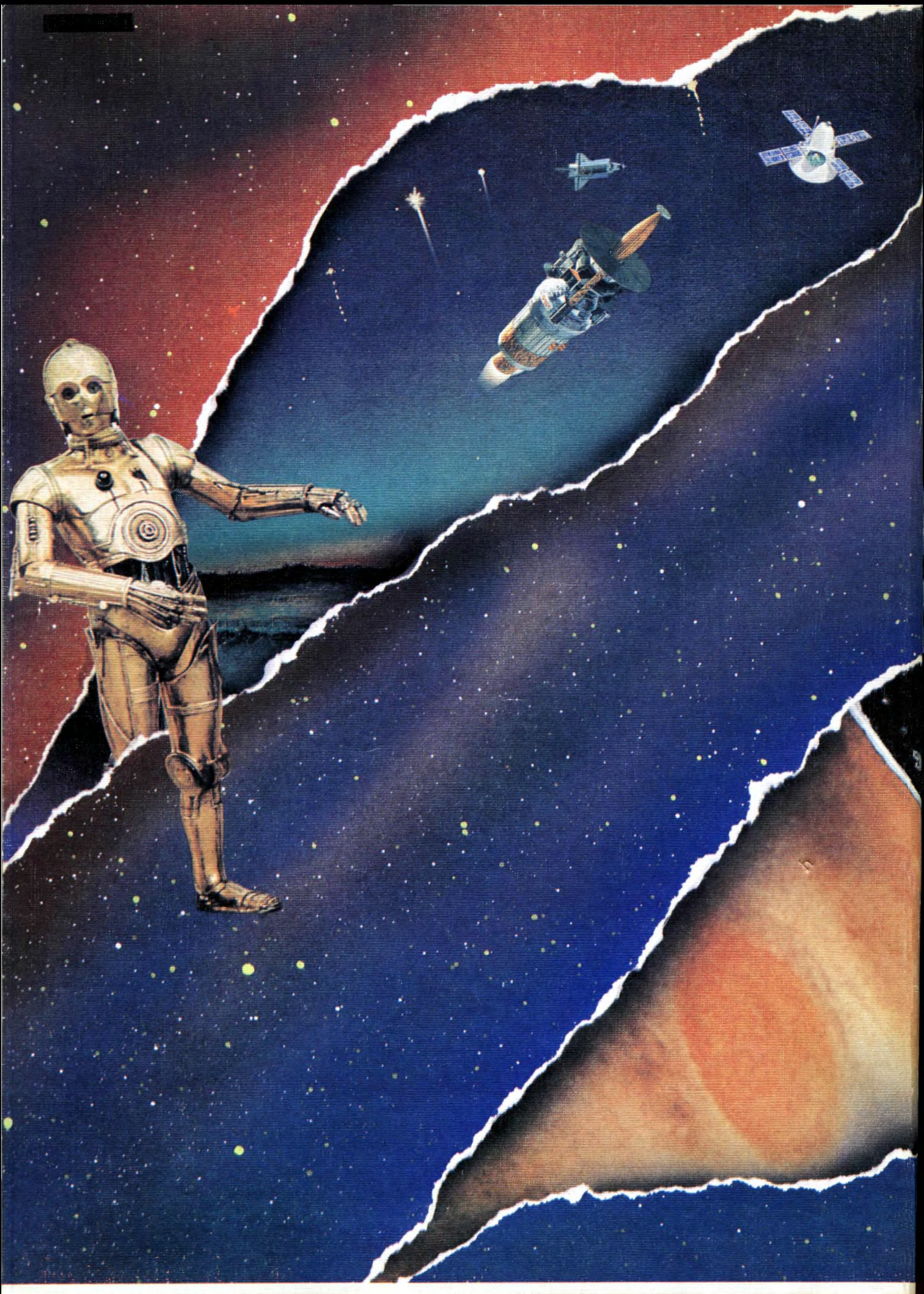
8 мая 1988 года Роберта Хайнлайна, которого несколько поколений писателей-фантастов по праву называли Учителем, не стало. Фантастический мир потерял одного из своих вдохновителей и творцов, но за долгие годы работы писатель подарил нам множество замечательных книг, и они продолжают жить.

* * *

В фантастике есть такой прием – "альтернативный мир", то есть в произведении описывается мир, где история по той или иной причине пошла другим путем. Так вот, совсем недавно с интервалом чуть больше года в США были опубликованы два рассказа. Рассказы, написанные Ларри Нивеном и Полем Ди Филиппо, совершенно разные по стилю и по сюжету, но в обоих один из главных героев – Роберт Хайнлайн. И кем, вы думаете, он выведен в этих рассказах? В одном – адмиралом флота и руководителем всех космических программ страны, в другом – президентом Соединенных Штатов!

Александр Корженевский

MOSCOW////NEWS

Для нашего читателя нет неожиданностей.
Оперативный прогноз, с которым регулярно выступают на страницах газеты ведущие экономисты, политики, публицисты позволяет читателям "Московских новостей" точно строить свои планы.
Мы даем Вам шанс избежать ошибок.
Мы даем Вам возможность заглянуть в будущее.
Фантастика размышляет о том, что может произойти.
Футурология - о том, что, возможно, произойдет. "Московские Новости" говорят о том, что произойдет непременно.

Сдано в набор 15.10.91 г.
Подписано в печать 10.12.91 г.
Фотоформы изготовлены издательством газеты "Московские Новости", тираж отпечатан типографией издательства "Пресса".
Усл. печ. л. 14,2. Уч. изд. л. 16,1.
Тираж 150 тыс. экз.
Цена договорная. Заказ № 1174.